МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В. И. Веретенников

История Тайной канцелярии Петровского времени

В. И. Веретенников

История Тайной канцелярии Петровского времени

Москва
Берлин
2021

УДК 94(47).05:351.746.1
ББК 63.3(2)511-36
В31

Веретенников, В. И.

В31 История Тайной канцелярии Петровского времени / В. И. Веретенников. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. — 264 с.

ISBN 978-5-4499-2633-3

Восемнадцатый век — один из наиболее интересных и полных содержания моментов в истории России. Одному из таких моментов, частному эпизоду петровского царствования, связанному с историей Петровской Тайной канцелярии, посвящена книга русского историка Василия Ивановича Веретенникова (1880–1942). По словам автора, это «...один из главнейших моментов в истории установления в строе России XVIII века той стороны его, которая с того момента явится играющей определенную и ясную роль во всей истории этого века».

УДК 94(47).05:351.746.1
ББК 63.3(2)511-36

ISBN 978-5-4499-2633-3

Предисловие

Восемнадцатый век — один из наиболее интересных и полных содержания моментов в истории России. В этот век совершился тот перелом в строе государственном (и, конечно, не только в государственном), который поставил в итоге на иной путь все дальнейшее движение русского исторического процесса, на тот путь, по которому направлялся этот процесс, не будет большим преувеличением сказать, почти до конца XIX века. Однако до последнего времени история XVIII столетия оставалась почти не разработанной даже в отдельных ее частях; и только в последние 15–20 лет произведено было несколько крупных по достоинству и значению исследований, стоящих всецело на высоте современных научных требований и с достаточной точностью оперирующих над архивным материалом, в большом количестве дошедшим до нас от того времени. Но по отношению к общей истории XVIII века все эти исследования являются только фрагментами, и притом довольно случайными по своим темам; большая часть важнейших вопросов из истории данного времени остается еще совершенно или почти совершенно нетронутой; и это, конечно, не простая случайность. Не входя в детальное рассмотрение такого явления, позволю себе только заметить, что целый ряд обстоятельств до самого последнего времени обуславливал неизбежность этого. Обилие материала, недостаточная его выясненность и разработанность, трудность доступа ко многим очень важным частям его, а также сравнительная близость XVIII века к недавнему прошлому — вот некоторые главнейшие причины, тормозившие у нас изучение истории данного времени. Но современный уровень научных требований и обилие ныне уже почти доступного материала не позволили, когда явилась возможность, сразу, без большой подготовительной работы обратиться к более или менее широким темам по истории XVIII века; это последнее и привело к такому как бы фрагментарному исследованию истории данной эпохи, о нарождении которого за последнее время мы только что говорили.

Таким образом, очередной задачей в изучении XVIII века (говорю, конечно, о задаче, доступной силам отдельного исследователя) является точное изучение частных, отдельных моментов этой истории и подготовка таким путем фундамента, на котором в будущем уже явится возможность более широкими штрихами строить историю XVIII столетия.

Стремясь по мере скромных сил своих ответить этой, по моему мнению, очередной задаче в изучении рассматриваемого периода, я и принялся за предлагаемое исследование. Тема его ограничена; она

обнимает только частный эпизод петровского царствования, но я постарался приложить все усилия, чтобы построить свое основное исследование на возможно тщательном изучении архивного материала, стремясь этот материал подобрать возможно полней. При этом, во избежание недоразумений, позволяю себе оговориться в отношении глав 1, 2 и 10 (т. е. вводных и заключительной), что эти главы в исследовании играют роль только чисто служебную, что приводимые в этих главах материалы, конечно, отнюдь не достаточны для полного и всестороннего ответа на темы названных глав; что выводы, в них делаемые, прочны лишь постольку и в том, в чем это требовалось для последующего изложения, в посильное развитие и подкрепление положений основного исследования. Еще одна оговорка: в ссылках, мной делаемых на архивные документы, я позволил себе несколько сокращенных обозначений; именно: Государственный Архив Министерства иностранных дел (С.-Петербург) я сокращенно обозначаю при указаниях на документы, в нем хранящиеся, буквами «Г. А.»; Архив Сенатский (С.-Петербург) сокращенно обозначаю буквами «С. А.», и, наконец, Московский архив Министерства юстиции сокращаю инициалами «М. А. М. Ю.».

Слишком далекий от уверенности, чтобы мне удалось выполнение взятой на себя в этом исследовании задачи, утешаю себя мыслью, что иногда ошибки и заблуждения одних — в данном случае мои — помогут другим, в данном случае моим преемникам по теме, с большей прочностью прийти к более правильным выводам, которые, быть может, от меня ускользнули. Не могу отказать себе в глубокой потребности выразить мою сердечную благодарность Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому, моему учителю, предварительной школе которого я обязан тем положительным в научном смысле, что найдется в предлагаемой работе.

В заключение позволю себе выразить мою искреннюю признательность Сергею Михайловичу Горяинову за его доброе бывшее для меня столь ценным отношение к моей работе, а также Андрею Андреевичу Привалову — за его участливое внимание и помощь в моих архивных изысканиях.

Приношу свою благодарность Эрнесту Львовичу Радлову и Николаю Дмитриевичу Чечулину, радушно приютившим часть этого моего исследования на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

Не могу тут же не засвидетельствовать своего глубокого уважения к памяти безвременно скончавшегося Николая Павловича Павлова-Сильванского за ту поддержку и доброжелательное отношение, которое я у него неизменно встречал во время своей работы.

Глава первая
К истории «слова и дела» до учреждения Тайной канцелярии

I

Выражения «слово и дело», «государево слово», «государево слово и дело», «государево дело» становятся известными, получая определенное значение в правительственной практике на Московской Руси, уже в начале XVII века. До этого времени, если не ошибаемся, указаний на эти выражения не существует, а законодательные памятники до XVII столетия совершенно не знают ничего даже близкого по значению к этим выражениям и с ними связанным процессом.

Не входит в нашу задачу углубляться в вопрос о происхождении и постепенном формировании этих выражений в связи с соединенной с ними правительственной практикой. Мы позволим себе начать с того момента, когда выражения эти вошли в нормальный обиход правительственной практики, т. е. есть с начала XVII века, от какого времени до нас дошли первые дела по «слову и делу». Отнюдь не имея в виду обозреть даже главнейший к этому относящийся материал (архивный и печатный), мы стремились в этой главе лишь на основании некоторых данных сделать те выводы, которые бы помогли нам в дальнейшем точнее и правильнее осветить эволюцию в происхождении Тайной канцелярии Петровского времени.

Имея в виду исключительно такую цель, остановимся сначала на некоторых материалах из наиболее ранней нам известной правительственной практики по «слову и делу».

В 1621 (7130) году лебедянский воевода Михнев в грамоте на имя царя Михаила Федоровича пишет, что «пришед в город в съезжую избу, голова стрелецкий казачий Еремей Толпыгин извещал, Государь, мне холопу твоему» на одного казака, что тот при наказании его батогами кричал: «пощади де... (тут место в подлиннике испорченное) для нашего государя царя Дмитрия!» По этому извету воевода немедленно приказал привести казака в съезжую избу и спросил его «очи на очи» об его таких словах, но казак «в такове слове заперся». Посадив все-таки обвиняемого в тюрьму, воевода кончает грамоту просьбой указа, что ему делать далее. В ответ на это следует указ, которым повелевается воеводе допросить казака еще раз, собрать показания свидетелей и даже привести обвиняемого к пытке в застенок, но не пытать, и все следствие прислать в Москву. Дальнейшее

делопроизводство по этому делу не сохранилось[1]. Тут, однако, мы имеем дело с изветом, форма которого, к сожалению, остается для нас неясной, но вот уже прямое точное указание и на самую форму. В 1622 (7131) году воевода города Переяславля пишет в отписке на имя царя, что «сказывал мне, холопу твоему, в съезжей избе... сын боярской... Малыгин твое государево дело на поместного казака», что «говорил он» «на беседе» «неподобное слово»; воевода «с приставом» при этой грамоте посылает в Москву и обвинителя, и обвиняемого. По получении в Москве этой отписки и колодников при ней в Разряде думные дьяки подробно допрашивают присланных. По словам доносителя, во время ссоры на одном пиру казак сказал: «Я-де царю горло перережу!» Обвиняемый на допросе не признавался, утверждая, что он не такие слова говорил. Расспросные речи обвиняемого и обвинителя были тщательно записаны; дальнейшего делопроизводства в столбцах не имеется[2].

В 1625 (7134) году некто ростовец Богданов бьет челом царю, что его ростовский воевода держит в тюрьме по оговору в «государеве деле». По этой челобитной в Разряде был сделан экстракт о деле Богданова, из которого видно, что ростовский откупщик Данилов «извещал» воеводу «в съезжей избе», что Богданов говорил «про государя непригожие речи»; вследствие такого доноса воевода допросил свидетелей «с очи на очи», которые и подтвердили обвинение. Тогда воевода обо всем доносит «до государева указу» в Москву, препровождая туда и все расспросные речи. В ответ на это из Москвы последовал указ: виновного, «выняв из тюрьмы», «бить по торгам кнутьем нещадно, чтобы, на то смотря, иным неповадно было вперед так воровать; а бив кнутьем, велено его посадить в тюрьму до государеву указу». Воевода, все исполнив согласно указу, донес об этом в Москву. В ответ на челобитье виновного велено было по указу выпустить его из тюрьмы[3].

В 1627 (7136) году черный поп Мартирий сказал за собой «государево дело», и монастырскими властями был отослан в Казань к воеводе, где в съезжей избе письменно изложил это «государево дело», то есть донес на некоего стрельца Осипка, который при многих свидетелях говорил, «что де государь... Михаил Федорович... упросил бояр сроку на семь недель огосударствовать, а выходил-де государь того упрашивать у бояр на лобное место...» и «что-де патриарх государю

[1] М. А. М. Ю. Столбцы Московского стола. № 12. Л. 118–120.
[2] М. А. М. Ю. Столбцы Белогородского стола. № 8. Л. 156–162.
[3] Там же. Л. 401–407.

не отец». Этот извет был немедленно доведен до сведения Москвы, откуда последовало по царской грамоте повеление — всех свидетелей и обвиняемого прислать в Москву, что и было исполнено. В Москве перед боярином кн. Ив. Бор. Черкасским и думным дьяком Ф. Лихачевым были допрашиваемы все присланные воеводой по этому делу; конца этого дела не сохранилось[4].

В 1630 (7139) году возникло дело по обвинению кн. Дм. Пожарского, псковского воеводы, и его товарища кн. Гагарина во многих преступлениях по службе, причем было предъявлено два обвинения в виде вопросов: «В 138 году Святогорского монастыря черный дьякон Святогорского ж монастыря на келаря в съезжей избе государево дело извещал и какое государево дело извещал?» Видимо, вина состояла в том, что воевода скрыл этот факт и не донес об этом обычным порядком, что и вызывало у следователей стремление узнать, какое это было «государево дело». Второе обвинение, предъявленное Пожарскому, формулировалось так: «и князь Дмитриев человек Пожарсково во Пскове в съезжей избе кричал ли, и государево слово за собою сказывал ли, и князь Данило Гагарин, вышед из комнаты, того ж княж Дмитриева человека по щекам бил ли, и ко князю Дмитрию на двор его отсылал ли?»[5] Таким образом, Пожарский и Гагарин обвинялись еще в том, что когда человек Пожарского сказал за собой «государево дело», то он и Гагарин старались это замять, вместо того чтобы дать делу надлежащий ход; при «обыске» так и не выясняется, что это были за «дело государево» и «слово государево».

В 1636 (7145) году воевода Судаков извещает царя из Белгорода, что когда он проезжал мимо тюрьмы, то тюремный сиделец Трошка сказал «твое государево великое слово», но какое именно, не сказал: «скажет-де он на Москве». На эту воеводскую отписку последовал из Разряда указ, где написано между прочим: «...ты б тюремного сидельца Трошку... взял... к себе в съезжую избу и спросил, какое за ним наше дело, и он бы то написал своею рукою; а будет он грамоте не умеет, и ты б тому нашему делу взял у него письмо за рукою отца его духовного; а будет у него отца духовного нет, и ты б его расспросил на один, какое за ним наше дело, а что бы он Трошка про наше дело тебе скажет, и ты б то наше дело велел записать подьячему доброму; а будет Трошка про наше дело не скажет, и ты б его велел пытать, какое за ним наше дело; а что Трошка... про наше дело тебе скажет,

---

[4] Чтения в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1887 г. Кн. 2. С. 248–255.

[5] Все это дело напечатано в «Чтениях в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.». 1870 г. Кн. 1. Отд. V. С. 1–179.

и ты б о том к нам отписал, и расспросные, и пыточные речи прислал, а его Трошку велел бы держать в тюрьме». Конца дела в столбцах не имеется[6].

В 1643 (7152) году воевода из Кром доносит: «в нынешнем в 152 году октября в 15 день прислана твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руссии грамота ко мне холопу твоему из разряда... по твоей государевой грамоте велено мне, холопу твоему... черкашенину Лучке Хулемнину (?), который у съезжей избы сказал при многих людех, что говорил он Лучка про тебя государя царя... непригожие слова», «которого и бояре твои государевы за то его воровство приговорили бить кнутом» и водить по торгам, а потом опять на службу отпустить, — об этом деле воевода и доносит, что поступил во всем согласно вышеизложенной грамоте[7].

Прежде всего следует заметить, что в приведенных примерах все дела по «слову и делу» в царствование Михаила Федоровича сосредотачивались в Разряде как высшей инстанции, имея своим началом «изветы» частных лиц воеводам в съезжих избах. Это дает право считать, что Разряд находился в числе учреждений, ведавших преступления «слова и дела», причем в большинстве случаев он являлся высшей инстанцией, ставящей по указам приговоры; следование же, розыск редко входили в сферу его деятельности. Нетрудно по изложенным примерам проследить обычный делопроизводственный порядок дел «слова и дела», когда они попадали в Разряд.

Всякое дело начинается исключительно изветом со стороны какого-либо частного лица о знании им «слова или дела государева»; извет этот делался воеводе в приказной избе; воевода обычно снимал допрос с обвинителя, обвиняемого и свидетелей и, подвергнув, кого считал необходимым, тюремному заключению, обо всем подробно доносил в Разряд, адресуя отписку на государево имя, и просил «указу». Обычно указом из Разряда требовали дополнительных допросных, а иногда и пыточных (т. е. повелевалось воеводе обвиняемых пытать) речей, на основании которых обычно Разряд выносил приговор; впрочем, иногда первые допросные речи и колодники с ними отсылались воеводой в Разряд, где и производился окончательный розыск, ставился и приводился в исполнение приговор; но этот порядок, видимо, встречался реже.

Ныне почти оконченные разбором и описанием столбцы Разряда, хранящиеся в Московском архиве юстиции, дают даже в описаниях

[6] М. А. М. Ю. Столбцы Белогородского стола. № 83. Л. 716–718.
[7] Там же. № 168. Л. 136–137.

достаточно определенную картину деятельности Разряда. Если воинское дело, безусловно, составляло один из главнейших отделов ведения Разряда, то не менее существенным отделом его ведения были воеводы и все воеводское правление, которое обнимало собой в сильной степени то, что ныне относят к сфере внутреннего управления, а в том числе и вся полиция, в самом широком смысле этого слова, была в руках воевод и Разряда как высшей инстанции; в силу этого-то, видимо, воеводы и с ними Разряд ведали дела по «слову и делу»; т. е. Разряд ведал эти дела постольку, поскольку он ведал вообще между прочим полицию.

Являлся ли Разряд во время Михаила Федоровича исключительным учреждением, где только и разбирались дела «слова и дела». Если нам не удалось найти достаточно прямых данных для ответа на этот вопрос, то, кажется, из рассмотрения некоторых дел ближайшего времени — первых годов царствования Алексея Михайловича — можно будет с большой вероятностью решить этот, вопрос в отрицательном смысле, т. е. что Разряд отнюдь не являлся исключительным учреждением по преследованию «государственных дел».

Затем очевидно из первых нами приводимых, дел, что выражение «государево слово и дело» в его позднейшем значении было определенно известно в обычной практике уже в начале двадцатых годов XVII в., а это заставляет сделать предположение, что образование такого выражения и всего с ним связанного должно было иметь место еще раньше, еще, возможно, при Рюриковой династии; во всяком случае можно утверждать, что с самого начала XVII века «слово и дело» являлось уже известным в административной практике выражением.

Итак, в начале XVII в. уже были известны преступления, выражавшиеся в оскорблении верховной власти и стремлении к ее умалению; эти преступления раскрывались путем доносов, бывших как бы обязательными; причем эти доносы носили специальное название изветов по государеву делу или слову; такое название, быть может, обозначало отношение доноса непосредственно к особе царя. Следствие ближайшее велось обычно воеводами, которые немедленно доносили обо всем ими найденном в Москву, где дела эти ведались в Разряде, а вероятно, и в других приказах, так как никакого особого учреждения для их ведения, видимо, не существовало. Позволим себе остановиться еще немного на двух характерных деталях процессов по слову и делу в первой половине XVII века, то есть в царствование Михаила Федоровича.

В делах самых ранних (см. дело 1625 года) уже встречаются краткие указания, что воеводы допрашивали виновных «очи на очи» или «на один». Эти беглые замечания определенно указывают, что уже и в то время желание вести подобного рода дела скрытно, окружать их особой тайной существовало в правительственной практике; ответить на вопрос, чем вызывалось такое стремление, к сожалению, мы не имеем данных; с другой стороны, нет данных, чтобы заключать о возрастании такого стремления; по-видимому, в течение всей первой половины XVII века это стремление так и остается в зачаточном виде; можно даже думать, что так шло и через весь XVII век. Вместе с этим можно отметить, что, кажется, самый процесс дел по «слову и делу» не являлся в основных своих чертах, совершенно установленным, в начале XVII в.; это можно заключить косвенно из приведенной нами в отрывках грамоты по делу 1636 года (см. выше); в этой грамоте воеводе излагается весь порядок (обычный), в котором он должен вести дело; значит, считали нужным излагать этот порядок подробно для отдельного случая, следовательно, он только устанавливался этими указами, точнее, рядом их — по конкретным случаям; руководствование сепаратными указами отнюдь, как известно, не было чуждо практике Московской Руси.

С 1645 года начинается царствование Алексея Михайловича. До Уложения, в самом начале этого царствования, никаких изменений в понимании и способах преследования преступлений по «слову и делу», сравнительно с предыдущим временем, не происходит. В 1644 (7153) году тюремный сиделец в Кашине Тимошка Антипин в тюрьме «сказал за собой государево дело» воеводе Лазареву, который и послал этого Тимошку «к Москве в Разряд»; а слышал этот Тимошка, как сидевший с ним в тюрьме некий Хрисанко «сказал за собой государево слово». Воевода пишет, что этот Хрисанко сумасшедший, «простоумный», и сказал за собой «слово» просто «во исступленьи ума своего». В Разряде перед боярами (Ив. Вас. Морозовым, Мих. Мих. Салтыковым и кн. Пет. Фед. Волконским) этот Тимошка был допрошен, но ответил, что «скажет он то государево дело государю самому», когда царь вернется из похода. Однако бояре требовали, угрожая пыткой, чтобы Тимошка все рассказал им; тогда Тимошка заявил, что в Кашинской тюрьме Хрисанко ему говорил, «что за ним... есть государево великое дело, а какое... того ему Тимошке... не сказал»; тут же был назван и ряд свидетелей. Бояре все допытывались «с пристрастием», что за «государево дело» говорил за собой Хрисанко, однако Тимошка ничего не мог сказать, так как сам не знал. Тогда в Кашин был послан пристав Разряда для взятия Хрисан-

ки с одним свидетелем и привоза их в Москву, в Разряд. По доставлении Хрисанки в Разряд бояре его расспрашивали, какое за ним есть государево слово; Хрисанко отвечал, что болен он падучей болезнью и поэтому бывает «во исступлении ума своего» — почему его и держали в тюрьме — и никакого слова государева за ним нет. Ему сделали очную ставку с обвинителем, который продолжал давать старое показание; Хрисанко, не отвергая возможности совершения преступления, говорил только, «он того не упомнит, потому что он болен падучею болезнью». Свидетель Артюшко подтвердил, с одной стороны, показания обвинителя, что Хрисанко действительно говорил за собой государево слово («а какое... того не говорил»), но в то же время констатировал его болезненное тогдашнее состояние, однако с оговоркой, что «в целом ли уме или во исступленьи ума» сказал Хрисанко за собой слово, «того он Артюшка не ведает». Обвиняемый стоит на своем, что был болен и ничего не упомнит. Дело кончается тем, что «по государеву указу» Хрисанке «учинено наказанье в Разряде: бить батоги и отдан» своему господину[8].

В октябре 1645 года ввечеру в Приказ Большого дворца, где сидели трое подьячих: Мотякин, Иван Прохоров да Иван Терапов — «пришел к столу старец колодник», а дневальным был в то время подьячий Мотякин, и этот пришедший колодник начал говорить про царя непристойные слова, что царь Алексей Михайлович — не «прямой царевич», а рожден от сенной девушки. Услышав такие слова, Мотякин, бывший дневальным, хотел сейчас же о них известить приказного дьяка, но было уже темно, и он идти побоялся, а на следующий день «такие слова побежал известить в село Коломенское государю» и подал обо всем этом челобитную, вследствие которой «указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси про то расспросить и подлинно сыскать своим государевым боярам Борису Ивановичу Морозову, да князю Алексею Михайловичу Львову, да думному дьяку Григорию Львову. И того ж дни бояре про то расспрашивали и сыскивали». По показанию одного из присутствовавших подьячих чернец «говорил: прямово корени был царевич князь Иван Михайлович, а князь Алексей Михайлович непрямой, подменной, "знаем де мы такие подмены"!» На вопрос бояр, откуда это слышал обвиняемый, этот последний, не запираясь, говорил, что все это «явлено» ему от Андрея Критского, а также это слышал он от жены своей и баб своего села Олексина. Бояр, видимо, очень интересовал вопрос, откуда чернец такие «затейные воровские речи» взял,

[8] Чтения в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1903 г. Кн. 4. С. 26.

и они пугали его тем, что «быть ему пытану и огнем жжену». Конца этого дела мы не имеем; вероятно, он утрачен[9].

В 1646 (7155) году чернец Кириллова монастыря Никодим сделал извет на неких монахов, что они говорили про великого государя и про бояр «многие непристойные речи»; к сожалению, не видно, что это были за речи. «И те чернцы... в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред бояриным... пред Григорием Гавриловичем Пушкиным, да пред дьяком... Ларионовым винились... и довелись было смертные казни», но «для иноческого образа» помилованы и отосланы были в монастырь на смирение. Все это мы узнаем из грамоты царской в Кириллов монастырь от 23 января 7155 года[10].

В 1647 году «июля в 11 день на государеве стану в селе Коломенском в Приказе большого дворца боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову да дьяку Давыду Дерябину села Коломенского приказный человек Иван Алешнев извещал, что в селе Коломенском живет» крестьянин Данилов, который ведет сношения с разными таинственными людьми, которые «по него приезжают». Этого Данилова сыскали и расспрашивали, «в расспросе перед бояриным... кн. Львовым да перед дьяком... Дерябиным винился, а сказал», что он с женой ведовством, шептанием и чародейством лечили людей и выгоняли из скота дьявола; были Данилов с женой расспрошены «в Приказе сыскных дел перед князем Алекс. Никит. Трубецким, да... Пушкиным, да перед думным дьяком»; в деле был очень замешан Семен Стрешнев, на которого указывали, как на покровителя всех этих волшебств. В результате Стрешнев обвинен в том, что «государева здоровья не остерегал и государю про таких злых ведунов не известил и сам с ними знался многие годы»[11].

В 1648 году воевода Ив. Квашнин извещает Разряд (по Новгородскому столу) о доносе, что сказывал за собой «твое государево слово» тюремный сиделец Оська Харитонов; и воевода велел этого Оську поставить перед собой, и спрашивал у него, что это за слово; но Оська отвечать отказался, заявив, что «скажет де он то твое государево слово на Москве, кому ты, государь, укажешь». Донося обо всем этом, воевода просит указа, как ему поступать далее; дальнейшего производства этого дела в столбцах не имеется[12].

Подводя итог всем вышеизложенным данным за время первых лет царствования Алексея Михайловича, нетрудно видеть, что все остава-

---

[9] Г. А. VI. № 2.

[10] Чтения в Общ. Ист. и Др. Рос. 1885. Кн. 4. Отд. V. С. 1–2.

[11] Г. А. VI. № 3.

[12] М. А. М. Ю. Столбцы Новгородского стола. № 96. Л. 353.

лось совершенно в таком же положении, в каком оно сформировалось в предыдущее царствование. Необходимо только дополнить, что выясняется с достаточным вероятием отсутствие в первой половине XVII века каких-либо или какого-либо одного особого, исключительного или специального учреждения, ведавшего дела по «слову и делу»; несомненно, дела такого рода попадали в разные московские приказы, где и вершились. По недостатку материала трудно только решить, почему однородные дела попадали в разные учреждения; возможно, что тут действовал принцип ведения по месту и человеку, а не по роду дела. Надо также отметить, что все приказы как будто ведали дела по «слову и делу» с одинаковой и полной компетенцией; по крайней мере, мы можем это сказать о Разряде, Приказе сыскных дел и Приказе Большого дворца — учреждениях крайне разнородных по предметам своего прямого ведения.

II

В Уложении царя Алексея Михайловича, в первом из законодательных памятников, имеется отдел, посвященный преступлениям по «слову и делу»; собственно выражений «слово и дело» и ему подобных, мы не встречаем и в Уложении; но один отдел этого законодательного памятника посвящен именно и исключительно того рода преступлениям, которых только и касались, как мы выше видели, выражения «слово и дело» и ему подобные; а встречающийся в этой главе Уложения термин «извет» есть не что иное, как только более общее обозначение частных понятий, заключающихся в выражениях «слово и дело», «государево слово», «государево дело», «государево слово и дело». На все это точно указывает, как увидим далее, практика в применении этой второй по счету главы Уложения, носящей следующее заглавие: «о государской чести, и как его государское здоровье оберегать». В первой статье этой главы говорится об «умышлении» на «государское здоровье» «злого дела», т. е. о покушении на жизнь и здравие Государя; во второй статье речь идет об умышлении «государством завладеть и государем быть» и в конце говорится о государственной измене, которой дальше посвящены статьи с 3 по 11 включительно: далее до конца идут статьи процессуального характера и о проступках против процесса. Итак, вторая глава рассматривает следующие роды преступлений 1) государственную измену (ст. 3–11); 2) покушение на жизнь и здравие государя (ст. 1); 3) покушение на власть «державы царского величества», каковое покушение понимается сообразно времени в прямом смысле, как желание «Московским государством завладеть и государем быть» (ст. 2); кроме того, сюда же вводится: 4) преступление

«приходить, грабить и побивать» «самовольством, скопом и заговором» «к Царскому Величеству и на Его Государевых бояр и окольничих, и на Думных и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей» (ст. 21). Следующая, 22-я, статья говорит о наказании только «приказных людей» за неправое обвинение кого-либо в действии против них «скопом и заговором»; а из этого видно, что тут, как и в ст. 21, разумеется мятеж или заговор против законных властей.

Тут же, в этой же 2-й главе, мы находим и процессуальные формы для дел по этого рода преступлениям. Статьями 19 и 21 устанавливается обязанность каждого «извещать» власти о всяком «ведомом» злом умысле, заговоре и прочем: за неисполнение этого требования грозит смертная казнь «без всякия пощады». Этот «извет» должен быть произведен «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии или его Государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям» (18 ст.). Если ответчика, на кого «извещают», налицо не оказывается, то его разыскивают, потом делают ответчику и доносителю очную ставку, и должны притом «сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинити, как о том писано выше сего» (ст. 16). Таким образом, всякое дело против преступлений такого рода должно начинаться только по извету, доносу, других путей не указано. Этот «извет» является, при наличности «ведения», обязанностью каждого, за неисполнение которой положена смертная казнь без пощады. Донос делается в Москве самому государю или его боярам и ближним людям, а во всей России («в городах») — воеводам или приказным людям. В какие бы руки из вышеперечисленных донос ни попал, закон обязывает отыскать немедленно ответчика, сделать очную ставку и продолжать следствие, самое тщательное, причем, конечно, должны были применяться обычные приемы (пытки и проч.), так как не оговаривается характер «сыска», а только квалифицируется его степень: «накрепко». По окончании следствия, после получения известных результатов, сообразно им и сообразно нормам Уложения должно быть постановлено решение, «учинен указ». Из этого общего наброска, кажется, можно сделать одно немаловажное заключение, а именно, что Уложением не устанавливалось никакого особого учреждения, специально ведавшего дела по «слову и делу»: дела эти ведались общими государственными установлениями того времени (воеводами и другими приказными людьми).

Из сделанного разбора второй главы Уложения кроме того ясно видно, что вся она является только фиксированием, довольно точ-

ным, в законодательном порядке того, что в практике, как мы видели, кажется, установилось уже довольно прочно гораздо ранее. Итак, Уложение ничего нового не внесло в формы производства дел по изветам о слове и деле государевом, только в самых общих чертах закрепив уже ранее существовавший в практике порядок.

Обратимся же теперь к вопросу, как фиксированные Уложением нормы действовали на деле и не внесла ли в них дальнейшая практика чего-либо нового.

В 1650 (7159) году от царя и великого князя псковскому воеводе Львову была послана грамота, в которой говорилось: «...писали к нам... ты воевода... да дьяк... что... Гришка Трясисоломин говорил про царицу нашу и великую княгиню Марию Ильиничну непристойные речи и с пыток в том винился»; «и вы б того вора Гришку Трясисоломина за его воровские непристойные речи велели казнить: вырезать ему язык; и сослали его в Великий Новгород, с женою и с детьми», «с великим береженьем», и как это будет исполнено, «вы б о том к нам отписали, а отписку велели отдати в Посольском приказе дьякам нашим думным Михаилу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Андрею Немирову»[13].

Из этой грамоты, во-первых, ясно, что на местах ведали дела по «слову и делу», пытали и допрашивали — словом, вели все следствие обычные воеводы, но о результатах сообщали в Москву, и окончательное решение, приговор, шел уже из Москвы от царя; причем, видимо, данное дело велось в Москве через Посольский приказ.

В 1650 (7159) году костромского воеводу в приказной избе «извещал» костромитин Мишка Огарев на костромитина Калинина, что он неприлично бранил государя. Воевода «ставит перед собой» обвиняемого, ведет допрос, вызывает свидетелей; и расспросные речи все записанные были по окончании следствия воеводой отосланы в Разряд[14].

В 1655 (7164) году в Разряде, в Новгородском столе, получили от воеводы отписку, что в съезжей избе его словесно извещал казак на одного крестьянина, который будто кричал у кабака: «Ты-де государев слуга, а я-де государев друг». Воевода допросил обвиняемого (который передавал иначе свои слова), отдал его за пристава и просит указа, что ему далее делать. Дальнейшего производства по делу в столбцах не имеется[15].

---

[13] А. А. Э. IV. № 51.
[14] М. А. М. Ю. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 1–11.
[15] М. А. М. Ю. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 52.

В Новгороде в 1662 году некто Рогозинский по донесению воеводы Репнина сказал «наши царственные дела», как выражается царская грамота Репнину о присылке этого Рогозинского для следствия «в Приказ наших тайных дел».

В мае 1668 года во Пскове к воеводе были присланы монастырский старец Пахомий и псковский пушкарь Ульяшко Гаврилов с обвинением их в том, что они говорили «непристойные» речи про царя и патриарха: «великого государя... и святейшего патриарха Иосафа называл ворами» и будто «веруют они во антихриста». Воевода обычным порядком повел следствие, и результаты этого последнего (в виде расспросных речей обвиняемых и свидетелей и очных ставок) отправил в Москву «в приказ новгороцкие чети боярину... Ордину Нащокину» и дьякам этой чети. Царь, выслушав эту отписку воеводы по докладу, вероятно, Приказа, приказал прислать обвиняемых в Москву, в Посольский приказ, если буде они принесут покаяние и Святых Тайн причастятся; если же в этом будут упорствовать, то велеть того «чернца и пушкаря сжечь». Старец Пахомий отказался приносить покаяние, и было велено его сжечь, что воевода и исполнил, причем переписка вся шла через Посольский приказ. Пушкарь же Гаврилов покаялся, причастился Св. Тайн и был послан «под начало» на Рязань в Спасский монастырь; переписка об этом тоже велась Посольским приказом. Через некоторое время этот пушкарь ушел из монастыря, очутился в Новгороде; его ловят и доставляют в Москву в Посольский приказ. На этом дело кончается[16].

Как мы видели, дело это о «непристойных словах» с оскорблением верховной власти велось сначала в Приказе Новгородской чети, потом было передано и окончено в Посольском приказе. Начало его и формы первой стадии тождественны с первым нами приводимым делом 7159 года.

В 1670 году было найдено в Москве, вероятно, какое-то подметное письмо; содержание его остается для нас неизвестным; начало дела является частью утерянным, частью попорченным. Кузнец Васька, служка Иванов и человек Арт. Матвеева Кирюшка говорили, что девка Матвеева «имана на верх, но ей царицею не бывать», а писем они не писали и не подметывали. «И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал боярам кузнеца Ваську и служку Ваську ж и Артамонова человека Матвеева Кирюшку... расспрашивать у пытки; а буде из них кого доведется, и пытать. И по указу великого государя бояре расспрашивали их у пытки; а Кирюшка пытан, а было ему

[16] Акты Московск. гос. Т. III. С. 500.

30 ударов». Кирюшка признался, что писал сам, без соучастников, это воровское письмо «для того: хотел от Артамона отбыть от холопства». «Бояре после того Кирюшку расспрашивали, для чего он запирается, и Кирюшка перед бояре винился»; «а после того он же Кирюшка перед великим государем и перед бояре в том запирался», «и для подлинного сыску расспрашиван перед великим государем и при боярах кузнец Васька»; его пытали — «в том он сожжен на огне» — и говорил он «прежние свои речи». В конце этого несколько беспорядочного дела царь всех «пожаловал свободить»[17].

Это дело заслуживает некоторого внимания. Тут, видимо, началом послужило нахождение какого-то подметного письма, как надо думать, затрагивавшего такую интимную вещь, как избрание царем невесты. Может быть, именно в силу такой близости к особе царя инкриминируемых непристойных слов и возник, видимо, несколько особый ход всего дела: царь указал не учреждению, а просто «боярам» исследовать это дело. Бояре тщательно принялись за дело, допрашивали, следовали, пытали, наконец, мы видим — это самое главное — что часть дела «следуется» в присутствии самого царя: при нем допрашивают одного обвиняемого и при нем же пытают другого «для подлинного сыску». Конечно, и приговор по делу идет по указу же царя. Таким образом, здесь перед нами совершенно особый порядок делопроизводства, и мы можем отсюда сделать если не вывод, то вероятное предположение, что в тех делах по второй главе Уложения, которые близко затрагивали особу царя и тем вообще вызывали его особое внимание, обычный порядок производства нарушался; царь, поручая следование дела «боярам» (возможно, по своему выбору), сам непосредственно не только направлял в общем розыск, но и присутствовал при нем, лично исполняя роль следователя — судьи.

А обычная практика шла все прежним путем. В 1677 году в Новгородском приказе велось дело о крестьянине Климе Ерышеве; «что он говорил про твое царское величество непристойные слова»; и по царской грамоте Кевроль-мезенскому воеводе велено было урезать виновному язык и бить его кнутом нещадно. Дело поднялось вновь в 1678 году по извету, что воевода языка не урезал, а только для виду велел пустить кровь из щеки виновного; дело опять повелось в Новгородском приказе; конец его утерян[18].

В правление царей Ивана и Петра, видимо, продолжается традиция предыдущего времени в следовании дел по «слову и делу». Позволю себе остановиться на следующих двух известиях для доказательства такого

---

[17] Дело это хранится в Г. А. VI. № 5.
[18] Чтения в Общ. Ист. Др. Рос. 1887 г. Кн. 2. С. 244–248.

положения. В 1692 (7201) году боярин Шереметев доносит из Белгорода на имя царей, что подал ему лебединец Тяпка сказку на лебединского воеводу Ляпунова, который будто не стал разыскивать и скрыскрывает о доносе, ему сделанном лебединскими стрельцами, на Трошку Чаплыгина, который говорил при народе многие «непристойные слова». В указе, последовавшем в ответ на эту отписку, повелевалось дело это исследовать и все следование подать в Разряд[19].

В следующем, 1693 (7202) году ливенец Ник. Лохтионов доносил воеводе, что ливенец же Ер. Меркулов при народе говорил: «я-де тебе не брат, я-де царев брат». Воевода допрашивает виновного, обвинителя, свидетелей и велел всех «держать за караулом», обо всем этом отписал в Разряд на имя царей: «и о том великие государи цари... мне, холопу своему, что укажете». На эту воеводскую отписку следует от государей указ: допросить еще всех остальных свидетелей, и все допросные речи прислать, и «велел бы подать в Разряд боярину нашему Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи». Воевода исполняет согласно указу и присылает в Разряд допросные речи, скрепленные (как обычно) допрашивавшимися[20].

Теперь перейдем к царствованию Петра. В июне 1697 года монахиня некая, Авксентия, подала в Новгороде воеводе бумаги от игуменьи Тихвина-Введенского монастыря, где игуменья пишет, что эта Авксентия «сказала за собой государево слово», почему ее и отпустили в Новгород к воеводе; этот последний, Апраксин, немедленно допросил монахиню. Авксентия обвиняла, со слов монаха Иосафа, монастырского архимандрита, говорившая приехавшему с табаком для продажи целовальнику: «будь ты проклята, и с тем, кто указал табак продавать!» и: «дам попам по две деньги и велю проклинать у престола Божья того, кто повелел таким товаром торговать». Кроме того, этого архимандрита обвиняла Авксентия в непраздновании царского ангела и еще в других просто уголовных преступлениях. Воевода, в силу этого доноса, начинает допрашивать свидетелей и замешанных лиц, списывается с митрополичьим новгородским приказом, который ведет допрос и делает очные ставки в свою очередь (до пыток нигде не доходит). После долгих допросов и переписки обвиненный архимандрит просит челобитьем на имя царя, чтоб его взяли в Москву в Новгородский приказ. Указом 7207 года было повелено все дело передать в Москву и «подать в Новгородском приказе думному нашему дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву с товарищи»[21].

---

[19] М. А. М. Ю. Столбцы Белогородского стола. № 1363. Л. 27–35.

[20] Там же. № 1381. Л. 27–35.

[21] Чтения в Общ. Ист. Др. Рос. 1887 г. Кн. 1. С. 193 и далее.

Из этого дела мы видим, что в самом начале царствования Петра обычный порядок в процессе преследования и наказания по «слову и делу» продолжался: как и в начале XVII столетия, изветы «по государеву делу и слову» принимают простые воеводы, также они ведут розыски и следствие, также потом дело переходит в один из московских приказов, также не видно еще следов особого учреждения по такого рода делам. Итак, царствование Алексея Михайловича и последующие, до XVIII столетия, не дали в практике преследования преступлений по «слову и делу» почти ничего нового, а в законе был только точно закреплен старинный порядок. Однако у нас есть некоторое основание полагать, что все-таки кое-что новое, пока очень незначительное, но чреватое последствиями, было внесено в практику при царе Алексее Михайловиче, а именно: когда дело привлекало особое внимание царя, то оно рассматривалось «боярами» (возможно, особо назначенными) под непосредственным контролем царя и при прямом непосредственном его участии в «следовании»; так дело, выходя из обычного, нормального порядка, шло особым путем поручения при прямом и ближайшем участии самого царя.

Недостаток материала, в наших руках имевшегося, конечно, не даст нам еще категорического права утверждать, что впервые этот особый порядок встречается в царствование только Алексея Михайловича, а не был уже известен во времена Михаила Федоровича. Но, может быть, некоторые соображения все-таки позволят с известным предпочтением остановиться на мысли о происхождении такого особого порядка именно только при Алексее Михайловиче. Дело в том, что такой особый порядок в разрешении некоторых дел, почему-либо заинтересовавших царя, т. е. порядок, при котором дело поступает в непосредственное ведение царя с поручением его особо доверенным лицам, впервые встречается совершенно определенно выраженным именно в царствование Алексея Михайловича, и порядок этот даже создал при даре особое учреждение: Приказ тайных дел, где помимо всяких учреждений государственных сам царь, с помощью им избранных людей, разбирался в делах, почему-либо обращавших на себя его особое внимание. Думается, после исследования г. Гурлянда о Приказе тайных дел, несомненно, выяснилась именно такая роль этого учреждения, только при Алексее Михайловиче возникшая; следовательно, есть возможность предполагать, что тот же особый порядок в применении и к делам по второй главе Уложения, по крайней мере если не возник, то наглядно проявился впервые в то же царствование; и подобно тому, как наряду с особым порядком в делах другого рода спокойно продолжал действовать и главным образом действовал

обычный законный порядок, так и в делах по второй главе наряду с особым порядком главным образом действовал все-таки порядок нормальный во всех не вызывавших особого внимания царя случаях. Этот обычный порядок, как мы видели, царивший почти неизменным во весь XVII век и, вероятно, имеющий корни еще в XVI веке, сводился к следующей общей схеме. Дела по «государеву слову и делу» начинались только в порядке частного обвинения, начинать которое, впрочем, признавалось обязательным для каждого, знавшего «государево слово» или «государево дело». Самое выражение: «государево слово», «государево дело» уже свидетельствует, что имелись в виду дела об оскорблении особы государя, о покушении на «государскую честь». Однако, хотя общее название второй главы Уложения указывает только на «честь» и «здоровье» государя, туда же вошли в неразработанном виде, но определенно понятия и о преступлениях против данного политического и социального строя вообще, т. е. понятия о преступлениях государственных. Так, видимо, из оберегания «здравия» (ср. Судебники), потом «чести» государя, понемногу осложняясь, возникает понятие о государственном преступлении вообще; но старая терминология все-таки оставалась и не умирала.

Самая форма частная обвинения, ведущая к началу процесса, состояла обычно в том, что данное лицо говорило за собой «слово» или «дело государево», и тогда воеводы и другие власти должны были такого говорившего допросить, выяснить, какое за ним есть слово или дело, сыскать обвиняемого, его допросить, сыскать свидетелей, отобрать письменно их показания, в случае надобности сделать очные ставки, и, когда наберется достаточный следственный материал в виде разного рода допросных речей, сообщить все в Москву, в одно из тамошних центральных учреждений, в один из приказов. Сколько удается заметить, никаких разграничений тут не существовало, и все приказы обладали совершенно равными и полными правами в исследовании дел по «слову и делу». Иногда высылались в Москву и обвиняемые, и свидетели вместе с допросными речами, и тогда дело оканчивалось уже в московском приказе. Иногда — реже — приказ только ставил приговор на основании следствия воеводы и в виде царской грамоты присылал приговор на исполнение воеводе. К сожалению, пока является для нас трудным по недостатку материала сказать положительно, чем руководились при отсылке данных дел именно в тот, а не иной приказ. Как мы видели, дела по «слову и делу» вели следующие приказы: Большого дворца, Сыскных дел, Посольский, Разряд и Новогородской чети. Ни один из перечисленных приказов по своим основным функциям не имеет более близкого отношения

против второй главы, чем каждый другой из перечисленных: предметы их главного ведения были почти одинаково далеки от ведения государственных преступлений.

Отсутствие намеков даже на существование в XVII в. какого-либо специального учреждения по «делам государственным» с одной стороны, распределение такого рода дел в одинаковой пропорции по самым различным приказам — с другой указывает на действительное отсутствие в XVII веке такого особого установления, в специальном и исключительном ведении которого были бы дела по «слову и делу». Не так давно, однако, авторитетные ученые, как Беляев, Костомаров и еще Шлецер и Татищев, определенно утверждали, что такое учреждение в XVII веке имелось, и называлось оно Приказ тайных дел, учрежденный Алексеем Михайловичем; но уже Соловьев, Неволин, и Забелин высказались против такого взгляда на Приказ тайных дел, а специально ему посвященное исследование г. Гурлянда окончательно и бесповоротно разрушает представление об этом приказе как о специальном учреждении для производства дел по государственным преступлениям: «Участие Приказа, — говорит г. Гурлянд, — в делах такого рода нисколько не было интенсивнее, чем во всяких других делах управления. Поскольку царь имел основание проявить особое внимание к извету или обвинению, постольку приказ и принимал участие в деле»[22]. В подтверждение мысли о несуществовании в XVII в. какого-либо особого розыскного по государственным преступлениям учреждения, позволю себе привести еще некоторые данные. Когда в 1676 году по уничтожении Приказа тайных дел дела его рассылались в разные другие учреждения по принадлежности, то были отосланы в Разбойный приказ «три отписки и расспросные речи из Калуги об извете на тюремного сидельца на Сережку Богданова в Государеве деле разбойников Гришки Бечислова с товарищи»[23]; дело, посланное в Приказ Большого дворца, носит следующее заглавие: «столпик, а в нем сыскное дело мурашкинского бобыля Илюшки Паршкова в Государеве деле и о казне ему и ссылке его в Сибирь»[24]; дело же о попе Косьмодемьянском, говорившем про государя «неистовые слова», было отправлено («поднесено») патриарху Иоакиму[25].

Если присмотреться к этому отнесению трех по содержанию однородных дел к трем различным учреждениям, то можно все-таки заметить, что руководящей мыслью при этом было распределить дела

---

[22] См. Гурлянд. Приказ Великого Государя Тайных Дел. Ярославль, 1902. С. 301.

[23] Г. А. XXVII. № 364. Ч. I. Л. 574 об.

[24] Там же. Л. 628 об.

[25] Там же. № 364. Ч. III.

по месту ведения тех людей, которые замешаны. В первом деле замешаны разбойники и тюремные сидельцы, которыми ведал Разбойный приказ, следовательно, в этот приказ дело и должно было быть передано; во втором случае менее ясно, но можно предполагать, что бобыль, обвиняемый, был из дворцового села или деревни, ведался, значит, Приказом Большого дворца; следовательно, и дело о нем должно было поступить в этот именно приказ; наконец, в третьем случае дело касалось священника, следовательно, по месту ведения духовных лиц дело было поднесено патриарху. По недостатку данных нельзя утверждать, но можно с вероятием предполагать, что такого же основания держались всегда при передаче дела по второй главе в тот или иной приказ: руководствовались тем, каким приказом «ведался» обвиняемый или изветчик, сообразно этому и направляли дело именно в данный приказ. Можно еще указать на то, что уже в 1722 году имелись колодники по «государевым делам», «которые ныне в Москве в коллегиях и канцеляриях и в надворном суде до вершения дел содержатся»[26], а между тем в то время уже и в Петербурге, и в Москве действовали учреждения, почти специализировавшиеся на государственных преступлениях: Тайная канцелярия и Преображенский приказ; значит, и к 1722 году еще не совсем вывелся старый порядок, еще раз указывающий на отсутствие специальных установлений для процессов по «слову и делу» в XVII веке.

Итак, мы видели, что с самого начала XVII столетия — после Смутного времени и до последних лет его — в процессах по «слову и делу» устойчиво действовал один и тот же порядок. Заметили мы и то, что во второй половине этого века хотя и редко, но стал применяться кроме того несколько особенный порядок к тем делам по «слову и делу», которые почему-либо заинтересовали самого царя.

III

Начался XVIII век. Именным указом от 25 сентября 1702 года было повелено: «буде впредь на Москве и в Московский судный приказ учнут приходить каких чинов нибудь люди или из городов воеводы и приказные люди, а из монастырей власти присылать, а помещики и вотчинники приводить людей своих и крестьян; а те люди и крестьяне учнут за собой сказывать Государево слово или дело, этих людей в Московском судном приказе, не расспрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромода-

[26] Цитирую по печатному экземпляру указа сената, сохранившегося в делах Тайной канцелярии. Г. А. VII. № 6.

новскому. Да и в городах воеводам и приказным людям таких людей, которые учнут за собою сказывать Государево слово или дело, прислать к Москве, не расспрашивая ж»[27]. Таким образом, старый общий для XVII века порядок производства дел по «слову и делу» был нарушен: в большинстве изъятые из общей подсудности, дела эти были сосредоточены в ведении испытанного в своей верности слуги Петра князя Федора Ромодановского и в Преображенском приказе.

Дела этого приказа, видимо, начинаются регулярно в столбцах с 1696 года. До 1702 года характер этих дел чрезвычайно однообразен, и все дела эти определенно разбиваются на четыре категории: во-первых, «о битве», «драке», «кричании караула» между московскими обывателями, т. е. дела по нарушению общественной тишины и порядка на улицах и площадях Москвы; во-вторых, дела о мелких взысканиях по гражданским искам, причем обычно ответчика приводит истец; в-третьих — о нарушениях обязательных постановлений в городе, т. е. или пение песен в неуказанном месте, или езда там, где запрещено, или оскорбление священного места чем-либо и т. п.; в-четвертых — дела по «слову и делу». Необходимо отметить, что преобладающее количество дел относятся к первому и третьему роду, т. е. к делам полицейского характера; немного дел второго рода: дел мелкой юстиции и мелкой расправы; чрезвычайно мало дел четвертого рода, т. е. по обвинениям по «слову и делу».

Из всего вышеизложенного ясно видно, что основная роль Преображенского приказа была чисто полицейская для города Москвы: на Преображенском ведал Москвой князь Федор Ромодановский в Преображенском приказе, бывшем тогда, в сущности, канцелярией полицеймейстерских дел Москвы — и более ничего — постольку занимавшейся «словом и делом», поскольку это выпадало на долю всех вообще административных и судных учреждений того времени. Ясной к этому иллюстрацией служит следующий факт: для 1696 года из общего числа (сохранившихся) дел Преображенского приказа, именно около 605, по «слову и делу» имеется не более 5 дел. Следовательно, можно сказать с некоторой уверенностью, что в первые годы своего существования — до 1702 года — Преображенский приказ отнюдь не являлся учреждением специальным по делам о государственных преступлениях.

С 1702 года положение немного изменяется, но все-таки Преображенский приказ не делается специальным и исключительным по предметам своего ведомства учреждением для преследования

[27] П. С. З. № 1918.

государственных преступлений; указ 1702 года только вводит в ведение исключительно Преображенского приказа и все дела из провинций, присылаемые по «слову и делу». В этом сказывается желание царя поручить близкому и доверенному человеку эти дела, принявшие, воз можно, в глазах Петра слишком важный характер, чтобы их можно было вести обычным порядком. Однако, как явствует из обозрения дел Преображенского приказа, полиция города Москвы по старому оставалась в его заведовании, и да с того же времени хозяйственно-оружейная часть в управлении гвардией — а отчасти и армией — все более ложилась тоже на Преображенский приказ. Таким образом, после 1702 года прибавилось к ведомству Преображенского приказа исключительное заведование делами по «слову и делу», да прибавлялись понемногу дела по хозяйству и вооружению гвардии и отчасти армейских полков. Кроме того, по-старому в его ведении оставалась полиция Москвы. Таким образом, и теперь Преображенский приказ вовсе не являлся исключительно специальным учреждением по расследованию государственных преступлений. Все это в совокупности дает впечатление, что Петр, обратив внимание на «дела государственные» и решив их поручить людям близким и надежным, в большей части поручил их Ромодановскому, начавшему ведать это поручение наряду с другими, новыми и старыми, в Преображенском приказе.

Такое нагромождение разнообразных дел, мало имеющих общего друг с другом, вызывало, вероятно, недоразумения, которые заставили Петра особым указом в 1722 году точнее определить, что же собственно подобает ведать Преображенскому приказу. В этом указе Петр пишет: «чтоб делам быть в Преображенском следующим:

1) «которые в государственных делах, а именно: в дурных словах или деле к возмущенно и тому подобных дел»;

2) «полки гвардии чтоб ведомы были по-прежнему».

3) «посторонних дел... никогда не примать», а имеющиеся такие «отдать к своим местам»; но тут делается исключение («разве») для крупных разбойных дел[28].

Этот указ свидетельствует, во-первых, о том, что после 1702 года по крайней мере Преображенский приказ отнюдь не является специальным по государственным преступлениям учреждением, а это служит к подтверждению выше нами высказанного предположения такого рода; во-вторых, нельзя не обратить внимания на то, что «ведение» приказом дел по «слову и делу» выдвигается все-таки теперь как бы на

[28] Г. А. К. П. Кн. Имп. ук. за 1722 г. Л. 68.

первое место, а вся мелкая полиция (может быть, и еще какие-либо к тому времени попавшие в ведомство того же приказа дела) изъемлются из ведения приказа, хотя важнейшие разбойные дела должны были все-таки остаться. Если к этому прибавить, что кн. Ив. Ромодановский (наследовавший приказ от отца) с 1726 года приблизительно называется генерал-губернатором Московским т. е. высшим полицейско-административным лицом Москвы, то станет ясно, что Преображенский приказ в основе своей с начала и до конца своего существования являлся главным образом полицейским учреждением, только осложненным поручением следовать провинциальные дела по «слову и делу»; да еще ему же были поручены и дела хозяйственные, преимущественно полков гвардии. В дополнение ко всему этому и в связи с заведованием в известном отношении гвардией в Преображенском приказе появился еще ряд дел по разным земельным и другим имущественным тяжбам, что, конечно, еще более загромоздило и обесформило делопроизводство приказа. А произошло это последнее усложнение деятельности приказа потому, что многие гвардии офицеры били приказу челом о неведении нигде их имений судом, кроме Преображенского приказа, и когда на это получали согласие приказа (что бывало не особенно редко), то переносили все свои тяжебные дела из разных других учреждений в Преображенский приказ. Так появился этот новый ряд дел в ведении приказа. Не о рассылке ли именно этих дел по надлежащим местам говорит Петр в выше приводимом указе 1722 года?

Из вышеприведенного краткого обозрения ведомства Преображенского приказа с достаточной ясностью видно, что никак нельзя считать этот приказ первым в России специальным установлением по преследованию и суждению преступлений по «слову и делу»; это последнее, как только одно из поручений, сделанных Петром кн. Ромодановскому, — притом поручение ограниченное и пространством (Москва и провинции), и качеством дел (более мелкие), — входило в состав еще многих дел, в этом приказе ведавшихся. В дополнение к этому небезынтересно заметить, что в кабинетных делах времени Петра сохранилось за время 1702–1725 годов многое из переписки с Ромодановским, и при беглом только просмотре этой переписки ясно уже, что дела полков гвардии (их обмундирование, вооружение, набор и проч.) составляют главнейший предмет дел Преображенского приказа.

Итак, в 1702 году Петр сделал крупный шаг по старому, уже в XVII веке намеченному пути: он передал, поручил дела по «слову и делу» одним общим распоряжением в их огромном большинстве своему близкому доверенному человеку, изъяв их целиком почти из

общего порядка «следования». Если у царя Алексея Михайловича побудительные причины к такого рода направлению «государственных дел» появлялись только изредка, только в некоторых отдельных случаях, то у преемника его, с борьбой и треволнениями обретшего свою наследственную власть, с усилиями, неведомыми царю Алексею, державшему ее в своих руках именно в начале своего царствования, естественно, оказалось гораздо более побудительных причин обратить свое особенное внимание на эти дела, а следовательно, и направить их по тому особому руслу, которое уже было намечено для таких случаев царем Алексеем и которое обеспечивало Петру возможность личного непосредственного надзора и вмешательства, а также гарантировало в сильной степени ведение таких «важных» дел строго соответственно его воле.

В кипучей деятельности Петра такие дела, дела «важные», входить в которые лично ближайшим образом царь считал необходимым, были не только дела «государственные»: дела по хищениям казенного имущества, вопиющие (вроде Гагаринского) дела по всяким злоупотреблениям администрации тоже тревожили и близко задевали Петра, тоже казались ему «важными». В именном указе от 25 января 1715 года Петр объявлял: «кто истинный христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, тот без всякого сомнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому Государю, или, пришед ко двору Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующих: 1) о каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены; 2) о возмущении или бунте; 3) о похищении казны, а о прочих делах доносить, кому те дела вручены»[29].

Если таким образом, согласно вышеприведенному указу, подобные дела, с той поры известные под именем дел против первых двух пунктов и против третьего пункта, попадали непосредственно Петру, то как же, является вопрос, император с ними поступал далее, как же он их следовал и решал, даже если под собственным своим руководством, то кто же или что за учреждение, в какой мере и каким образом ему в этом помогали? Мы уже видели, что в 1702 году Петр определенно вступил на путь, указанный ему еще его отцом; это был путь личного поручения тех дел — в коих непосредственно личное участие желал принимать сам царь — нарочно выбираемым для этого приближенным лицам, с сохранением постоянного личного царского надзора во всем ходе их производства... Петр и обратился именно к

[29] П. С. З. № 2877.

этому старому, испытанному пути, в результате чего возникли майорские розыскные канцелярии, к истории которых мы и обратимся в следующей главе, а в заключение этой главы позволим себе только отметить некоторые моменты дальнейшей истории трех пунктов указа 1715 года.

Петр, повторяя в указе 19 января 1718 года три пункта указа 1715 года, накрепко подтверждал, «дабы о первых двух пунктах доносили по прежнему указу караульному офицеру, а он будет представлять челобитчика самому Его Царскому Величеству; а о третьем пункте доносить Ушакову в Москве, Кошелеву в Петербурге. Таким образом, «государственные дела» против первых двух пунктов Петр к этому времени уже выделил, придавая им особое, большее значение, чем делам «интересным», против третьего пункта. В конце того же 1718 года именным указом из Сената от 22 декабря Петр повелевает уже об этих интересных делах — о похищениях казны — доносить для сего учрежденным фискалам, и быть этому в ведении Государственной коллегии юстиции. Таким образом, с 1718 года дела против третьего пункта вступают окончательно в число дел, идущих устанавливаемым обычным порядком, и остаются особо выделенными только дела против первых двух пунктов. Имея в виду такую эволюцию законодательства, мы теперь обратимся к отражению всего этого в жизни, а именно — к истории майорских розыскных канцелярий.

Глава вторая
Очерк истории майорских розыскных канцелярий Петровского времени

Объединяющее название «майорские розыскные канцелярии» является до известной степени искусственным. Перед нами есть только ряд совершенно отдельных учреждений, носящих названия: канцелярия ведения такого-то (напр. от лейб-гвардии майора Дмитриева-Мамонова), канцелярия ведомства такого-то, канцелярия розыскных дел такого-то; а иногда, как увидим, рядом с этим как бы личным названием постепенно образуется и применяется другое: канцелярия ведения от лейб-гвардии майора Ушакова часто называется канцелярия рекрутного счета, к канцелярии ведомства Дмитриева-Мамонова прилагается одновременно название сибирская канцелярия. Однако употребление этих наименований идет очень беспорядочно, и часто почти рядом к одному и тому же учреждению прилагаются разные названия. Но в этом беспорядке и как бы раздельности при более близком изучении нельзя все-таки не заметить чего-то общего, дающего право на некоторое объединение всех этих канцелярий вследствие видимого единства основных черт их сущности. Вскрытие и рассмотрение этих черт укажет ясно на существование в основе таких установлений если не одного тождественного учреждения, то по меньшей мере ряда общих принципов, могших при некотором детальном развитии повести именно к определенной идее учреждения, как будто лежащей в основе всех этих разноименных канцелярий. И такого рода объединение не будет являться исключительно орудием анализирующего историка: очевидно, что однородность этих учреждений, единство принципов, в основании их лежащих, хотя и смутно, однако определенно, как увидим, сознавалось их создавшим Петром и в них работавшими людьми.

Все это дает право приступить к рассмотрению этих отдельных канцелярий в их целом, в их общем, как установлений однородных и подобных.

Мне удалось найти данные к истории «канцелярий ведомства» следующих лиц: кн. Алекс. Шаховского, кн. М. Волконского, Б. Скорнякова-Писарева, И. Плещеева, кн. В. В. Долгорукова, М. А. Матюшкина, кн. И. М. Голицына. А. И. Ушакова, Мих. Волкова, Ив. Ил. Дмитриева-Мамонова, Гер. Ив. Кошелева, кн. Юсупова, С. Салтыкова.

Заранее оговаривая неполноту материалов, имевшихся в моем распоряжении по истории этих канцелярий, я взял на себя все-таки смелость составления предлагаемого очерка их деятельности ввиду

следующих соображений. Основные архивные фонды частью заведомо сгорели во время пожара Московского сенатского архива в 1737 года (именно дела канцелярий Дмитриева-Мамонова, Юсупова и Матюшкина), частью, видимо, исчезли и рассеялись, так как в главнейших архивах обеих столиц этих фондов нигде не оказывается; такое положение дела заставило пользоваться другими архивными фондами, в которых явилась возможность найти часто совершенно случайно туда попавшие известия о розыскных канцеляриях. Собранные таким образом материалы представляются несколько освещающими главнейшие черты деятельности майорских канцелярий, что, казалось мне, дает достаточное основание для составления предлагаемого краткого очерка их истории, очерка, имеющего притом специальное назначение ввести в понимание истории Тайной канцелярии.

I

«1717 г. декабря в 13 день по указу Великого Государя, правительствующий сенат приказали: лейб-гвардии к господам офицерам, которые определены к делам: генералу-майору и полковнику князю Голицыну, майорам: князю Салтыкову, Волкову. Дмитриеву-Мамонову, бригадиру и генеральному ревизору господину Зотову на приказные расходы из канцелярии Сената отпустить по 50 рублев. А когда у них в канцелярии деньги будут в сборе, оные данные деньги в канцелярию Сената возвратить»[30]. Указом того же года от 17 декабря велено было Сенатом «лейб-гвардии к господам офицерам в канцелярии» отослать из военной коллегии «для караулу и посылок солдат, по сколько человек надлежит»[31].

23 декабря того же года был дан Сенатом такой указ: «По именному Великого Государя указу определены к розыскным делам господа офицеры, а именно: генерал-майор и лейб-гвардии подполковник князь Петр княж Михайлов сын Голицын; лейб-гвардии майоры: князь Григорий княж Дмитриев сын Юсупов, Семен Андреев сын Салтыков, Михайло Яковлев сын Волков, Иван сын Дмитриев-Мамонов и лейб-гвардии капитан Герасим Иванов сын Кошелев. Правительствующий Сенат приказали: о чем от них указы посылаться будут, а именно: о присылке каких чинов людей, также и дел для розыска в Санкт-Петербург и по тем указам быть послушным и отпускать, чего они требовать будут, также и на подводы прогонные деньги

[30] М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51. Л. 18.
[31] Там же. Л. 40.

давать везде без задержания»[32]. А дальнейшими указами Сената того же месяца по требованиям вышеназванных господ офицеров им посылались дьяки и подьячие для ведения дел в их канцеляриях[33].

Так, в конце 1717 года был организован ряд канцелярий для розысков под ведением господ лейб-гвардии офицеров. Однако, как увидим, не сразу и не с этого именно момента явились описываемые учреждения, хотя этим временем определяется особенно широкое их возникновение. Постараемся разобраться в материалах, имеющихся в нашем распоряжении, о каждой из таких канцелярий в отдельности.

1. В 1713 году Петр именным указом из кабинета посылает от гвардии офицера Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова на Вологду для исследования о недозволенной из Архангельска продаже купецкими людьми юфти и пеньки за границу[34]. И Дмитриев-Мамонов еще был в Вологде, в том же еще году, а Петр за своим подписанием уже шлет ему второй указ: «по получении сего указу ланрихтера Ивана Нахалова також против приложенной при сем именной росписи наборщиков, которые рекрут набирали, также приказчиков и старост, сыскав, возьмите за караул; а какое до них дело, и о том немедленно будем к вам писать»[35], и при письме своем от 3 декабря того же года Петр, говоря о «сказках» доносителей на злоупотребления наборщиков рекрут, пишет, что посылает при этом копии с этих «сказок», — «против которых вам розыскать и, кто приличны будут, тех пытать и розыскивать; тех наборщиков, которые явятся по розыску во взятках, возьмите сюды с собой за караулом... И розыскать накрепко, и тот розыск и их Нахалова и Кузмина тогда, как вы сюда поедете, возьмите»[36].

«В 1717 году Царского Величества именным указом повелено от лейб-гвардии майору Дмитриеву-Мамонову иметь канцелярию, в которой управлять дела по пунктам Царского Величества», «а ко оным делам в той канцелярии надлежит быть подьячим» всего 13 человекам, с требованием которых, а также чернил, бумаги, сургучу, помещения и т. д. Дмитриев-Мамонов обращается в Сенат[37]. И уже в январе следующего, 1718 года эта канцелярия находится в полном действии.

В письме от 18 января к Петру за подписью Ив. Дмитриева-Мамонова, Ив. Лихарева, Егора Пашкова и Ив. Бахметьева с просьбой

---

[32] П. С. З. № 3138.

[33] М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51. Напр., л. 105.

[34] Г. А. К. П. Кн. Имп. ук. 1713 г. Л. 77.

[35] Там же. Л. 79.

[36] Там же. Л. 82–83.

[37] М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51. Л. 3, 4 и др.

указания по одной мелочи розыска, подписавшие в начале говорят: «по данному от Вашего Величества указу повелено нам исследовать по фискальскому доношению о Евреиновых»[38]; видимо, Ив. Дмитриев-Мамонов действует в поручаемых розысках не один, а коллегиально. В том же году «именным Царского Величества указом повелено нам от гвардии офицерам исследовать о бытности в Сибири господина подполковника Бухалта»[39], причем, надо заметить, эту бумагу подписывает, однако, один Дмитриев-Мамонов (апрель 1718 года). Дело кн. Гагарина, сибирского губернатора, было тоже следовано канцелярией Дмитриева-Мамонова в том же году и тянулось в продолжение четырех лет, до 1721 года. Лихоимство, злоупотребления властью и взяточничество — словом, преимущественно преступления «против третьего пункта» указа 1715 года были «розыскиваемы» в деле кн. Гагарина.

Таким образом, к 1718 году около Дмитриева-Мамонова образовывается канцелярия его ведомства, во главе которой стоят несколько офицеров от гвардии, но истинным начальником которой все-таки остается Дмитриев-Мамонов, извещавший Петра в то время о передаче некоторых дел кн. Юсупову «из канцелярии, врученной мне, нижайшему рабу Вашему»[40]. Хотя иногда прибавлялось еще имя Лихарева, и канцелярия получала название: «канцелярии ведения лейб-гвардии майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицеры»[41], однако название «канцелярия ведения Дмитриева-Мамонова», видимо, преобладает, и в целом ряде доношений-писем Петру с отчетами о суммах, бывших у него по разным делам, Дмитриев-Мамонов говорит о канцелярии «ведения его»[42]. Были случаи, когда писали без упоминания о канцелярии; например: «ведение из ближней канцелярии лейб-гвардии господам майорам Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, Ивану Лихареву с товарищи»[43]. В 1719 году в Канцелярию тайных розыскных дел поступает дело по подметному письму о тобольских жителях, что есть среди них противники указов о немецком платье и бритье бороды. Тайная канцелярия пересылает это дело «для следования и учинения по них указа» в канцелярию ведения Дмитриева-Мамонова, «в канцелярию вашего ведения», а адрес указа: «бригадиру и лейб-гвардии майору Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову и прочим офицерам». Этот перенос дела мотивирован тем, что доноситель «сказал, что о том о всем,

---

[38] Г. А. К. П. Кн. 36. Л. 56.
[39] Там же. Л. 58.
[40] Там же. Л. 53–55.
[41] Г. А. К. П. Кн. 62. Л. 1259.
[42] Там же. Л. 1274–1375.
[43] Г. А. XXVI. № 200.

о чем он в помянутой канцелярии расспросом показал, в канцелярии вашего (т. е. Мамонова) ведомства показано ж», поэтому «государь указал» и все дело переслать Дмитриеву-Мамонову[44]. Наконец, в январе уже 1724 года есть «определение» Тайной канцелярии за подписью Ушакова о некоем Козмине, сказавшем ложно «слово и дело», о котором определено отослать его «в канцелярию ведения генерал-майора господина Дмитриева-Мамонова, к следованию о каналех, что в Кронштате, понеже он показал на Самарина о похищении казны, что к той канцелярии прилично, и о том в означенную канцелярию послать промеморию»[45].

Следы существования канцелярии последний раз попадаются в 1725 году, откуда, конечно, не следует заключать об ее уничтожении в это время; однако в 1737 году дела ее находились уже в Сенатском Московском архиве, и все сгорели во время пожара, бывшего в этом году в Москве[46]. В это время они уже достигли больших размеров: все дела были переплетены в 191 книгу[47].

Таким образом, поручив майору от гвардии Дмитриеву-Мамонову несколько розыскных дел, Петр снабжает его как доверенное лицо большими полномочиями: «кто приличны будут» к делу — «пытать и розыскивать», и «розыскивать накрепко». Затем следует ряд поручений: дело разрастается, и у Дмитриева-Мамонова появляется ряд помощников-офицеров, образуется канцелярия. Эти офицеры являются его «товарищами»; канцелярия иногда называется их общего как бы ведения; но вместе с тем как глава учреждения всегда фигурирует Ив. Дмитриев-Мамонов: он один ведет переписку с Петром по делам канцелярии; он один иногда подписывается за всех; передача дел часто адресуется на его имя: в письме к нему от 12 августа 1721 года Макаров, передавая ему доношение Нестерова о злоупотреблениях дьяков в Москве, пишет: «и оное доношение указал Его Царское Величество для решения отослать к вам»[48]. Все это производит впечатление, что нечто похожее на коллегиальное начало существовало в канцелярии между Мамоновым и его товарищами; но Мамонов все-таки был главой, первоприсутствующим этой коллегии в зачатке; причем едва ли были строго намечены границы единоличного и коллегиального решений; да и самая коллегия была в части своей неустойчива, случайна: в нее, видимо, входили иногда разные «штаб-

[44] Г. А. VII. № 37.

[45] Там же. № 29. Карт. 2.

[46] Опис. Моск. Архива Мин. Юст. Т. V. С. 23.

[47] Там же.

[48] Г. А. IX. № 2. Карт. 3. Л. 151 в книге за 1721 г.

и обер-офицеры». Ушаков в одном письме к кн. Михаилу Голицыну, сообщая о неимении у него указов царских о том, как судить в некотором случае, ведомства генерал-майора Дмитриева-Мамонова, «ибо когда мы во оной канцелярии с прочими лейб-гвардии штаб- и обер-офицерами обще слушали дело, упоминались такие указы»[49].

Мы видели, что сферу деятельности этой коллегиальной канцелярии определять можно с внешней стороны словом «розыск», точнее — производство розысков-следований по делам, поручаемым по мере надобности самим Петром; причем, входя во все ближайшим образом, сам император следил за делами канцелярии, на что ясно указывает ряд писем Мамонова непосредственно к Петру по разным мелким делам[50] и дошедший до нас ряд именных указов Петра по Гагаринскому делу, данных по Мамоновской канцелярии. Иногда государь и сам бывал в канцелярии, так как мы имеем указание на «Указ Великого Государя, из канцелярии» ведения Дмитриева-Мамонова[51] данный. Если «розыскивание» и «следование» являлись обычно главным делом канцелярии, то полномочия ее в решении и направлении дел были до чрезвычайности шатки, завися, видимо, от каждого данного случая, от каждого данного поручения, по крайней мере, отсылая одно дело (о злоупотреблении московских дьяков) Мамонову «для решения», Макаров пишет: «ежели же о том решения учинить собой не можете, и по тому вам доложить Его Царскому Величеству»[52]. Как будто сами «присутствующие», сам Мамонов должен решать в каждом данном случае, может ли он обойтись здесь без государевой воли или нет. Такая простота станет более понятной, если не забывать постоянный и близкий надзор самого императора.

Выяснив в предыдущем по возможности общий вид канцелярии и в общих чертах круг ее ведомства, остановимся немного на способах ее действования. Как мы уже видели, прямые указы Петра определяли задачи канцелярии в каждом конкретном случае — словом, действовало в чистом виде «поручение», иногда даже даваемое через третье лицо. Как давались эти поручения и в какие рамки обычно ставили деятельность канцелярии, с некоторой наглядностью видно из следующего документа. В канцелярии в 1718 году следовалось большое дело по доносам (всяческим) бывшего фискала Санина. Попало оно в канцелярию Мамонова после следующего письма Бутурлина: «Благородный господин майор и господа капитан Лихарев, капитан поручик

[49] Г. А. VII. № 8. Ч. I.
[50] См. Г. А. К. П. Кн. 62. Л. 1275 и др.; К. П. Кн. 36. Л. 56 и 58.
[51] Г. А. XXVI. № 200.
[52] Г. А. IX. № 2. Карт. 3. Л. 151 об.

Пашков, поручик Бахметев! Прошедшего мая в 28-й день Царское Величество, слушав доносительных пунктов бывшего фискала Санина, который ныне у вас, указал по именному своему Великого Государя указу по оным пунктам о некоторых делах исследовать и розыскать о всем, как по указам Его Величества подлежит вам; а ежели о нем, Санине, по тем делам прежде сего следование было или решение есть, а оный доносит, возобновляя, хотя отбыть каторги, то о том о всем отослать известие тебе, господину майору, за своею рукою к князю Ивану Ромодановскому для указанного решения, понеже оного Санина повелено взять к розыску по таким же делам ему князь Ивану; и о том именным же Его Царского Величества указом от меня к нему писано. А о каких делах следовать и розыскивать, тому при сем прилагается реестр. Слуга ваш Иван Бутурлин (16-го июня 1718 г.)»[53]. Мы видели выше, что и кабинет-секретарь Макаров подобными письмами передавал по именным указам разные дела Дмитриеву-Мамонову; мы видели, что это делалось и прямыми указами императора Дмитриеву-Мамонову; других путей, которыми бы поступали дела в канцелярию Мамонова, по-видимому, не бывало: личное поручение императора — единственный существовавший путь. Вот еще письмо Бутурлина к «благородному господину майору Дмитриеву-Мамонову гвардии Семеновского полку с товарищи»: «Благородный господин майор и господа капитан Лихарев, капитан поручик Пашков, поручик Бахметев! Бывший ярославец купецкий человек Иван Рукавин, который сидел в канцелярии по поруке в подрядном деле у полковника Кошелева и от него отдан бить сваи за вину свою, и оный сказал за собою государево слово и подал мне письма доводные, а те ему письма отдал бывший фискал Санин; и оный Санин по тем письмам взят с каторжного двора; и сего дня по именному Царского Величества указу к тебе в канцелярию отсылаю с теми его письмами, изволь его расспросить обстоятельно и по тому делу следовать; и будет по расспросным его речам, кто какого чина ни есть — духовных и мирских — доведутся, взять к тому делу здесь в Петербурхе или из иных городов, также и из деревень, изволь посылать и брать; а что в том деле будете являться, изволь доносить Его Величеству; да по Его же Царского Величества указу посылаю к тебе помянутого Рукавина, изволь приказать его держать с колодниками до указу; изволь твое благородие с товарищи по сему чинить» (8 апреля 1718 года)[54]. Таким образом, в Мамоновскую канцелярию вступали дела путем поручения от лица императора

[53] Г. А. VII. № 79.
[54] Там же. Л. 41.

в том виде и таким образом, как то предписывал указ для каждого конкретного случая.

Когда дело поступало в канцелярию и были, откуда следовало, присланы обвиняемые, то обычно бывал им расспрос: «И апреля во 12 нынешнего году перед майором Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым с товарищи присланной с каторжного двора Иван Рукавин расспрашиван, а в расспросе сказал...» (и далее идут показания обвиняемого, обычно скрепленные его подписью). За этим зачастую следуют пытки и запись пыточных речей. Когда такого рода материал соберется, то происходит в канцелярии перед майором и асессорами чтение всех показаний, и в результате часто следует приговор о каких-либо распоряжениях в целях дальнейшего розыска. «1718 года, июля в день по указу великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича... (титул) ...лейб-гвардии майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, капитан Иван Михайлович Лихарев, капитан-поручик Егор Иванович Пашков, поручик Иван Иванович Бахметев, слушав расспросных речей Ефима Санина по реестру, приговорили: дела, которые по тому реестру велено следовать, взять в Санкт-Питербурх, и о взятии тех дел к господину майору Ушакову писать; а которые люди по тем делам надлежат, тех допросить»[55]. При этом приговоры обычно подписывали асессоры с Дмитриевым-Мамоновым, но не всегда в одинаковом числе; по-видимому, не было установленного числа подписей: «слушали и приговаривали», смотря по обстоятельствам, все или некоторые только из «присутствующих господ офицеров». Делались приговоры «по указу» государя, вероятно, не фиктивному, часто можно встретить, что «расспросные речи» докладывались императору, а он, «слушав доносительных пунктов», «указал» Такие указания Петра обычно заносились в указную книгу канцелярии в таком виде: «1718 года, июля в 3 день по указу Великого Государя и Царя и Вел. Кн. Петра Алексеевича... и т. д. Л.-гв. майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, капитан Иван Михайлович Лихарев, капитан-поручик Егор Иванович Пашков, поручик Иван Иванович Бахметев приказали Его Великого Государя указ в канцелярии их ведомства записать в книгу, что по именному Его Царского Величества изустному указу велено послать от гвардии поручика Аврама Шамордина в Сибирь» и т. д. Идут подписи всех в начале помянутых офицеров[56]. Эти изустные указы императора встречаются довольно часто; они, видимо, делаются или при присутствии Петра в канцелярии,

---

[55] Г. А. VII. № 79. Л. 44.
[56] Г. А. VII. № 79.

или при докладе выписок Мамонов выслушивает их от царя лично. В одном письме к Макарову Мамонов говорит, что «вчерашнего дня в военной коллегии докладывал я Царскому Величеству»[57]. Иногда эти указы касаются даже самых мелочей розыска; например, этот самый Шамордин присылает из Сибири ряд часто мелких вопросов, как ему вести розыск; и все они докладывались Петру, который или давал такие «изустные» указы, или иногда прямо писал свои резолюции на докладных выписках[58]. Иногда, хотя редко, указы передавались и третьими лицами, например: «1721 г. ноября 25 дня в канцелярии ведения бригадиров и лейб-гв. майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицеры, Его Императорского Величества денщик Василий Петров сын Поспелов объявил словесно Его Императорского Величества указ: что Е. И. В. указал по именному своему словесному указу князя Матвея Гагарина с виселицы из петли сняв и сделав железную цепь, поднять на той цепи на той же виселице, где он ныне был. И сей Его Императорского Величества именной указ лейб-гвардии майор господин Дмитриев-Мамонов приказал в канцелярии ведомства своего записать в книгу»[59]. Дмитриев-Мамонов и подписал. Таким образом, постоянно в разных стадиях дела Петр вмешивался и сам направлял ход дела далее своей властной рукой. Однако каково бы ни было постоянное вмешательство императора, все-таки в общих чертах ход дела всегда оставался неизменным. Когда кончался собственно розыск, когда были произведены в надлежащем присутствии все расспросы и очные ставки, тогда составлялись обычно докладные выписки, которые и подносились царю. Мы уже выше приводили выдержку из письма Макарова к Мамонову, где дело посылалось на решение; но, если Дмитриев-Мамонов не «может» решить, то пусть доложит императору. Из этого видно, что иногда канцелярия могла сама вершить дело по указу своим приговором, иногда за это не бралась, а прямо докладные по произведенному розыску выписки представляла царю. Приводился ли приговор в исполнение в первом случае без утверждения Петра? Прямого ответа нам на это найти не удалось, но раз император так непосредственно иногда входит даже в мелочи, то трудно допустить, чтобы приговоры приводились в исполнение без его санкции, хотя бы и примитивной по форме. В заключение заметим, что канцелярия сносилась с коллегиями — «промемориями», с Сенатом и кабинетом — «доношения-

---

57 С. А. Кн. Имп. ук. № 25 (первый указ).

58 Там же.

59 С. А. Кн. Имп. ук. № 25.

ми»; в ее распоряжении были денежные суммы, конфискуемые имущества; и, наконец, под ее ведением содержались колодники, «принятые» по делам, в ней следовавшимся. Таковы основные черты способа действования Мамоновской канцелярии, насколько возможным явилось их установить по скудным материалам, имевшимся в нашем распоряжении. К сожалению, до нас дошло мало сведений о составе собственно канцелярии, т. е. о количестве дьяков и подьячих, мы знаем только, что в марте 1718 года в канцелярии было всего 13 подьячих[60].

Предметы ведения канцелярии, как мы уже заметили, каждый раз определялись тем или иным поручением: хотя и по количеству дел, и по указу, «розыскные» дела составляли основной предмет ведения Мамоновской канцелярии: таковы дела на Вологде, ему порученные, таково дело сибирского губернатора кн. Гагарина, наконец, повелено было указом за подписью собственноручной Петра «лейб-гвардии майором Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, Ивану Михайловичу Лихареву с прочими офицеры исследовать дела по фискальским доношениям»[61]. Таким образом, видимо, сферой деятельности канцелярии служили дела «против третьего пункта», или «интересные», как они тогда именовались, т. е. дела, касающиеся нанесения ущерба казенному интересу.

В реестре вершеных дел Тайной канцелярии за 1719 год, однако, есть следующая запись: «отпуск Указа из Канцелярии Тайных Розыскных Дел в канцелярию ведомства господина бригадира и гвардии майора Дмитриева-Мамонова», а этот указ — по делу Выморкова, по поводу его «слова и дела»[62]; причем дело о Выморкове следовалось в канцелярии Мамонова, откуда уже было переслано в Тайную канцелярию[63]. Это дело о Выморкове дошло до нас целиком. Из канцелярии полицеймейстерских дел был прислан в Тайную канцелярию подьячий якутский Семен Выморков, как сказавший за собой «слово и дело». Но при расспросе его оказалось, что он показал «по сибирской губернии о похищении его государевой казны», «а по расспросам их Выморкова и Немитинова касающейся к канцелярии тайных розыскных дел важности не явилось»; в результате этого «великий государь указал того подьячего Выморкова и с его доношением и помянутого Немитинова и с расспросными его речами из Канцелярии тайных

[60] С. А. Кн. Имп. ук. № 25.
[61] М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51.
[62] Г. А. XXVI. № 200.
[63] Г. А. VII. № 6. Карт. 2.

розыскных дел для следования послать в канцелярию вашего ведомства», т. е. ведомства Ив. Дмитриева-Мамонова с прочими офицерами, куда и адресован указ из Тайной канцелярии; эта отсылка делается «для того», говорится далее в том же указе, что «по сибирским делам следуется в той канцелярии». Вчитываясь в эту мотивировку, нетрудно заметить, что канцелярия ведомства Дмитриева-Мамонова начинает приобретать хотя и смутный, но несомненный район ведения: им являлись «сибирские дела» против казенного интереса. Так, по-видимому, канцелярии «поручений» в силу обстоятельств иногда начинают приобретать известную ограниченную сферу деятельности, приобретать черты, в зародыше пока, учреждения; и не только положительно, но как будто и отрицательно намечается круг деятельности Мамоновской канцелярии. При дальнейшем следовании дела о Выморкове этот последний заявил «словесно» «при нем господине бригадире» в канцелярии Мамонова о «слове государевом, о котором в помянутой канцелярии следовать не возможно», почему «великий государь... указал... отослать в Канцелярию Тайных Розыскных Дел» все целиком дело о Выморкове? Это написано в указе за подписью Дмитриева-Мамонова. Поэтому дело вновь поступает в ведение Тайной канцелярии. Все это дело относится к 1719 и 1720 годам

Таким образом, дела «против первых двух пунктов» канцелярия Мамонова как бы выгораживает из своего ведения. Так, видимо, из ряда разнородных поручений понемногу возникает в учреждении стремление к ограничению рода ему присущей деятельности.

Хотя и отгораживалась канцелярия Дмитриева-Мамонова от дел против первых двух пунктов, все-таки какое-то отношение к ним она время от времени имела. В одной записи о вершеных делах по поводу дела об «измене» упоминается канцелярия ведения Дмитриева-Мамонова (1724 год)[64]; 8 марта 1725 года послано из Тайной канцелярии «письмо» к Дмитриеву-Мамонову в Москву «по секретному важному делу». Резюмируя все вышеизложенное по вопросу о предметах ведения канцелярии, можно кратко сказать, что преступления против третьего пункта указа 1715 года (а также и первых двух?) составляли совершенно преобладающий, если не единственный, предмет ведения канцелярии Дмитриева-Мамонова.

Канцелярия ведомства Дмитриева-Мамонова замерла, изжив свои задачи и имевшиеся стремления, до известной степени все-таки определившиеся; но если бы эти задачи не только не изживались в своем частном, временном характере, а наоборот, возрастали бы

---

[64] Г. А. VII. № 6. Карт. 3.

в своем жизненном для государственного механизма значении, тогда личная канцелярия не перешла ли бы в конце концов в определенное учреждение?

В 1715 году Макаров по повелению Петра препровождает полк. Кошелеву подьячего, доносителя на злоупотребления по рекрутским наборам, «для надлежащего против доношения исследования»[65]. В 1716 году, 27 января, Петр дает указ Кошелеву и дьяку Воронову «принять вам дела Курбатова с Соловьевым и розыскивать самой правдой, и, когда то все исследовано будет, о том к нам писать и без указу тех дел не вершить»[66].

9 декабря 1717 года Петр указом передавал в канцелярию Кошелева ряд дел «по доношению фискальскому», убеждая честно вести розыск, с полномочиями пытать и всячески следовать. Указ этот заканчивается так: «о врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет, и на всякой пункт преступления подписан будет приговор, чему кто будет достоин; тогда доносить, а самому без докладу никаких дел не кончать и экзекуций не чинить; и понеже устава земского полного и порядочного не имеем, того ради всяких чинов людей, какого б чину ни был, судить по правам воинским. К сему розыску в асессоры, также приказных людей сколько надобно брать указ в Сенат, где без препятствий оные указы не письмом только, но и делом исправлять под опасением жестокого ответу. Петр»[67].

Так вокруг Кошелева образуется канцелярия; она явилась благодаря поручению Петром Кошелеву важного розыска, для выполнения которого и повелено было брать сколько надобно приказных людей, а также и асессоров. Однако это разрешение по отношению к асессорам находилось под строгим контролем самого императора, и эти асессоры назначались им самим. Когда Кошелеву были вручены дела Курбатова и Соловьева (злоупотребления в Архангельске), то Кошелев посылает императору следующий «мемориал».

«Всемилостивейший Государь! Доношу Вашему Величеству: именным Вашего Царского Величества указом прошедшего 717 году декабря в 9-й день по данному мне реестру от Вашего Величества определен я сверх старых на меня положенных многих подрядных и других дел к розыскным делам, а именно к делам Курбатова с Соловьевым и на других во многих разных делах по доношениям фискальским больше ста дел; и к тем делам дано мне помощников: два

[65] Г. А. VII. № 6. Карт. 3.
[66] Там же. № 2. Л. 39 об.
[67] С. А. Кн. Имп. ук. № 27.

подпоручика, Преображенского полку Языков да Семеновского полку Иванов; и из тех дел многие дела по следованию нашему пришли к розыску, а иные — и к окончанию; и оных дел мне с вышеписанными моими помощниками одному к решению в доклад Вашему Величеству привести не можно, понеже есть многие важные дела. Прошу Вашего Величества Государя, дабы повелено было сообщить меня к слушанию моих дел для подписания сентенцы или приговоров с офицеры Преображенского и Семеновского полков, которые определены к таким же делам к генерал-майору Голицыну и тех полков к майорам Юсупову и Салтыкову и Дмитриеву-Мамонову с офицеры, которые им к тем делам подданы; и дабы повелено было к тем офицерам определить Вашего Величества указом; а у вышеписанных офицеров по данному Вашего Величества реестру дел перед моими — малое число»[68].

По этому мемориалу Петру докладывал Ушаков, который и извещает Кошелева письмом, где пишет, что Петр «указал: между положенными на Вас делами о Курбатове с Соловьевым выписок, чтоб господам офицерам слушать не повелел, а изволит оную слушать Его Величество сам; и покамест слушанья той выписки не будет, до тех мест ни которым розыскивать не указал», и как по здоровью Кошелеву будет возможно, пусть сам привезет выписки царю[69]. Так было отклонено ходатайство Кошелева. Этот мемориал и ответ на него хорошо характеризуют между прочим ту близость и своеобразие отношений, которые устанавливались между Петром и Кошелевской канцелярией. Так именно дело и шло: выписки о следовании и розыске представлялись царю; он делал по поводу них замечания и резолюции, которые вносились в указную книгу; канцелярия по ним чинила исполнение и потом опять представляла «выписки», причем, видимо, и асессоры — Языков и Иванов — иногда самостоятельно докладывали их; указы же обычно записывались так: «1718 г. декабря в 18 д. Царское Величество, слушав сего реестру (или "выписок"), указал по именному своему Великого Государя указу»... идет предмет указа, а в конце обычно приписывалось: «сей указ Его Величества записать в книгу». Затем подписи или Кошелева, или асессоров.

Часто подавались Петру и реестры по производящимся делам с вопросами, которые Петр тоже разрешал своими указами.

В августе 1718 года дьяк Палехин получаете письмо следующего содержания: «Государь мой Тимофей Осипович! Именным царского

---

[68] С. А. Кн. Имп. ук. № 27.
[69] Там же. Л. 79.

величества указом и по определенному реестру повелено розыскать дело по доношению фискала Михаила Андреева на комиссара Власова и дьяка Скурихина и на прочих в подряде амуниций господину полковнику Герасиму Ивановичу (Кошелеву, как выясняется из ответного письма Палехина), и для того розыску и следования оное дело прислано в розыскную канцелярию из канцелярии князя Василия Володимеровича Долгорукова»... но недостает нескольких нужных писем и просят Палехина поискать их в делах Тайной канцелярии[70]. Это письмо подписал Федор Захаров. По содержанию его несомненно, что оно идет из розыскной канцелярии ведения Гер. Ив. Кошелева, а подписал, вероятно, дьяк этой канцелярии.

В октябре того же года Тайная канцелярия делает постановление по делу о злоупотреблениях одного ландрата: «отослать подполковнику Кошелеву при письме, по которому следовать ему Кошелеву, понеже во оном доношении объявлено, что по указу из канцелярии Сената велено о том исследовать ему Кошелеву»[71]. А в ноябре 1718 года Кошелев, уезжая «для нужнейших Его Величества дел», сообщил асессорам, что «в небытность мою указал Его Величество ведомства моего розыскной канцелярии дела ведать и следовать по данному нам указу от лейб-гвардии Преображенского полку господину майору Юсупову»[72]; но уже 15 марта 1719 года следует указ за подписью Кошелева о передаче всех дел, ведавшихся «в розыскной канцелярии, которая под ведением... Кошелева... в канцелярию, которая под ведением П. М. Голицына»; и Кошелев письмом извещает об этом Голицына[73]. Так закончила свое существование канцелярия ведения Кошелева.

Мы видели, как, при каких условиях образовалась около Кошелева канцелярия; мы видели, насколько это оказалось доступным, способ действования канцелярии; мы видели, что предметы ведения этого учреждения определялись царским указом в каждом конкретном случае; однако из рассмотрения реестра дел, сделанного при сдаче делопроизводства кн. Голицыну, видно, что розыскные дела против 3-го пункта указа 1715 года, т. е. о похищении казенного интереса, являлись почти единственными делами ведения Кошелевской канцелярии, нередко именуемой «канцелярией розыскных дел»[74].

Личный состав приказных людей в 1718 году в канцелярии Кошелева состоял из одного дьяка (Иван Васильев), 3 старых подьячих,

---

[70] С. А. Кн. Имп ук. № 27. Л. 77 и далее.
[71] Там же. № 27. Л. 79.
[72] Г. А. VII. № 18.
[73] С. А. Кн. Имп. ук. № 27, Л. 104.
[74] Там же. Л. 194 и 195.

7 средних, 3 молодых подьячих; да кроме этих, постоянных как бы, были 2 средних и 2 молодых подьячих из С.-Петербургской губернской канцелярии и из Старой Руссы. Значит, всего дьяков и подьячих было в канцелярии 18 человек.

В книге Сенатских дел, посвященной сношениям Сената с образованными в 1717 году майорскими розыскными канцеляриями, среди этих последних упоминается канцелярия князя Юсупова[75]; это дает возможность с вероятностью приурочить образование Юсуповой канцелярии к тому же 1717 году; во всяком случае, до нас дошло делопроизводство этой канцелярии по «бахмуцкому делу», которое ей начато следованием в 1717 году. Это большое розыскное дело, тянувшееся следованием до 1721 года, возникло по доношениям бахмуцкого батальона капитана Чирикова о кражах при фуражировке полка в бытность его в Малороссии в 1713 и 1714 годах. К следствию был привлечен громадный материал в виде отчетности и разных оправдательных документов, видимо, усердно изучавшихся в Юсуповой канцелярии. Кроме того, в канцелярии допрашивались свидетели и обвиняемые, а в случае нужды для розыска посылались на места от канцелярии сержанты.

Среди чисто розыскного материала в этом деле попадаются прямые указы Петра, свидетельствующие, что царь нередко сам наблюдал за производством следствия. Например: «1719 г. марта в 21 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич...» (и т. д.) «указал именным своим государевым указом против доношения...»; далее идет предмет указа, а в конце: «и сей его великого государя указ записать в книгу. Майор Юсупов» (подпись). Время от времени результаты розыска в виде выписок предлагались для приговора коллегии Юсуповой канцелярии, которая и приговаривала, например: «1719 года апреля в 8 день по указу великого государя бригадир и лейб-гвардии майор князь Юсупов княжево, поручик Украинцев, слушав с выписки, приговорили...» (идет приговор, скрепленный подписями Юсупова и Украинцева)[76]. Кроме этого Украинцева асессорами Юсуповой канцелярии были капитан Федор Скорняков-Писарев и поручик Бибиков. Однако необходимо отметить следующий факт: в делах, несомненно, следовавшихся в канцелярии Юсупова, находим два таких приговора: «1720 г. марта в 28 день по указу великого государя лейб-гвардии штаб и обер-офицеры, слушав сей выписки, приговорили...»: идет самый приговор, а в конце следуют

[75] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 161, 162 и др.
[76] М. А. М. Ю. Сен. кн. 3/219 и 6/222.

подписи Волкова, Дмитриева-Мамонова, Ушакова, Салтыкова, Пашкова, Голенищева-Кутузова, Бахметева, Языкова, Иванова, и уже в самом конце стоят подписи Юсупова, Украинцева и Бибикова, т. е. офицеров, принадлежащих собственно к постоянному составу Юсуповой канцелярии[77].

В 1719 году состоялся еще такой же по форме «приговор» за подписью тоже целого ряда гвардии штаб- и обер-офицеров (около 16 лиц), и между ними были Ушаков, Дмитриев-Мамонов, Салтыков, кн. И. Голицын, и уже опять в самом конце подписался Юсупов[78]. Таким образом, кроме постоянной коллегии, стоявшей во главе канцелярии и чинившей приговоры, в некоторых случаях (вероятно, более важных) для слушания дел призывались другие штаб- и обер-офицеры из тех, как видно по подписям, которые тоже находились «у розыскных дел» и имели свои розыскные канцелярии (как Салтыков, Ушаков, Дмитриев-Мамонов, Волков) или являлись постоянными «асессорами» какой-либо другой из канцелярий (как Пашков, Языков, Иванов, Голенищев-Кутузов и пр.).

В ноябре 1718 года полк. Кошелев был послан Петром для «нужнейших дел», и на время его отсутствия Петр указал его розыскной канцелярии дела ведать и следовать «лейб-гвардии Преображенского полку господину майору Юсупову»[79]. Участие Юсупова слабо замечается в делах этой ему вверенной канцелярии. В 1719 году «декабря в 5 день лейб-гвардии майор и Его Царского Величества генерал-адъютант господин Румянцев объявил, что Царское Величество указал именным своим указом канцелярию, которая была под ведением генерал-майора и лейб-гвардии обер-вахтмейстера Михаила Афанасьевича Матюшкина ведать ныне господину бригадиру и лейб-гвардии обер-вахтмейстеру господину князю Юсупову княжево»[80]. Но, видимо, это заведование продолжалось недолго, ибо уже в сентябре 1720 года идут указы за подписью Матюшкина[81], хотя имеется несколько указов за подписью Юсупова и несколько реестров по делам, представленным им царю. 5 февраля 1720 года в Тайную Канцелярию было прислано доношение из «канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора господина князя Юсупова княжево». В доношении этом говорится, что дела, которые следовал в Киеве по указу именному кап. Головкин, «об излишних сборех» и о притеснениях жителей,

[77] М. А. М. Ю. Сен. кн. 2/218.
[78] М. А. М. Ю. Сен. кн. 6/222. Л. 187.
[79] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 104.
[80] Там же. Л. 346–356.
[81] Там же, далее.

«именным его царского величества указом приняты в канцелярию нашего ведения», «и о помянутых делах Головкина, в том числе по выписке о излишних сборех докладовано Царского Величества, и Его Царское Величество указал именным своим указом» разослать эти дела по разным коллегиям[82]. Доношение это помечено мартом 1720 года. В ноябре 1720 года Макаров письмом требует сведений от князя Юсупова по «канцелярии ведения вашего»[83], а в 1722 году был указ с распоряжением о деньгах, имевшихся «по канцелярии вашей», т. е. Юсупова[84]; упоминание о канцелярии кн. Юсупова встречаем еще в 1723 году[85].

Количеством дьяков и подьячих Юсуповская канцелярия немного отличалась от других розыскных канцелярий: в 1718 году количество приказных людей, в ней бывших, колебалось в пределах 13–16 подьячих всех трех статей[86].

Письмом Сенату от 12 декабря 1717 года кн. П. М. Голицын объявляет, что царским указом от 9 декабря того же года за собственноручным подписанием Петра «повелено нам о делах, о которых при оном указе объявлено, следовать и розыскивать», ввиду чего Голицын требует от Сената определить подьячих для этих дел и их «прислать к нам в канцелярию»[87]. Существовала ли канцелярия Голицына ранее, этого мы, к сожалению, установить не могли. В реестре врученных ему в то время дел помечены следующие пять лиц, о взятках и превышении власти которых «должен был следовать» Голицын: «1) московский губернатор Нарышкин; 2) вице-губернатор князь Путятин; 3) Александр Кикин; 4) светлейший князь; 5) Яков и Василий Корсаковы»[88]. Почти все дело о Корсаковых (начатое по доношению фискала Поповцева) дошло до нас: тянулось оно до 1721 года, когда «следование» по нему канцелярии Голицына обрывается. Из рассмотрения этого дела очевидно, что в канцелярию, во-первых, поступили и в ней исследовались все документы, относящиеся к делу; во-вторых, допрашивались и давали объяснения обвиняемые и свидетели обычно в присутствии асессоров — офицеров канцелярии, которые во главе с Голицыным и на основании всех этих материалов или «по указу великого государя» «приказывали» о дальнейших шагах в следствии,

[82] Г. А. VII. № 64. Л. 34–35.
[83] Г. А. XI. № 2. Карт. 4.
[84] Г. А. К. П. Книги указ. 1722 г. Л. 33.
[85] Г. А. К. П. Кн. 64. Л. 934.
[86] М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51.
[87] Там же. Л. 11.
[88] Там же. Л. 16.

или, «слушав сей выписки», приговаривали, т. е. ставили приговоры-решения; каждое из таких определений канцелярии подписывалось Голицыным и «асессорами»[89].

В апреле 1718 года канцелярия Голицына принимает некоторое участие в розыске по делу цар. Алексея и его сообщников. Мы имеем «определение» Тайной канцелярии об отдаче писем, забранных поручиком Козловым у Кир. Нарышкина, обратно этому Козлову, «асессору» Голицынской канцелярии[90].

В 1719 году 15 марта состоялся указ Петра о передаче всех дел, ведавшихся «в розыскной канцелярии, которая под ведением Кошелева... Петру Михайловичу Голицыну», об этом Кошелев особым письмом извещает Голицына. По реестру передачи видно, что к Голицыну попадали дела о розысках по взяткам, кражам казенного имущества и т. п., т. е. по 3-му пункту указа 1715 года[91]. Однако 4 мая того же года Голицын из своей канцелярии все эти дела передает Матюшкину при следующем письме: «Государь мой Михайла Афанасьевич! Прошедшего марта 24-го дня сего 1719 года полковник господин Кошелев письменно мне предложил, что того ж марта 15-го дня Царское Величество именным своим государевым указом указал: розыскные дела, которые в его ведомстве были для исследования, отдать в канцелярию ведомства нашего; при котором письме тем делам и реестр прислан; а прошедшего апреля 10-го дня Его ж Величество, слушав помянутого реестра, указал по именному своему государеву указу тем делам в ведении быть у вас, и о чем и вы Его Величества именной указ имеете; и того ради для известия вам оным делам подлинный помянутый присланный реестр и письмо полковника Кошелева при сем к вам посылаю. Слуга Ваш кн. П. Голицын. 4-го мая 1719 г.»[92]

Из немногих вышеприведенных данных можно заключить, что канцелярия князя П. М. Голицына ведала, во-первых и преимущественно, дела «интересные», т. е. против третьего пункта, а во-вторых — дела против первых двух пунктов (дело сообщников цар. Алексея) указа 1715 года. Во главе учреждения стоял, видимо, сам кн. Голицын: его именем в доношении Петру называется канцелярия, с ним переписывается Макаров по делам канцелярии. Кроме Голицына, в канцелярии были «присутствующие гвардии обер-офицеры». Вот какое сведение мы имеем об одном таком офицере: «Апреля

[89] М. А. М. Ю. Сен. кн. 4/680; Г. А. VII. № 60. Л. 2.
[90] Г. А. VII. № 60. Л. 2.
[91] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 194, 195 и др.
[92] Там же.

24-го числа послан я, нижеименованный, из канцелярии ведения нашего, которая под именем князя Петра Михайловича в доме Кирилла Нарышкина». Доношение, так начинающееся, подписал гвардии поручик Иван Козлов; а определение Тайной канцелярии по поводу этого доношения, кончается следующей фразой: «те письма отданы (дело идет о письмах, взятых при обыске у Кир. Нарышкина) помянутому поручику Козлову в канцелярию ведомства князя Петра Михайловича Голицына с товарищи, в которой он, Козлов, асессором»[93]. У Голицына были «товарищи», офицеры гвардии, которые присутствовали с ним в канцелярии, были «асессорами», участвовали в решении дел и иногда даже именовали Голицынскую канцелярию канцелярией их ведения, которая только под именем Голицына. Однако, личным докладчиком царя был почти исключительно кн. Голицын. Из вышеприводимого письма Голицына к Матюшкину видно, что Петр «слушал» в личном ему докладе кн. Голицына дела его канцелярии и чинил по ним резолюции. Кроме того, кн. Голицын вел переписку с Петром, как мы уже заметили, по делам канцелярии, а потому и являлся фактическим начальником этого учреждения, стоявшим, однако, под непосредственным контролем самого императора. Сведений о составе приказных людей канцелярии нам встретилось мало: в 1718 году, однако в канцелярии числилось 3 старых подьячих, 4 — средней статьи и 5 молодых подьячих, а всего 12 подьячих[94].

Сведения о канцелярии ведения Михаила Волкова скудны. Можно предполагать, что она образовалась тоже в декабре 1717 года[95].

В сентябре 1720 года на имя Макарова Волков пишет: «Государь мой Алексей Васильевич! В Канцелярии ведения моего обвинен Елизар Петров в пяти тысячах осьмистах рублех; а с оного взято малое число и держан в канцелярии моей за те деньги жестоко, а взять с него нечего», — и далее просит Макарова написать в Камер-коллегию о приеме арестованного заграничного вина у этого Елизара Петрова, а то писем его, Волкова, там не слушают[96]. Вслед за этим помещается большой лист, на котором такой заголовок: «в канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора и господина Волкова приказных людей, которые взяты из разных канцелярий и из губерний»; далее идет именной их список[97]. Это известие тоже следует отнести к 1720 году. В это время в канцелярии Волкова было по

[93] Г. А. VII. № 60. Л. 2.
[94] М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51.
[95] Там же. Л. 3.
[96] Г. А. К. П. Кн. 45. Л. 252.
[97] Там же. Л. 255.

крайней мере 13 приказных людей; канцелярия занималась, видимо, какими-то начетами, вероятно, по соблюдению казенных интересов, т. е. розысками «против третьего пункта». К сожалению, более подробных известий о ней найти не удалось.

Канцелярия майора Сем. Салтыкова начала свое существование, вероятно, с 1717 года: в этом году в канцелярии уже числилось 18 подьячих[98], тогда же Салтыковым следовалось дело «по доношению дьяка Чашникова на вице-губернатора Колычева, что во всей Азовской губернии у плательщиков данные им отписи избирает, и о других интересных делах»[99]. Дело это Салтыкову было передано из канцелярии Сената по Сенатскому приговору. За громадным количеством счетных записей и других к следствию привлеченных документов в оставшихся от этого розыска бумагах очень мало видно следов действования самой канцелярии. Всякие решения и приговоры канцелярии, видимо, носили коллегиальный характер и облекались в следующую форму: «1717 сентября в 12 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... (титул) ...лейб-гвардии майор Салтыков, капитан Панин, капитан-поручик Голенищев-Кутузов, слушав вышеписанного доношения, приказали учинить...»[100] Панин и Голенищев-Кутузов являлись, очевидно, асессорами канцелярии. В 1720 году по указу Петра Салтыковская канцелярия препровождает в Ревизион-коллегию все ее дела, «вершеные и невершеные», касающиеся государственного интереса. Из реестра видно, что в это время таких дел находилось у Салтыкова в канцелярии более 10 (доношения Нестерова на гр. Апраксина, дело вице-губернатора Колычева, дела по доношению ланрихтера Григорьева и проч.)[101].

Наконец, о канцелярии ведения генерал-майора и лейб-гвардии майора Салтыкова есть следующее известие, относящееся к 1724 году. Сохранилась черновая «промемория из Канцелярии тайных розыскных дел в канцелярию ведомства господина генерал-майора и лейб-гвардии майора Салтыкова с прочими офицерами. В прошлом 1723 и в нынешнем 724 год(ах?) из помянутой канцелярии требовано в оную Тайных розыскных дел канцелярию промемориями о присылке подлинного известия по делу о Перекрестовых пожитках, как показано в тех промемориях пунктами, такое следствие по тому делу было ль? и ежели было, решено ль? и по тем промемориям из канцелярии вашего ведомства ответствовано...» и идет изложение дела. В конце

98 М. А. М. Ю. Сен. кн. 51/51.
99 М. А. М. Ю. Сен. кн. 5/221.
100 Там же. Л. 125.
101 Там же.

промемории написано: «и сего ноября дня по Его Императорского Величества указу и по определению Канцелярии Тайных Розыскных Дел [1] о господине генерале адмирале графе Апраксине; [2] о Степане Колычеве, что оные брали некоторые из пожитков бывших полковникова Перекрестова вещи, а о том в канцелярии вашего ведомства исследовано, и Его Императорскому Величеству докладывано, и на докладной выписке Его Величество изволил подписать тако: выслушать в Сенате, и, приговор учиня, прислать для конфирмации к Его Величеству; того ради этому делу в Канцелярии тайных розыскных дел следовать не подлежит, и то дело отослать паки в канцелярию вашего ведомства по прежнему... которое и послано при сей промемории»[102]. Дело Перекрестова — это дело о расхищении конфискованных имений полковника Перекрестова, причем в расхищении принимал участие Апраксин, и, по-видимому, не был тут безгрешен светлейший князь Меншиков. По этому же делу далее Тайная канцелярия пишет доношение в Сенат, испрашивая «указного решения», ибо дело было уже «исследовано» «в Канцелярии генерал-майора Салтыкова» и сделана резолюция Петра[103]. Из этих данных мы узнаем о существовании канцелярии ведомства Салтыкова, ведавшей крупные «интересные» дела, причем ее «следования» шли непосредственно на усмотрение Петра в виде (обычной) докладной выписки.

Во главе канцелярии стоял Салтыков, но не один, а, как и в других канцеляриях, «с прочими офицерами». Недостаток известий, к сожалению, заставляет ограничиться только этими штрихами в обрисовке канцелярии Салтыкова.

Таковы сведения, которые удается получить о розыскной деятельности канцелярий всех тех офицеров, имена которых были упомянуты в указах Сената 1717 года. Таким образом, является основание полагать, что, во-первых, в этих указах 1717 года. Петр, хотя как бы частными случаями, однако определенно констатирует нарождение нового учреждения: ряда однородных канцелярий, устроенных для розыскных дел и находящихся «под ведениями» различных близких Петру людей, гвардии офицеров; а во-вторых — всякая иная того времени канцелярия «ведения» от гвардии офицеров, не помянутых в указах 1717 года и притом занятая розыскными делами, заставляет подозревать в себе учреждение совершенно подобное вышеописанным. Разбор таких не упомянутых в указах 1717 года канцелярий «ведомства» или «ведения» и сопоставление полученных результатов

[102] Г. А. VII. № 63.
[103] Там же.

дает возможность точно установить правильность нашего предположения. К этому разбору мы теперь и обратимся.

II

1. 25 июля 1713 года Петр дает следующий указ майору князю Волконскому: «...ехать ему к городу Архангельскому и, приехав туда, против данного ему экстракта... розыскать... и, буде дойдет кто до пытки, и пытать; и как розыскан будет, тогда то розыскное дело и тех, которые... виноваты будут, взять с собой привезти к нам в Санкт-Петербург»[104]. Волконский едет в Архангельск и ведет порученный ему розыск по «интересному» делу Курбатова с Соловьевым; в этом деле имеем такую запись: «...1715 года февраля... на Вологде в канцелярии розыскных дел от гвардии перед майором князем Михаилом Ивановичем Волконским подьячий Ив. Борисов сказал...» И далее в деле постоянно выражение: «канцелярия розыскных дел»[105]. Ясно, что Петр вручил Волконскому важное розыскное дело, и, выполняя это поручение, Волконский образовал вокруг себя целую розыскную канцелярию.

Весь этот розыск велся при непосредственном участии царя. Волконский в ряде больших писем доносил, в мелочах часто, о ходе следствия и на все получал ответы и подробные указания Петра, часто в своеручных его письмах[106]. Но уже в конце 1715 года Петр узнает о преступлениях Волконского по этому розыску, и в январе 1716 года розыск передается полковнику Кошелеву. Таким образом, канцелярия Волконского только начала свою деятельность, только образовалась, как прекратила свое существование, перейдя в руки Кошелева. Однако, вглядываясь в переписку Волконского с Петром по этому делу, можно заключать, что Волконский был только как бы исполнителем воли Петра; он не только сообщал царю докладные выписки о им произведенном следствии, но даже сообщал и о частностях ведения его, действовал, возможно, непосредственно под личным руководством Петра.

2. 9 мая 1714 года был дан Петром «указ майору от лейб-гвардии господину Ушакову: розыскивать по челобитной, которую подал нам артиллерии фурьер Семен Кузнецов и для того розыску взять отсель с собою тех, на которых тот извет был, и ежели еще в том деле явятся письма, и тех брать и розыскивать... ежели явятся... дела

---

[104] С. А. Кн. Имп. ук. № 27.
[105] Г. А. XXVI. № 193. Карт. 1 (пачка 3).
[106] С. А. Кн. Имп. ук. № 27.

сим подобные... розыскивать же»[107]. Далее: «...в прошлом 1715 году по именному Царского Величества указу велено по ратушским делам, которые иманы в Санкт-Петербург по доношению фискала Михаила Андреева, следовать в Москве от лейб-гвардии майору Ушакову»[108]. А в деле об этом ратушском розыске находим следующую заметку: «...а ко управлению оных дел (т. е. этих ратушских и розыска по ним) взять часть приказных людей из ближней канцелярии, о чем на доношении помянутого фискала подписано собственною Его Царского Величества рукою»[109]. Так, видимо, начала составляться канцелярия при А. И. Ушакове; и к 1715 году мы уже знаем, что существует «канцелярия ведомства бригадира и лейб-гвардии майора господина Ушакова»: в нее был взят тогда по некоторому делу один человек, бывший впоследствии колодником Тайной канцелярии[110].

А в 1718 году указом от 19 января повелено «о третьем пункте, о похищении казны, пока Его Царское Величество будет на Москве, подавали б майору от гвардии Ушакову»[111].

В декабре 1719 года имелось «в канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова по справке в прошлом 1718 году Нижегородской губернии бывшие подьячие доносители Тимофей да Иван Поповы Его Царскому Величеству в Преображенском во время божественной литургии подали доношение, в котором написали о похищении в Нижегородской губернии денежной казны, и об утаенных от переписчиков крестьянских дворах, и о другом тому же подобном», и за то, что подали не Ушакову, как по указу надобно, а самому Петру, — биты кнутом и отосланы в Преображенский приказ, так как сказали за собой «слово и дело»[112]. И один из этих Поповых на допросе уже в Тайной канцелярии сказал: «в прошлом 718 году в канцелярии ведомства бригадира и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова, которая в Москве на потешном дворе, держан он был»[113]. До нас дошла тетрадка из нескольких листов писчей бумаги, в заголовке которой стоит следующее: «В канцелярии ведомства генерал-майора и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова выписано», и далее идут в кратком изложении указы, этой канцелярией полученные: «в 20 (апрель 1718 года)

---

107 Г. А. К. П. Кн. ук. за 1714 г. Л. 31.
108 Г. А. XXVI. № 196. Карт. 1.
109 Там же.
110 Г. А. VII. № 52.
111 П. С. З. № 3143.
112 Г. А. VII. № 53.
113 Там же.

на поданное от него господина генерал-майора доношение о взятии вместо беглых и умерших рекрутов других плательщиков», затем имеется еще много указов по рекрутским делам, данных также по представлению Ушакова (от 29 апреля, 31 апреля, 4 декабря того же года; 22 марта, 2 августа, 21 июля, 30 августа, 16 августа, 2 ноября, 5 и 13 декабря 1720 года и т. д.). Так, дела по рекрутскому набору и снаряжению ведались Ушаковской канцелярией. Затем дела по корабельному строению (доставка леса, надзор, доставка рабочих и проч.) входили тоже в компетенцию Ушаковской канцелярии: по этому отделу его ведомства имеется целый ряд указов (от 5 апреля, 4 июня, 9 декабря и т. д. 1720 и др. годов). Вот образчик такого указа от 15 июня 1720 года: «на поданное его господина генерал-майора доношение, по которому требовано для достройки кораблей с Олонецкого уезда и из других городов плотников 300 человек, велено требовать указу из камор-коллегии». Кроме того, тут же встречаются следующие указы: от 13 сентября 1718 года: «о бытии из царедворцев стольнику Ивану Дурному по-прежнему в канцелярии ведомства его господина генерал-майора у дел, и о высылке в Санкт-Петербург для смотру царедворцев же»; и от 15 января 1719 года: «о исследовании в Москве по доношению подьячего Кириллова человека Протопопова Василия Федорова о государеве интересе по розыску против того доношения»[114]. Таким образом, дела по придворному ведомству и по розыскам тоже попадали в Ушаковскую канцелярию.

И розыски по «интересным» делам, и корабельное строение, и рекрутские наборы, и кое-что из дворцовых дел — все это попадало в канцелярию ведения А. И. Ушакова. Однако в 1723 году в письме к Ушакову кн. Мих. Голицын пишет: «Надеюсь, что в 714 году в канцеляриях ваших такие дела в следовании были»[115]. В 1724 году Макаров спрашивает Ушакова о количестве денег по «канцеляриям»[116], то есть к этому времени в ведении Ушакова оказывается несколько канцелярий. Если вспомнить, что одна из них называлась «канцелярия рекрутского счета», то можно предполагать, что эти канцелярии произошли путем выделения из одной общей канцелярии «ведения» Ушакова путем ее дробления по мере накопления разных поручений — дел. Отметим одно интересное известие: Макаров в письме Ушакову от 4 марта 1721 года пишет: «Ее Величество Государыня Царица Екатерина Алексеевна указала отослать к вам челобитную кн. Андрея Кольцова-Масальского, по которой извольте учинить

[114] Г. А. VII. № 8. Ч. I.
[115] Там же.
[116] Г. А. IX. № 2. Карт. 5.

решение. А ежели вам одному оного решить невозможно, о том извольте предложить всем господам штапным офицерам, выписав из примеров... ежели, паче чаяния, и в присутствии всех штапных решить того будет немочно, о том извольте доложить Ее Величеству Государыне Императрице Екатерине Алексеевне»[117]. Значит, в приговорах и решениях некоторых поручаемых Ушакову дел участвовали «штапные» офицеры, то есть существовала какая-то коллегиальность. При этом, видимо, деятельность канцелярии Ушакова стояла в непосредственной близости к самому Петру; по крайней мере, в письме от апреля 1721 года к Макарову Ушаков, говоря о деле «по канцелярии моего ведения», как он пишет, испрашивает указа царя по поводу крестьян, доносящих на своих господ в укрывательстве рекрутов, сидящих пока за караулом: «...изволь о сем доложить Его Царскому Величеству, что мне с ними чинить»[118], а в письме от ноября 1717 года Макаров пишет Ушакову: «...письма ваши, моего государя, исправно я получил и по оным, о чем принадлежало, Его Царскому Величеству доносил»[119].

Итак, можно предполагать, что с 1714–1715 годов у Андр. Ив. Ушакова образовалась (едва ли не в связи с «ратушским» делом) канцелярия его ведения. Причем первоначально она занята была особенно розыскными делами, но усложнение деятельности Ушакова повело за собой усложнение и в силу этого — раздробление одной его ведения канцелярии на несколько. При этом одна из канцелярий получила название «Канцелярии рекрутного счета». Однако начало составляла канцелярия ведения Ушакова, подобная нами уже рассмотренным.

3. В именном указе Петра от 13 марта 1716 года на имя полковника Кошелева написано: «Понеже во отбытии нашем канцелярия, которая ведения подполковника нашего князя Долгорукова в Санкт-Петербурге никому ведать не приказана, того ради оную канцелярию в небытие его ведай ты; и по которым делам также и по данным пунктам дьяку Воронову надлежит следовать, чтоб он то исполнял без опасения: також и его, дьяка Воронова, в обиду никому не давать»[120]. Значит, в 1716 году в ведении кн. Долгорукова находилась уже канцелярия, поручаемая по его отъезде попечению полковника Кошелева. Около этого же времени мы находим упоминание указа о взятии некоторых дел у архангельского вице-губернатора Колычева (по делу Курбатова-Соловьева), указа, посланного с сержантом от «Канцеля-

[117] Г. А. IX. № 2. Карт 3.
[118] Г. А. К. П. Кн. 54. Л. 558.
[119] Г. А. IX. № 2. Карт. 1.
[120] Г. А. К. П. Кн. ук. за 1716 г. Л. 45 об.

рии ведения генерала кавалера и от гвардии подполковника его сиятельства кн. Василия Володимеровича Долгорукова»[121]. В кабинетных делах (Кабинета Петра) остался такой черновик (или копия) «В канцелярии господина генерала князя Долгорукова за отсылкою в остатке невершеных дел до светлейшего князя касаются»: «о вотчинах светлейшего князя, которые даны ему в Ингрии и потом розданы разночинцам, и которые ему даны взамен оных, и что с них каких денежных доходов в год сходилось», «о ревельских деньгах, что издержаны на покупку хлеба», и о посылке этих денег светлейшему князю. Далее перечисляются дела по тяжбам светлейшего князя с частными лицами по его заводам и по поводу беглых людей. Потом идут дела по челобитьям об укрывательстве беглых, о взятках, о грабежах казенного имущества (т. е. против третьего пункта). Далее дело: «об отдаче туленину Никите Демидову без оброку сибирских железных заводов и о поставке в казну железа дорогою ценою, и о продаже беспошлинно, и о свидетельствовании всех железных заводов». Далее «о позволении торгу всяких чинов людям, кроме купечества, которые торгуют, десятой деньги по препорции с торгов не платят, отчего купечеству обида, и оный сбор в потерянии». Потом дела: о подрядах провианта, по фискальским доношениям, «о раздаче питей с каменного мосту безденежно Алексеем Курбатовым»[122]. Таково разнообразие дел, ведавшихся Долгоруковской канцелярией. Здесь можно наметить две группы: во-первых, дела «интересные» — против третьего пункта, и во-вторых, дела, видимо, случайные (например, о Никите Демидове, по челобитьям, жалобы купечества о десятой деньге). Но есть одно указание, что дела против первых двух пунктов не были чужды Долгоруковской канцелярии. В делах Тайной канцелярии есть дело о капитане Кзензиане, обвинявшемся в поношении государя непристойными словами, о чем донесли его сослуживцы по полку; за это указом Петра его повелено сослать в Сибирь, а указ этот «приписал Долгорукой». Долгоруков же письмом извещает об этом Сенат, дело было в 1715 году[123].

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что, кроме случайных, главное количество дел ведения Долгоруковской канцелярии принадлежало к делам против «пунктов» указа 1715 года; но, конечно, отнюдь не следует упускать из виду, как случайно попадали и самые разнородные дела в ту же канцелярию кн. Долгорукова. Дела

[121] Г. А. XXVI. № 193. Карт. 1 (пачка 8).
[122] Г. А. К. П. Кн. 53. Л. 252–256.
[123] Г. А. VII. № 2.

обычно поручались царем, очень близко стоявшим к канцелярии; выписки дел посылались зачастую Петру: «и по тому делу Царское Величество, слушав выписки, словесным своим указом изволил сказать, что...»[124] (идет распоряжение). Обо всем Долгоруков доносил письмами Петру же. Макаров (в 1718 году) пишет Долгорукому: «письма вашего сиятельства все исправно я получил... что же изволили писать об оставших делах в Вашей канцелярии, о том я Его Царскому Величеству доносил, на что изволил сказать, что о тех делах решение будет тогда, когда Его Величество изволит возвратиться в Санкт-Петербург»[125].

Петр сам непосредственно, значит, входил в дела канцелярии. К сожалению, следов об «асессорах» или «товарищах» не нашлось. В заключение можно прибавить, что уже в марте 1719 года Долгоруковской канцелярии не существовало: в числе подьячих Тайной канцелярии был некто Русинов, взятый «от дел канцелярии князь Василья Долгорукова, которая раскасована»[126]. Этим исчерпываются наши сведения о Долгоруковской канцелярии.

4. В делах Тайной канцелярии сохранились упоминания о «канцелярии ведомства господина Плещеева»: шли сношения с нею по поводу отписных пожитков бывшего ростовского епископа-расстриги[127]; потом в реестре бумаг по делу царевича Алексея записано: «...письмо от господина Плещеева, что за взятые Лопухина пожитки вырученных денег от целовальников в канцелярию его ничего не отдано»[128].

В 1718 году в Тайную канцелярию поступает дело по «доношению» Плещеева из «Канцелярии ведомства моего» (то есть Плещеева); это дело о взятках майора Фуникова при приеме подрядов по обмундированию. Так как часть замешанных в это дело лиц сидела под караулом в Тайной канцелярии, то Плещеев счел нужным и все дело, у него имеющееся, передать в Тайную же канцелярию.

В письме на имя дьяка Тайной канцелярии Тимофея Палехина некто Петр (подпись не разобрана) пишет: «...из канцелярии ведомства полковника и от лейб-гвардии капитана поручика господина Плещеева послан был в описной дом, который описан по розыскным тайным делам окольничего... Собакина... дьяк Федор Сорокин».

[124] Г. А. К. П. Кн. 53. Л. 253.
[125] Г. А. IX. № 2. Ч. I. Л. 343.
[126] Г. А. VII. № 8.
[127] Там же. № 6. Ч. 1.
[128] Г. А. VI. № 76.

Найденные там цифирные письма были отправлены при этом письме Палехину. Это было в июне 1719 года[129]. Из вышеприведенного видно, что в канцелярии Плещеева состоял дьяк, в данное время Ф. Сорокин.

В 1720 году, в марте-месяце, Макаров письмом к Плещееву передает мелкое распоряжение Петра по «интересному делу», бывшему в канцелярии ведения Плещеева — «в канцелярии вашей», как выражается Макаров[130].

В 1722 году Плещеев пишет из канцелярии своего ведения доношения в Тайную канцелярию с требованием прислать ему содержащегося в Тайной канцелярии колодника Чюбарова «по обретающемуся в канцелярии ведомства моего раскольному делу»[131]. В этом же деле находим следующий указ Сената Тайной канцелярии: «Указ Его Величества Императора и Самодержца всероссийского из Сената в Канцелярию Тайных Розыскных Дел. Июля 10-го дня нынешнего 1722 года в поданном в Сенат доношении герольдмейстера Плещеева написано: по Его Императорскому Величества указу ведал он раскольнические дела, а сего 1722 году мая 10-го дня по именному Императорскому Величеству указу определен он к герольдмейстерским делам, а о приеме у него раскольнических дел из Сената в Св. Прав. Синод ведение послано, и по тем делам колодников и поднесь у него не принято; и между теми делами касается важное дело до стольника Ивана Савельева сына Чюбарова, который содержится в Санкт-Петербурге в Тайной Канцелярии, о котором его Чюбарове деле известен Его Императорское Величество, и указал им Чюбаровым розыскивать, и чтоб оного Чюбарова дело поведено было принять в Сенат или отослать в Тайную Канцелярию»[132]. Этим указом дело это отсылалось в Тайную канцелярию.

Все вышеизложенные данные о канцелярии ведомства Плещеева позволяют нам установить факт ее существования в период от 1718 до 1722 года, когда она была ликвидирована с назначением Плещеева герольдмейстером. О способах действования и устройстве этой канцелярии мы можем только заключать, что в ней был дьяк (Сорокин). Предметом ведения канцелярии, очевидно, были «розыскные дела»; из них главные — дела раскольничьи; попадали и дела по первым двум пунктам (дело Чюбарова), были и дела по третьему пункту (дело Фуникова).

---

[129] Г. А. VII. № 41.
[130] Г. А. IX. № 2. Карт. 4. Л. 49.
[131] Г. А. VII. № 85.
[132] Там же. № 84.

5. Михаил Афанасьевич Матюшкин в 1697 году в числе других был отправлен за границу для изучения воинского дела. Возвратившись, был в Преображенском полку, где в 1706 году числился уже капитаном; в конце царствования Петра он был уже генерал-лейтенантом, причем в первых и десятых годах XVIII столетия посылался Петром с поручениями по набору рекрутов[133] и по другим воинским делам; например, в марте 1715 года ему приказано было произвести осмотр «протазанов» в Оружейной палате на Москве[134] в целях выяснения их годности. В Сенатском архиве хранится под № 27 книга с именными высочайшими указами, озаглавленная так: «Принятые из бывшей канцелярии ведения генерал-лейтенанта Матюшкина именные блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра I указы...» «приняты той канцелярии у канцеляриста Андрея (фамилия не разобрана) генваря 26 дня 1730 г.» и были «отданы в канцелярию Высокого Сената». В середине этой книги есть следующий указ: «1719 г. апреля в 10 день Царское Величество указом по именному своему Великого Государя указу Канцелярию Розыскных Дел, которая была под ведением полковника лейб-гвардии капитана господина Кошелева и лейб-гвардии обер-офицеров ведать генерал-майору и лейб-гвардии майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину обще с теми же гвардии обер-офицеры»[135]; кн. Голицын, у которого временно была в заведовании канцелярия Кошелева, сообщил об этом Матюшкину[136]. Очевидно поэтому, что старые приемы действования в канцелярии продолжали оставаться. Однако если форма указов сохраняется и старая, например: «1719 г. мая в 14 день великий государь, слушав против челобитья детей О. Соловьева, указал...» (идет указ самый) «...и сей царского Величества именной указ записать в книгу. Лейб-гвардии майор Матюшкин»[137] (подпись); с другой стороны, в дальнейшем следуют указы с несколько иной формой, а именно: «1719 мая в 25 день по указу великого Государя царя... (титул) ...генерал-майор и лейб-гвардии майор Михайло Афанасьевич Матюшкин с присутствующими гвардии обер-офицеры приказали... (идет предмет приказа) ...и сей великого государя указ записать в книгу»[138].

Эта разница форм указывает на перемену в способе действования: при Кошелеве царю подавался голый следственный материал, просто

---

[133] Бумаги Петра Вел. Т. IV. С. 532–533; Там же. С. 12.
[134] Г. А. VII. № 2. Л 27.
[135] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 235.
[136] См. это письмо на с. 45.
[137] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 288–296.
[138] Там же. Л. 306–316.

«выписки» по следствию; теперь же, очевидно, выносилось коллегиальное решение, приговор — «сентенца», и уже этот приговор — результат коллегиального обсуждения — представлялся как бы на утверждение императору, в силу чего и становится постепенно обычной в канцелярии Матюшкина такая форма: «1720 октября в 5 день, по указу великого государя... и т. д. ...генерал майор и лейб-гвардии майор Михайло Афанасьевич Матюшкин с присутствующими лейб-гвардии обер-офицеры, слушав вышеписанной ведомости (или "выписку", или "доношения") приговорили...», идет самый приговор; в конце следуют подписи «присутствующих». И этот переход формы окончательно утвердился, когда старые присутствующие обер-офицеры — Языков и Иванов — были отстранены от дел по доношениям обер-фискала Нестерова; и «указал Его Величество вместо их быть другим лейб-гвардии обер-офицерам», и «вместо их быть в присутствии у тех дел капитану Александру Бредихину, капитану-лейтенанту князю Алексею Шеховскому, ундер-лейтенанту Алексею Захарину»[139]. Надо полагать, что по приговорам докладывалось Петру, и, видимо, до этого приговор в исполнение не приводился; это видно из следующего: «1721 г. марта 10 дня по приговору генерала лейтенанта Матюшкина с прочими присутствующими лейб-гвардии обер-офицеры велено взять на нем Федорове, только не взят, и в правеже оных денег Федоров не держался для того: прежде оного приговору по докладу бывших в оной канцелярии асессоров Иванова и Языкова на мемориях об оном Федорове подписано Его Императорского Величества собственною рукою: "учинить приговор к слушанию", и по оному учиненному приговору Его Величеству за неполучением времени не докладывано»[140]. Приговор не приведен в исполнение потому, что о нем по недостатку времени не было «докладывано» Петру. Впрочем, иногда Петр, прослушав доклад о деле, предоставлял его оканчивать самой канцелярии; в представленном ему реестре против некоторых следованием оконченных дел имеется помета царя: «вершить»[141]. Приговоры обычно ставились и «присутствующими обер-офицерами», причем иногда асессоры Иванов и Языков писали письма по делам канцелярии за своей только подписью, употребляя выражение «канцелярия ведения нашего»[142]. Тут как будто мелькает указание на существование, хотя и неполно проведенного, принципа коллегиальности в управлении канцелярией. Однако эта коллегиальность

[139] С. А. Кн. Имп. ук. № 27.
[140] Там же. Л. 487–497.
[141] Там же. Л. 488–498.
[142] Там же. Напр., л. 336–346.

проводилась несколько своеобразно; с одной стороны, как будто она отнюдь не всегда имелась налицо, и дела иногда могли решаться и единолично Матюшкиным. Макаров в письме от 20 августа 1720 года пишет Матюшкину по поводу одной челобитной: «и для того челобитную посылаю к вашему превосходительству, по которой извольте учинить решение; а ежели одни вы по тому делу решения учинить не можете, то извольте решение о том учинить обще с другими господами штапными офицерами»[143]. О деле по челобитью вдовы ген. м. Яковлева Макаров писал Матюшкину: «чтоб по делу ее, которое следуется в канцелярии вашего ведения, учинили решение ваше превосходительство только что касается до нее; а ежели вам того дела решить за чем не возможно, то указал Его Величество помянутое дело сообщить всем штапным господам от гвардии и решить оное обще с ними»[144]. С другой стороны, из этих же макаровских писем видно, что коллегиальность могла расширяться произвольно и неопределенно. К характеристике этого мы имеем следующий факт, отлично иллюстрирующий фразу Макарова: «ежели одни вы... решения учинить не можете, то извольте решение о том учинить обще с другими господами штабными офицерами». Генерал Сомов пишет к Матюшкину, что при наказании за дерзости гулящий человек Иван Иванов начал кричать: «Есть за мной государево слово и дело!» Потом, после пытки, он отказался от «слова и дела», но когда вторично приступили к наказанию его батогами, он опять кричал «слово и дело», после чего Сомов и отправляет его Матюшкину: «послал, — пишет он, — помянутого Ивана Иванова под караулом до вашего высокоблагогородия, и об оном как ваше высокородие соблаговолит». Дата бумаги — 27 декабря 1722 года. «1722 года декабря 27-го дня в канцелярию генеральных дел господина генерала и лейб-гвардии майора Матюшкина против вышеписанного известного письма генерала гевалдшера Сомова приводный крестьянин Иван Иванов допрашиван по пунктам». Далее приводится этот допрос, а после него идет следующее: «Декабря в 31 день вышеозначенной Бранной слободы тяглец Иван Иванов расспрошан в застенке и пытан в том, что имеет ли он какое за собою государево слово и дело; а в расспросе до пытки сказал, что государева слова и дела никакого он не имеет; а сказал он то государево слово и дело, не стерпя побои»; после «переменных» слов на этом утвердился, и «дано ему 15 ударов». После этого идет приговор: сначала излагается все дело, как оно было, потом такой конец; «за вышеписанные его Ивановы продерзости

---

143 Г. А. IX. № 2. Карт. 3.

144 Там же.

учинить ему наказанье: бить кнутом нещадно, водя по рынкам, и по улицам, и по торгам для того, что он, Иван, как выше сего объявлено, сказал государево слово и дело трижды, а никакого не показал, дабы, видя оное наказанье, другим таких продерзостей чинить было неповадно; и учиня ему Ивану то наказанье, освободить его на волю. Петр Толстой. Михайла Матюшкин»[145].

Как мы видим, «решение» тут Матюшкин один учинить не мог, т. е. не осмелился, и постановил «обще» с другим «штапным офицером», по этим делам специалистом — Петром Толстым, т. е. как ему предписывалось в письме Макарова. Кроме того, нельзя не обратить внимания, что теперь, в 1722 году, канцелярия носит название канцелярии генеральных дел; не значит ли это, что компетенция канцелярии ведения Матюшкина к тому времени разрослась и всякие дела (на что указываете термин «генеральный») стали туда попадать? Однако компетенция Матюшкинской канцелярии все-таки в основе «розыскная». Мы видели, что она звалась «канцелярией розыскных дел»; весь реестр дел, с которыми она начала свою деятельность, перешедший к ней из Кошелевской канцелярии, сплошь состоит из розысков по «интересным делам», т. е. против 3-го пункта указа 1715 года; совершенно такого же характера было дело Соловьева с Курбатовым; того же типа были и дела «по фискальским доношениям», например дело военного комиссариата секретаря П. Скурилина по доношению фискала Михаила Косова. Кроме того, бывали и дела против первых двух пунктов указа 1715 года; на это ясно и определенно указывает дело, нами выше приводимое, приговор по которому вместе с Матюшкиным подписывает П. А. Толстой. Говоря короче, дела по преступлениям против пунктов указа 1715 года были предметом ведения Матюшкинской канцелярии, причем, безусловно, преобладали дела против третьего пункта этого указа.

Последние известия о канцелярии Матюшкина относятся к 1724 году. В реестре дел, поданном в этом году Петру от канцелярии, против группы дел «не исследованных и к окончанию не приведенных» стоить резолюция Петра: «отослать в те места, где которому делу быть прилично»[146]. На этом книга указов и кончается, что делает возможным предположение, что этим реестром ликвидировалась деятельность канцелярии. Если принять это предположение, то тогда можно ясно наметить хронологические пределы существования Матюшкинской канцелярии: с 1719 по 1724 год.

---

[145] Г. А. VII. № 29. Карт. 1 (№ 10).
[146] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 488–498.

6. В 1719 году Богдану Скорнякову-Писареву был дан указ Петра: «Ехать тебе в Астрахань и там против данных тебе доношений о преступлениях астраханского коменданта» и других начальствующих лиц в Астрахани розыскать... и которые в свидетелях и прочие, которых сей розыск касается, привези с собой за караулом к нам в Санкт-Петербург»[147]. Повинуясь этому указу, Скорняков-Писарев едет в Астрахань и производит там розыск, причем постоянно сносится письмами с Петром через Макарова, пересылая добытые им данные (с приложениями письма), а Макаров, в свою очередь, постоянно ему отписывает, что «Его Царское Величество указал», даже по мелким деталям розыска. Особенно интенсивно эта переписка идет в июле 1719 года[148]. В результате опись дел по этому розыску занимает объемистую книгу листов в 200, исписанных некрупным почерком[149].

Главное количество этих дел — всякие злоупотребления должностных лиц города Астрахани, но к ним примешиваются и другого рода дела: об изветах, об измене и о «чести Его Царского Величества». Таково дело по изветам солдата Костромитинова, начатое следованием у Скорнякова-Писарева. Оно, дошедшее до нас в целом виде, раскрывает, как именно Скорняков исполнял поручение императора.

«1719 году июня в 5 день в канцелярии розыскных дел лейб-гвардии перед господином капитаном Скорняковым-Писаревым» доносителю Костромитинову «дана очная ставка» с обвиняемым им Петром Кресниковым (самого начала дела не имеется, оно, вероятно, сгнило) Костромитинов многих, и между прочими Кресникова, обвинял в говорении слов об измене или «о чести Его Царского Величества». Дело велось обычным путем допросов, очных ставок и пыток; в одном месте дела читаем: «...после того как он, Кирило Костромитинов, выздоровел, привожен в канцелярию господина капитана Скорнякова-Писарева, а при том были бригадиры Карлус Эваницкий, полковник Данило Титов, поручики Михайло Травин, Александр Кожин, и перед ними допрошен; дело это было «в Астрахани», как об этом точно говорится в приговоре о Костромитинове при изложении его допросов; то же подтверждает один из напрасно оговоренных Костромитиновым в своей челобитной: «в бытность, пишет он от гвардии капитана... Богдана Скорнякова-Писарева в Астрахани взвел на меня поклепов напрасно... беглый драгун Кирило Костромитов»;

147 Г. А. К. П. Кн. Имп. ук. за 1719 г. Л. 5–6.
148 Г. А. IX. № 2. Карт. 2.
149 Г. А. VII. № 9 (вложена внутри).

в реестре же «астраханских дел», под № 1 занесено именно это дело по изветам Василия Костромитинова[150]. Из всего вышеизложенного нетрудно заключить, что поручение царя Скорняков выполнял при посредстве «канцелярии от гвардии капитана Скорнякова-Писарева»; что эта канцелярия именовалась и «канцелярией розыскных дел»; что ведала она розыск, в который входили дела «интересные», и отчасти, во-вторых, дела «против первых двух пунктов»; что в этой канцелярии были «присутствующие обер- и штаб-офицеры». Так, видимо, было в Астрахани; интересна дальнейшая ее судьба. Как мы заметили, реестр с делами ее попал в дела Тайной канцелярии, и вершение дел, по крайней мере очень многих, происходило с дальнейшим их следованием уже в Тайной канцелярии, где они стали помещаться под рубрику «астраханские дела». По делу Костромитинова один указ гласит так: «1721 марта в 9 день Великий Государь... будучи в канцелярии тайных розыскных дел, указал... Костромитинова... розыскивать... за то, что он... в канцелярии перед бригадиром Эваницким и полковником Титовым и перед другими офицерами говорил, что... поклепал напрасно, а в Петербурхе с розысков утверждается». Таким образом, выходит, что канцелярия розыскных дел Богдана Скорнякова-Писарева, выросшая из личного поручения Петра Скорнякову-Писареву, просуществовав в Астрахани, по приезде Скорнякова в Петербург, уничтожаясь, поглощается Тайных розыскных дел канцелярией. Так до нас доходят следы существования еще одной канцелярии «ведения», и тут мы ясно видим, что причиной ее образования служило розыскное дело, порученное Петром одному из «от гвардии офицеров».

7. В заключение я позволю себе остановиться на одном небольшом известии, однако интересном для нас. В делах Тайной канцелярии сохранилась следующая «опись»: «опись делу комиссара Василия Филиппова, которое из канцелярии тайных розыскных дел отдано в канцелярию ведомства полковника и от лейб-гвардии бонбардир капитана-поручика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева дьяку Осипу Метлину». В этой описи под номером 4 значится: «...великого государя указ: 17 дня 719 года за подписанием тайного действительного советника и кавалера Петра Андреевича Толстого, бригадира и от лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова, по которому велено те подлинные его Филиппова доношения и допрос из Канцелярии тайных розыскных дел для исследования отдать к подлинным о том делам в канцелярию ведомства полковника и от лейб-гвардии бонбардир

[150] Г. А. VII. № 9.

капитана поручика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева дьяку Осипу Метлину с роспискою»[151]. Таким образом, перед нами еще одна розыскная канцелярия — ведомства Г. Г. Скорнякова-Писарева; к сожалению, о ней мы имеем только это одно незначительное известие, из которого, впрочем, видно, что в канцелярии ведомства Скорнякова-Писарева был дьяк Осип Метлин.

8. Также одно только известие, один только намек имеем мы о канцелярии кн. Шаховского. В марте 1723 года Макаров получает от кн. Алексея Шаховского письмо, в котором тот пишет: «...в канцелярию ведения нашего писано, дабы прислать на Генеральный Двор из канцелярии нашего ведения ведомость о наличных деньгах»[152]. Из этого известия можно только сделать вывод, что в 1723 году существовала канцелярия ведения кн. Алексея Шаховского.

Вот сведения, которые нам удалось найти по истории ряда отдельных канцелярий, ведавшихся различными офицерами, как будто стоявших вне связи с указами 1717 года. Едва ли можно отрицать некоторую общность всех этих установлений между собой — как связанных указами 1717 года, так и стоящих от них особняком. Хотя канцелярии и создавались по отдельным поводам и случаям, однако в роде их деятельности, в способах их деятельности, в их компетенции и управлении оказывается много общих черт, роднящих их друг с другом. Если эти установления не были юридически и практически тождественны между собой, не будучи явлениями единого законодательного замысла, то, выросши в один исторический момент, под влиянием одинаковых исторических условий, в стремлении к достижению однородных насущно нужных результатов, фактически они являются очень близкими друг другу, что чувствовал и сам Петр, во-первых, часть их объединив до известной степени в начале этого очерка приведенными указами 1717 года, а во-вторых, еще раз их объединяя в следующем указе 1723 года:

«Указ (таков своеручный отдан по указу в Вышний суд). Все дела, которые по канцеляриям майорским, разослать куда которое пристойно, а именно: ежели есть важные — в Сенат, доимочные — в Ревизион-контору, и прочее; как выше писано, сие учинить в будущем генваре 1724 г. Петр»[153]. В дополнение приводим еще следующий указ за собственноручной подписью Петра: «1724 г. генваря в 22 день Его Императорское Величество, будучи в Суде, указал: из

[151] Г. А. VII. № 39.
[152] Г. А. К. П. Кн. 64. Л. 931–932.
[153] Г. А. К. П. Кн. Имп. ук. 1723 г. Л. 8 об.

майорских канцелярий все дела отослать в Сенат и в коллегии, где которому быть пристойно; а по которым из оных дел надлежит на ком взять какие денежные штрафы или доимку, в сенатскую Ревизион-контору отдавать с учиненными ведомостями: и в том брать от судей реверсы по прежнему указу»[154]. Так в 1724 году Петр стремится уничтожить майорские канцелярии ввиду того, что теперь имеются учреждения, куда уже можно «пристойно» разместить все дела. Что это за «майорские канцелярии»? Думается, возможно предполагать их тождество с нашими канцеляриями «ведения», так как никаких других учреждений под именем майорских канцелярий мы не знаем в царствование Петра, а между тем, как мы видели, в большинстве канцелярий «ведения» имели во главе именно майоров, причем круг ведомства этих нами рассмотренных канцелярий точно обнимается намеченными «важными» и «доимочными» делами указа 1723 года. Таким образом, или мы должны предполагать существование двух отдельных родов канцелярий, занимавшихся одним и тем же делом и имевших майоров во главе, как те, так и другие, причем о существовании одних из них нет никаких следов; или же предположить, что в этих указах Петр имеет в виду те именно учреждения, которые мы рассматривали. Мы решительно склоняемся к отождествлению майорских канцелярий указов 1723 и 1724 годов с канцеляриями «ведения» от гвардии офицеров, только что нами рассмотренными. Если наше предположение верно, то из рассмотрения этих указов видно, что Петр сам уже объединял, считая однородными учреждениями, все розыскные майорские канцелярии «ведения» различных от гвардии офицеров; а это еще усугубляет наше право рассмотреть их совокупно, выяснить и определить их общие черты и формы.

III

Итак, в первой половине десятых годов XVIII столетия случались иногда дела, по которым надо было «розыскивать», которые близко интересовали самого Петра. Для этих розысков Петр выбирал надежных людей из среды его окружавших офицеров и, давая им большие полномочия, посылал их в качестве следователей, причем сам постоянно и пристально наблюдал за следствием, получая самые точные доношения и распоряжаясь часто даже мелочами розыска. При этом обычно давался указ этим следователям набирать себе нужный штат приказных людей, а также давались «асессоры» — помощники, тоже из среды «гвардии офицеров». Так возникали учреждения — канцелярии

[154] С. А. Кн. Имп. Ук. № 28. Л. 54.

розыскных дел ведения такого-то офицера. Этим путем в 1713–1715 годах возникли канцелярии кн. Волконского, Ушакова, Дмитриева-Мамонова, Кошелева. Если сравнить между собой те указы, которыми Петр клал основание этих лиц, нетрудно видеть чуть ли не полное тождество даже их формы (ср. указы Дмитриеву-Мамонову, Кошелеву, Волконскому, приведенные выше).

Образовавшиеся таким путем канцелярии прежде всего состояли под ближайшим наблюдением, руководством царя; разыскивая порученное дело, сама такая канцелярия обычно стояла в тени; все шло как бы от ее главы, от того офицера, которому указом был вручен розыск, но его компетенция была очень своеобразна, так как он был скорее в положении исполнителя и докладчика о результатах выполнения данного приказа; а этот приказ, т. е. вся инициатива и направление дела, зависели от непосредственных указов императора, которые обычно записывались в особую книгу за подписью главы канцелярии или его помощников-асессоров; низший персонал канцелярии уже совершенно обращался в механических исполнителей. Компетенция канцелярий в общем заключалась в розысках по преступлениям против «пунктов» указа 1715 года, хотя основным стимулом их действования было только поручение, и потому как исключение, но бывали случаи, когда им поручались дела и не розыскные (вспомним канцелярию кн. Долгорукова). Так в грубых общих чертах наметились основные формы канцелярий ведения, три их составные части: глава канцелярии, асессоры и штат приказных людей. Однако дело канцелярий постепенно разрасталось, а число их становилось все больше; уже Кошелев жалуется, как мы видели, на обремененность свою делами, насчитывая этих дел более ста. Естественно, что непосредственность и прямота отношений канцелярии — вернее, стоящих во главе офицеров — к императору становилась все менее и менее удобна; уже тот же Кошелев просит об образовании при нем коллегии, которая бы ставила приговоры и помогала ему в направлении следования. Петр ему отказывает и принимает на себя «слушание» следственного материала, докладных выписок по важнейшему делу Кошелевской канцелярии. Вероятно, все-таки сила обстоятельств делала свое дело и понемногу изменяла тот первоначальный характер канцелярии, который мы только что стремились грубо очертить.

Если сначала главы канцелярий, например, Волконский, Кошелев, вели деятельные сношения с самим императором именными письмами по всяким мелочам и получали от Петра нередко на все эти свои запросы собственноручные, подробные часто письма, то уже в

последующий период эти отношения изменяются: во-первых, далеко нет той интенсивности в переписке (стоить только сравнить Волконского с Матюшкиным и другими); во-вторых, эта переписка ведется уже больше через посредство Макарова, который передает, «докладывает» письма Петру, и уже отвечает не царь, а Макаров, передавая указы Петра начальнику канцелярии; и уже эти указы более общи, не так детальны; причем в большинстве уж не письма, как было у Волконского, а докладные выписки поступали к царю через Макарова, т. е. уже результаты известной довольно сложной работы более канцелярии, чем только ее начальника. Так изменяется отношение канцелярий к царю. Если ранее, до конца 1718 года, Петр все решал лично и потому не видел необходимости ни в каких нормах, долженствовавших гарантировать правильность действий канцелярий, то позднее, когда силой обстоятельств он стал дальше от канцелярий и личное его вмешательство в дело канцелярий было значительно слабее и уже потому не являлось достаточной гарантией правильности их действия, он принужден был подумать о подыскании других гарантий, заменив свою личную волю какой-либо объективной нормой. Это Петр и сделал в указе от 8 декабря 1718 года. Но недостаточно было указать нормы, надо было гарантировать правильность и неуклонность их приложения, ради чего Петр обратился к любимой им коллегиальности. Так, с 8 декабря 1718 года — даты юридической — начинается второй период в истории розыскных майорских канцелярий: в сфере чистого личного поручения монарха начинают вырисовываться некоторые объективные нормы деятельности учреждений поручения в сфере руководящих принципов и способа их действования.

Вот полностью этот указ 8 декабря; он помещен в указной книге Матюшкинской канцелярии, поэтому едва ли могут быть сомнения, что он касается именно майорских розыскных канцелярий. «Копия с именного Царского Величества указу, писанного Его Величества собственною рукою: все дела, которые были до указу 1714 года декабря по 24 число, вершить господам офицерам и помечать оные всем вместе; а судить оные и наказывать по Уложению. Петр. В 8 декабря 1718»[155].

Итак, в конечном своем образовании розыскные майорские канцелярии состояли как бы из трех частей. Во главе канцелярии обычно

---

[155] С. А. Кн. Имп. ук. № 27. Л. 106 и др. Надо полагать, что здесь имеется в виду указ от 12 марта 1714 г. (П. С. З. № 2828) о решении дел в судебных местах по Уложению, а не по особым сепаратным указам.

стояло одно лицо, от гвардии офицер (в большинстве случаев — майор); его именем обычно называлась канцелярия; ему вручались дела императором; он докладывал решения по канцелярии; он получал от Петра приказы и инструкции; ему вверялась довольно большая, хотя совершенно неопределенная, дискреционная отчасти власть в делах канцелярии, однако, будучи под наблюдением самого царя, с большой осторожностью должен был он определять размеры своей компетенции; часто совершенные пустяки идут за разрешением к императору, а иногда сравнительно важное решается самим начальником канцелярии единолично, вероятно, в зависимости от разных, в каждом отдельном случае особенных, обстоятельств. Чин и звание, видимо, роли не играли в выборе начальника канцелярии; просто выбирался подходящий человек из лиц, окружавших Петра в данный момент.

Коллегия «асессоров» или вообще «присутствующих» офицеров является второй составной частью розыскных майорских канцелярий. Можно предполагать, что в начале, в первый период, асессоры были исключительно только помощниками «следователя», начальника канцелярии; так их в своем мемориале называете Кошелев; такое именно им значение как будто придается в указах Петра Волконскому и Дмитриеву-Мамонову. Но во второй период значение их возрастает; они начинают самостоятельно докладывать царю (Языков и Иванов); к ним иногда обращаются с указами; они называют канцелярию, где состоят асессорами, «канцелярией нашего ведения» (канцелярия князя Голицына); указ 1718 года, нами выше приводимый, окончательно оформляет и укрепляет их это значение. Однако кроме этих, как бы постоянных, асессоров иногда «присутствовали» в канцелярии и решали дела другие «обер- и штап-офицеры» от гвардии. Это мы видим, во-первых, из письма Ушакова, нами приводимого, к кн. Голицыну, из которого ясно, что Ушаков иногда присутствовал и решал дела в канцелярии Дмитриева-Мамонова; во-вторых, мы видели, что в деле Матюшкинской канцелярии под приговором стоит подпись П. А. Толстого, тоже присутствовавшего при разборе данного дела в канцелярии Матюшкина, и, наконец, то же явствует, из приведенных нами «приговоров» по канцелярии князя Юсупова. Таким образом, можно, кажется, различать в известной степени два рода присутствующих офицеров: одни были постоянными сотрудниками в делах канцелярии, ее асессорами, целиком с ней связанными, выросшими, так сказать, из простых помощников главы канцелярии; другие же присутствующие были обычно равными по положению (а иногда и

выше: Матюшкин и Толстой) начальникам канцелярии и, видимо, приглашались неопределенно, для какого-либо конкретного дела. Трудно сказать, по какому принципу ставились решения и выносились приговоры этой коллегией «присутствующих». Можно далее думать, что это было совершенно не установлено, но во всяком составе коллегия могла ставить приговоры, причем подписавшие и являлись всецело ответственными за данный приговор; по крайней мере, под разными приговорами встречается очень разное количество подписей: от одной до полного комплекта.

Были ли приговоры и решения канцелярий окончательны или нет? К сожалению, ответить на этот вопрос точно нельзя по недостатку данных; во всяком случае, очень многие приговоры подвергались просмотру и утверждению Петра путем докладных выписок, личного доклада, или во время личного присутствия Петра в канцелярии.

Третьей составной частью канцелярий являлись дьяки и подьячие — словом все ее приказные люди. Едва ли можно полагать, чтобы в канцеляриях были какие-либо определенные штаты. Мы видели, как набирались приказные люди: их просто брали из разных мест (указы Ушакову, Дмитриеву-Мамонову), сколько надобно было в данный момент — вот, вероятно, стимул, лежащий в основании штатов майорских канцелярий. Нам удалось найти известия о штатах приказных людей почти всех канцелярий. В канцелярии Волкова приказные делились на две части: «из разных канцелярий и из губерний» набранные, во-первых, и подьячие, «которые взяты из губерний, а были в Санкт-Петербурге при делах на время», во-вторых; таким образом подьячих брали даже при делах, которые бывали в розыске, и брали на время. Волковская канцелярия около 1720 года состояла в общей сложности из одного дьяка, шести подьячих старых, четырех подьячих средней статьи и двух подьячих молодых; всего было тридцать приказных людей[156]. В 1719 году канцелярия Кошелева состояла из одного дьяка, трех старых подьячих, семи средней статьи и трех молодых, да кроме того были там два средней статьи и два молодых подьячих взятых из Санкт-Петербургской губернской канцелярии и из Старой Руссы; словом, весь штат приказных Кошелевской канцелярии достигал пятнадцати человек[157]. Штат канцелярий Кошелева и Волкова — 12–15 человек — можно принять за более или менее нормальный для майорских канцелярий. Таковы были майорские розыскные канцелярии в их внутреннем составе.

[156] Г. А. К. П. Кн. 45. Л. 250–255.
[157] С. А. Кн. Имп. ук. № 27.

Вопрос о сфере деятельности, о предметах ведения этих канцелярий точно решается формулой: исполнение даваемых поручений; но вид, род поручений, ради которых они собственно создавались, отводил им более или менее определенный район действования — розыски по преступлениям против пунктов (главным образом третьего) указа 1715 года. Однако на примерах канцелярий Ушакова и Дмитриева-Мамонова мы видели, как кое-где и не совсем твердо, но определенно стало появляться стремление к ограниченно и уяснению, более точному, некоторыми канцеляриями сферы их деятельности. Так появляется у майоров розыскных канцелярий тенденция перехода к прочным учреждениям от чисто личных канцелярий по поручениям.

Если дела против третьего пункта оказалось возможным с утратой их остроты передать в Ревизион-контору и в другие действительные учреждения, начавшие образовываться к тому времени, то дела против первых двух пунктов, не только не утратившие своей остроты, а наоборот — с 1718 года, с дела царевича Алексея — принявшие еще большую важность, некуда было передавать, так как, во-первых, при способе канцелярии «ведения» Петру было удобнее всего держать столь важные и даже личные дела под непосредственным своим надзором; а во-вторых, и не было оснований создавать какое-либо прочное, постоянное учреждение еще потому, что в сознании Петра все эти дела, хотя и важные, представлялись временными: они должны были скоро исчезнуть; для разных же мелких «государевых дел» существовал уже Преображенский приказ; мы впоследствии убедимся совершенно ясно в существовании такого представления у Петра. И потому, когда другие канцелярии «ведения», постепенно прекращая свое существование, исчезли с горизонта, канцелярия П. А. Толстого оставалась в прежнем виде, приняла название Тайных розыскных дел канцелярии и постепенно переходила в настоящее учреждение, формально сохраняя свой временный характер до своего первого, формального уничтожения в 1726 году. Установлением и выяснением этого процесса мы и займемся в следующей главе.

Глава третья
Происхождение Тайной канцелярии

Тайная канцелярия, или Канцелярия тайных розыскных дел, стала известна с 1718 года, т. е. уже во второй половине царствования Петра Великого. С тех пор это учреждение с небольшим перерывом просуществовало до 1762 года, а потом, переименованное в Тайную экспедицию при Сенате, функционировало вплоть до начала XIX столетия. В период, когда Тайная канцелярия, в середине XVIII века, окончательно установилась в предметах своего ведения и способах действования, едва ли можно сомневаться в том, что то было учреждение, имевшее специальным своим назначением преследование так называемых государственных преступлений. Если идеи более или менее сформировавшиеся, о государственных преступлениях можно найти из законодательных актов впервые в Уложении царя Алексея Михайловича, если специальная подсудность и разбор такого рода дел очень слабо, но намечались уже там, если при Петре Великом, с 1702 года Преображенский приказ отчасти, как бы на одну треть своей деятельности принял характер специального учреждения по государственным преступлениям, то первым установлением, всецело посвященным такого рода делам, является Тайных розыскных дел канцелярия. Замечательно, что, вопреки решительным попыткам Петра I, потом Екатерины I по уничтожению этого учреждения, оно, принимая иные формы, не только не исчезало, но, наоборот, окончательно укреплялось и приобрело большое, хотя и несколько своеобразное, значение в государственном механизме России XVIII столетия. Последняя решительная попытка Петра III уничтожить это учреждение тоже не удалась, и Тайная канцелярия возродилась под именем Тайной экспедиции при Сенате.

Таким образом, Тайная Канцелярия не может быть рассматриваема как случайное, малозначительное учреждение Петровского времени. Однако литературы по ее истории, можно сказать, не существует, почему является неудивительным, что по вопросу о происхождении ее мы не находим более или менее точных данных, кроме нескольких случайно брошенных замечаний в статьях и сочинениях, прямой темой которых служат совсем иные вопросы русской истории. Три историка в кратких замечаниях высказывают предположения о происхождении петровской Тайной канцелярии. По времени более раннее из них принадлежит П. Иванову в его «Описании Государственного архива старых дел», коего цензурная помета относится

к 1848 году. Вот как представляется Иванову происхождение Тайной канцелярии: «тайная канцелярия учреждена была Императором Петром I по причине случившихся в 1718 году чрезвычайных розыскных дел, которые и состояли, как полагать должно, частью в заведовании князя Ромодановского, а частью — гр. Толстого. Впоследствии именным высочайшим указом 1726 года, мая 28, данным на имя д. т. с. гр. Толстого, велено быть этой канцелярии в одном заведовании т. с. кн. Ромодановского, к коему указано отсылать доставляемых арестантов в приказ Преображенский[158].

Таким образом, по мнению Иванова, случились какие-то чрезвычайные розыскные дела, по причине которых и создалось учреждение Тайная канцелярия под главенством Ромодановского и Толстого; причем в 1726 году канцелярия оказывается в одном заведовании только Ромодановского. Здесь есть неточности: во-первых, никогда, никакого отношения до 1726 года. Ромодановские к Тайной канцелярии — ни отец, ни сын — не имели, и ни о каком заведовании их Тайной канцелярией не может быть и речи. Во-вторых, акт «учреждения» этой канцелярии доселе не известен; в-третьих, происхождение «по причине чрезвычайных розыскных дел» намечает связь происхождения Тайной канцелярии с этими делами, но и только; а отнюдь не объясняет, не выводит оттуда этого происхождения. Так замечание Иванова, греша крупными неточностями, мало дает положительного.

С. Петровский в своем исследовании «О Сенате в царствование Петра Великого», вышедшем в 1876 году, бросает мысль, что Тайная канцелярия получила «свое существование с известного дела царевича Алексея Петровича», и неизвестно, когда уничтожена[159]. Эта мысль о связи Тайной канцелярии в момент ее учреждения с делом царевича Алексея высказывалась в последнее время Н. П. Павловым-Сильванским в его статье о П. А. Толстом, где он считает Тайную канцелярию «учрежденной первоначально для розыска по делу Алексея Петровича и затем сохраненной в качестве постоянного учреждения»[160]. После мы увидим, что эта мысль о тесной связи между делом царевича и возникновением Тайной канцелярии правильно указывает на один из основных моментов в вопросе о происхождении канцелярии.

Должны сознаться, что нам не удалось ничего более отыскать в ученой литературе по этому вопросу. С такими скудными литературными указаниями мы приступили к архивному материалу,

---

[158] Иванов. Описание Гос. Архива Старых Дел. М., 1850. С. 91.
[159] Опис. док. и бум. Моск. Арх. Юст. Т. III. С. 253–254.
[160] Рус. Биограф. Словарь. См. «Толстой, гр. Петр Андреевич». С. 12.

стремясь в нем найти данные к решению нашего вопроса о происхождении Тайной канцелярии.

31 января 1718 года, после почти полугодового пребывания за границей, возвратился в Москву П. А. Толстой, а с ним царевич Алексей. Поручение Петра было выполнено блестяще: царевич привезен в Россию. Сейчас же начался «розыск» при ближайшем участии и под непосредственным руководством самого царя. Уже 4 февраля Петром были предложены Алексею «пункты», написанные рукой П. А. Толстого. Из просмотра дел этого московского (первого) розыска сразу видно, что вся по нему переписка направлялась по адресу Петра Андреевича Толстого; никаких других адресатов не встречается; причем, видимо, только один Толстой сносился непосредственно с Петром по делам царевичева розыска; а все это указывает, что весь розыск был — главным образом, по крайней мере, — в руках именно Петра Андреевича.

Внимательное рассмотрение дел этого розыска укажет еще, что ближайшим помощником в ведении собственно делопроизводства был у Толстого дьяк Тимофей Палехин: большая часть дел была за скрепой этого дьяка; можно, впрочем, еще заметить одно лицо, тоже причастное к розыску. В декабре 1717 года Макаров писал в Москву Андрею Ивановичу Ушакову: «Царское Величество указал к нам отписать, чтобы хоромы Его Величества в Преображенском велели вы немедленно починить, дабы к пришествию Его Величества были совсем готовы»[161]. Таким образом, уже перед приездом Петра в Москву там был А. И. Ушаков, имевший в Преображенском, видимо, некоторую власть, потому там и распоряжавшийся; а, как известно, московский розыск шел именно в Преображенском. С другой стороны, дьяк Палехин был взят из канцелярии рекрутских дел[162], бывшей целиком в ведении Ушакова, как и еще многие приказные к тайным делам были взяты оттуда же[163]; указ поручику Потеневу, везшему дела розыска в Петербург, от 20 марта 1718 года был дан за рукою А. И. Ушакова[164]; в то же время Ушаков пишет обер-коменданту Бахметеву о присылке солдат для сопровождения дел по розыску царевичеву, пересылаемых из Москвы в Петербург[165]. Из этого видно, что Ушаков тоже принимал, и близкое, вероятно, участие в розыске.

[161] Г. А. IX. № 2. Карт. 1. Л. 328.
[162] Г. А. VI. № 34.
[163] Там же.
[164] Г. А. VI. № 31. Л. 1.
[165] Там же. Л. 79 об.

Таким образом, главным лицом при розыске в Москве являлся Толстой, второстепенным — Ушаков. Приговоры этого розыска имеют несколько неопределенную форму, например: «1718 году марта в 14 день по указу Великого Государя министры, слушав сея выписки, приговорили...», и затем идет самый приговор; эта форма стереотипно повторяется в приговорах по московскому розыску. Название «министры», в то время; видимо, новое на Руси, ничего определенного не обозначало, да и по подписям можно установить, что состав этих министров, хотя и однородный, был, однако, не всегда одинаков: или кого-нибудь нет, или подписался кто-нибудь лишний; никаких намеков на учреждение найти нам не удалось. Итак, во главе розыска стоял Петр Толстой, ему помогал Андрей Иванович Ушаков; ставили же приговоры «министры», довольно неопределенный контингент людей, близких Петру.

3 февраля 1718 года из Преображенского был дан следующий указ Петра капитану-поручику Г. Г. Скорнякову-Писареву: «Указ бомбардирской роты капитан-поручику Писареву, ехать тебе в Суздаль и там в кельях бывшей жены моей и ее фаворитов осмотреть письма, нежели найдутся подозрительные, по тем письмам, у кого их вынул, взять за арест и привести с собою купно с письмами, оставя караул у ворот. Петр. В Преображенском в 9 день февраля 1718 г.»[166]

Этот указ весь собственноручно писан Петром. Заметим, что такого рода указ не является в практике Петра исключительным, наоборот, надо думать, что форма его была обычна в делах по розыскам; в 1719 году был, например, дан указ Богдану-Скорнякову по простому розыскному делу, а между тем он совершенно тождествен по форме с выше нами приведенными «Ехать тебе в Астрахань и там против данных тебе доношений о преступлениях астраханского коменданта» и других начальствующих... «розыскать», «и которые в свидетелях и прочие, которых сей розыск касается, привези с собой за караулом к нам в Санктпетербурх»[167]. Этот указ, как мы знаем, положил начало канцелярии «ведения» Б. Скорнякова-Писарева. 12 февраля 1718 года Петр писал тоже собственноручно следующее письмо Григорию Скорнякову-Писареву. «Мой господин! Письма твои получил, на которые ответствую: бывшую жену мою и кто при ней также и кто ее фавориты, и платье ее привези сюды, а перво разыщи, для чего она не пострижена, и кто тому причина, и какой был указ в монастырь, как ее Семен Языков привез, и кто в то время был, и, кто о сем ведает,

[166] Г. А. V. № 6. Л. 16.
[167] Г. А. К. П. Кн. Имп. ук. за 1719 г. Л. 5–6.

всех забери и привези с собою»[168]. Гр. Скорняков-Писарев точно выполнил поручение: преступники были доставлены в Москву, и присоединен был их «розыск» к общему делу о побеге царевича; а Петр жил тогда в Москве в Преображенском, сам, видимо, всем руководя.

Итак, к Толстому и Ушакову прибавился еще один «следователь» по тому же почти делу: капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. В конце московского розыска, значит, во главе следствия стоял непосредственно Петр, фактически руководил П. А. Толстой с помощью А. И. Ушакова, при близком участии Г. Г. Скорнякова-Писарева, ведавшего ближайшим образом собственно «суздальский» розыск; но этот розыск был частью целого. Приговоры ставила неопределенного состава коллегия «министров». Заметим, что ни Толстой, ни Ушаков, ни Скорняков-Писарев в состав этих «министров» не входили.

Мы не знаем, каким образом именно Толстой стал во главе розыска; до нас не дошло никакого указа, в котором бы поручалось П. А. Толстому вести московский розыск. Но надо заметить, что указ Скорнякову-Писареву дошел до нас совершенно случайно: он находится в книжке, переплетенный с другими указами Петра Писареву. Эта книжка была в руках Писарева, и уже только в XIX в., случайно сохранившаяся, была передана на хранение в Государственный архив. Никаких следов этого указа не сохранилось более нигде (по крайней мере, он нигде не попадается); не сохранись случайно эта книжка, мы совершенно не знали бы, каким образом Скорняков-Писарев попал в Суздальский розыск. Есть, значит, основание допускать такую возможность по отношению и к Толстому: хранимые Толстым собственноручные указы Петра, видимо, пропали бесследно, и мы сейчас не можем точно восстановить, как розыск по делу царевича перешел в руки П. А. Толстого.

Возвращаясь к указу, данному Скорнякову-Писареву, нельзя не отметить то сходство даже формы, которое есть в этом указе, хотя бы с выше приводимым нами указом Богдану Скорнякову-Писареву по простому розыскному делу или с указом, нами ранее приведенным, данным Ив. Дмитриеву-Мамонову тоже по простому розыску. Таким образом, собственно «следование» по царевичеву делу имеет вид нам знакомого поручения доверенному лицу произвести «розыск», но только розыск важный. Мы видели, как при исполнении даже и не таких важных розысков при доверенных лицах обычно бывали

---

[168] Г. А. V. № 6. Л. 17–18.

канцелярии их ведения. Вспомним канцелярии Волкова, Ушакова, Бог. Скорнякова-Писарева. Вспомним, как составлялся штат этих канцелярий «ведения»: именно из дьяков и подьячих, набираемых как бы на время из разных мест. О царевичевом розыске до нас дошло и в этом совершенно параллельное известие: «в прошлом 1718 году в феврале месяце взяты в Москве в Преображенское на генеральный двор к тайным розыскным делам из канцелярии рекрутных дел с потешного двора дьяк Тимофей Палехин, из посольского приказу старый подьячий Иван Клишин, из Сенатской канцелярии молодой подьячий Иван Григорьев, да для письма из канцелярии ж рекрутных дел молодые подьячие: Григорий Павлов, Тимофей Силин, Иван Остафьев; и из Москвы они при тех делах взяты в Санктпетербурх и были при оных по окончании тех дел»[169].

18 марта 1718 года Петр выехал в Петербург; следом за ним были пересланы все дела по розыску царевича. 20 марта был дан указ пор. Потеневу о перевозке всех дел из Преображенского в Петербург[170], а с делами поехали в Петербург и все к тайным делам взятые в Москве подьячие[171], с Палехиным во главе[172]; и, значит, в середине 20-х чисел марта все было уже в Петербурге; а тут везшему дела поручику было велено по приезде «объявить их (т. е. дела) генералу Ивану Ивановичу Бутурлину» и кому он их «принять прикажет»[173]. Таким образом, в Петербурге прибавляется еще один доверенный человек Петра; и с этого времени в розыскном царевичевом деле следствием заведуют четверо: П. А. Толстой, И. И. Бутурлин, А. И. Ушаков и Г. Г. Скорняков-Писарев; но во главе все-таки стоит, видимо, Толстой: 26 мая Петр посылает к царевичу Толстого и Бутурлина, а 22 июня одному Толстому Петр письмом велит съездить допросить царевича по пунктам, составленным собственноручно Петром[174]. И опять вся важнейшая переписка по розыску идет на имя П. А. Толстого; Бутурлин остается как-то в тени.

Мы видели, что нет указаний на прямое установление в Москве при розыске какого-либо учреждения по делу царевича Алексея, не то стало в Петербурге. Мы приводили стереотипную форму, в которую выливались все приговоры по московскому розыску; в петербургском розыске мы видим такую же стереотипную форму приговора, но суще-

[169] Г. А. VI. № 34.
[170] Там же. № 31. Л. 1.
[171] Там же. № 34.
[172] Там же. № 77.
[173] Там же. № 31. Л. 1.
[174] Устрялов. История Петра. Т. VI. С. 257, 273.

ственно уже отличную от московской: «1718 году ноября в 19 день по указу великого государя Правительствующий Сенат, будучи в Санкт-Петербурхе в Канцелярии Тайных Розыскных Дел, слушав вышеписанные выписки... приговорили»[175]. А в записной книге Санкт-Петербургской крепости встречаются записи 1718 года такого рода: «в 5-е июня съехались в гарнизон пополуночи в 10 часу в Губернаторский дом, где учреждена Канцелярия Его Государственных Тайных Дел, господа сенаторы и министры»[176]. Таким образом, тайное розыскное дело ныне, при петербургском розыске, уже ведалось в определенном учреждении, в Канцелярии тайных розыскных дел; а Сенат, там заседая, по «выпискам» ставил приговоры.

Итак, в Петербурге царевичев розыск с делами и подьячими попал в учреждение «Канцелярия Тайных Розыскных Дел». Есть заметка в одной указной книге Тайной канцелярии о «министрах Тайной канцелярии», «за руками» которых, как гласит эта заметка, идет в книге ряд дальнейших указов. При просмотре этих указов нетрудно установить, что «министрами» Тайной канцелярии являлись: Толстой, Бутурлин, Ушаков и Г. Скорняков-Писарев, т. е. in pleno и исключительно «следователи» по царевичеву розыску. Просмотр указанной книги за годы, ближайшие к 1718, кроме того, ясно свидетельствует, что почти исключительным занятием Тайной канцелярии был розыск по делу царевичеву, а также там находились и ведались далее дела по всему и прежде бывшему царевичеву розыску. Мы уже видели, что дела по московскому розыску были отправлены со всеми подьячими, при них бывшими, в Петербург; и там указную книгу уже Тайной канцелярии, как она именуется, скрепляет дьяк Тимофей Палехин, а старший подьячий Иван Клишин именуется уже канцеляристом Тайной канцелярии: Ушаков так его называет в письме своем к петербургскому генерал-полицеймейстеру по поводу отвода им («канцелярии тайных розыскных дел канцеляристы Иван Клишин и прочие») квартиры[177]. Таким образом, мы видим, что весь состав лиц, бывших при розыске в Москве по делу царевича, является в Петербург уже в виде учреждения, именуемого Канцелярией тайных розыскных дел.

Ввиду вышеприводимых фактов становятся возможными два предположения: или название Тайной канцелярии в 1718 году в Петербурге получило то учреждение, которое сформировалось главным образом

---

[175] Г. А. VI. Напр., № 47.

[176] Биб. Акад. Наук. Журн. С.-Пб. Креп. Л. 30 об.

[177] Г. А. VI. № 77.

в Москве около следователей по царевичеву розыску и преимущественно вокруг Толстого, или — второе возможное предположение — все дела по московскому розыску, следователи и приказные люди вошли в Петербурге в состав бывшего там уже учреждения — Тайной канцелярии, как бы совершенно собой заполнив это учреждение. Второе из этих предположений мы вынуждены откинуть, потому что мы точно знаем, что «канцелярия тайных дел начало свое возымела» с 1718 года, как об этом ясно сказано в одной «выписке» этой канцелярии, относящейся к 1723 году; и в той же самой выписке говорится, что Тайная канцелярия это свое начало возымела «в Москве»[178]. Следовательно, не может быть речи о существовании в Петербурге, и ранее 1718 года, какой-либо Тайной канцелярии, в состав которой, с сплошным как бы заполнением ее, вошли бы следователи и дьяки с подьячими, заведовавшие московским царевичевым розыском, а также и самые дела по розыску. Следовательно, ввиду приведенных данных силу факта принимает для нас первое предположение, а именно, что Тайной канцелярией с 1718 года — с момента приблизительно перенесения в Петербург дела царевича Алексея — стало называться учреждение, ведавшее это дело еще в Москве. Однако у нас, кажется, есть возможность пойти немного далее, глубже и подметить следы того учреждения, из которого начала вырастать Тайная канцелярия еще в Москве благодаря делу царевича Алексея.

При рассмотрении московского розыска нам не удалось подметить никакого названия того учреждения, которое вело розыск; однако при рассмотрении этого розыска мы уж пытались отметить признаки существования «поручения» розыска и его частей доверенному человеку по точному примеру тех «поручений», из которых вырастали майорские розыскные канцелярии «ведения», а теперь можно указать на вероятное существование канцелярии ведения П. А. Толстого, главы всего царевичева розыска. В записной книге Петербургской крепости за 1718 год мы имеем следующую запись: «ордер за подписанием его ж светлости о присылке к его превосходительству тайному советнику и кавалеру господину Толстому с канцелярию его ведения подполковника Белоутова для допросу во свидетельстве»[179]. Эта запись — под 28 апреля 1718 года. Потом, в ноябре уже 1718 года, Макаров писал Толстому: «понеже дела Василия

[178] Г. А. VII. № 150. Л. 153 последней пачки. Вот этот отрывок: «В канцелярии тайных дел выписано: в прошлом 1718 году по его императорского величества именному указу канцелярия тайных дел начало свое возымела с того году в Москве, а в ней окладных приходов...»

[179] Биб. Имп. Акад. Наук. Журн. С.-Пб. Креп. Л. 28.

Филиппова собраны все в канцелярии у вашего превосходительства, того для посылаю при сем вашему превосходительству его Вас. Филиппова письмо, которое он подал Его Царскому Величеству»[180]. Впрочем, эти известия допускают и иное вполне возможное толкование. Генерал-полицеймейстер Девиер в одной бумаге к П. А. Толстому пишет между прочим: «писали мы к вашей милости о матросе Иване Яковлеве, содержащемся в канцелярии ведомства нашего»[181], а между тем, очевидно, Девиер так называет канцелярию полицеймейстерских дел, т. е. учреждение, очень мало имеющее общего с известными нам майорскими розыскными канцеляриями «ведения»; тем более что и Тайную канцелярию однажды дьяк Тормасов в одном письме к Ушакову, в 1719 году, называет: «в канцелярии ведения вашего» (т. е. Ушакова)[182].

По этим примерам вполне возможно, что также и к Тайной канцелярии в нашем известии приложили такое наименование «ведения» Толстого, именно в этом смысле; а вовсе мы не имеем тут указания на существование специальной канцелярии ведения Толстого в чистом виде. Однако есть следующие данные, как будто указывающие на правильность скорее прямого понимания вышеприведенного известия.

В делах Тайной канцелярии сохранилось дело 1715 года, возникшее из жалобы Петру на злоупотребления Кудрявцева при отправке им корабельного леса, причем в жалобе — просьба Петру прислать для расследования «от лица своего» Петра Андреевича Толстого[183]. Кроме того, сохранилось в делах Тайной канцелярии подлинное челобитье купца Фельтена, который просил императора разрешить ему беспошлинно провезти рейнское вино для торговли им в Петербурге и под предлогом новости этого дела Фельтен просил привилегии. На прошении — собственноручная разрешительная надпись Петра, и она с копией прошения занесена в Указную книгу Тайной канцелярии[184]. Нельзя не заметить, что прошение Фельтена было подано в 1718 году, а указ Петра последовал по этому прошению 24 мая этого года. Еще обратим внимание, что указ Петра по челобитью Фельтена был «за рукою тайного советника Петра Андреевича Толстого»[185], т. е., значит, дело шло через Толстого. Наконец еще позднее, в августе 1718 года, Петр пишет Толстому следующее письмо, занесенное

[180] Г. А. IX. № 2. Карт. 1.
[181] Г. А. VII. № 29. Карт. 26.
[182] Там же. № 28.
[183] Там же. № 3.
[184] Там же. № 6 (первый указ).
[185] Там же. № 6.

в Указную книгу Тайной канцелярии: «мой господин, понеже явились в краже магазинов нижепоименованные, того ради, сыскав оных, возьми за караул; а именно майор Скулской...», и т. д. идет перечисление по именам. «На том же указе — прибавлено в указной книге — при запечатании подписано так: господину тайному советнику Толстому»[186].

Далее Тайной канцелярией следовалось с начала и до конца дело о «девке Марье Гамонтовой» (т. е. Марии Гамильтон), и следование это протекло в промежуток с 14 марта по 27 ноября 1718 года, т. е. оно началось даже до перевоза дела царевича в Петербург, значит, когда название «Тайная канцелярия» еще не существовало — с одной стороны, а с другой стороны, надо заметить, что дело это, как известно, совершенно никакого отношения к делу царевича не имело, и при всем этом также несомненно, что именно Тайная канцелярия его вела; это прямо следует из рассмотрения делопроизводства по этому процессу[187].

Таким образом, все эти дела, с одной стороны, прочно, видимо, входят в делопроизводство Тайной канцелярии, но, с другой стороны, являются ранее того, чем Тайная канцелярия собственно приняла свое название, как мы видели, в связи с петербургским розыском по царевичеву делу; а иногда эти дела совершенно чужды розыску, т. е. эти дела принадлежали некоторому учреждению совершенно родственному, но не тождественному по характеру Тайной канцелярии, с одной стороны, и ранее ее в основе ее существовавшему, с другой стороны. Это могла только быть канцелярия ведения П. А. Толстого, и вот почему: нетрудно заметить, что только что изложенные данные об этих делах, оказавшихся в Тайной канцелярии, ясно указывают, что, во-первых, объединяющим в них является единственно личность Толстого, к которому они попадали; во-вторых, путем исключительно личного поручения Толстому со стороны царя эти дела попадали в ведение Толстому; причем, в-третьих, эти поручения, являясь более или менее случайными, имели разнообразный характер. Все эти черты в их характерной совокупности мы встречаем только в одних учреждениях того времени: в майорских розыскных дел канцеляриях «ведения» того или иного от гвардии офицера. Вспомним, что, насколько ведомство этих учреждений было объединено единственно именем их ведавшего офицера, особенно рельефно проглядывает в канцелярии ведения кн. Долгорукова, где наблюдается большое разно-

[186] Г. А. VII. № 6. Ч. II. Л. 40 (№ 27).
[187] Г. А. VI. № 150.

образие дел. С другой стороны, стремление к выделению из такого разнообразия более определенного района ведомства с течением времени заметно, особенно в канцелярии ведения Дмитриева-Мамонова, что в Тайной канцелярии мы наблюдаем в быстром сравнительно переходе благодаря поручению ей такого важного всепоглощающего розыска, как царевичев. Столь же характерно и действование канцелярий «ведения» под давлением почти исключительно прямых указов царя. Не менее можно наблюдать на канцеляриях «ведения» образование их таким же путем, как в большой мере образовывалась, как мы видели, Тайная канцелярия: при поручении от гв.-офицеру какого-либо важного розыска — дела, у него для ведения розыска образовывалась канцелярия его «ведения»; так именно было в канцеляриях ведения Ушакова, Б. Скорнякова-Писарева, Ив. Дмитриева-Мамонова.

Так же было и в Тайной канцелярии. Мы уже частью видели это при ведении царевичева розыска в Москве, а теперь в делах канцелярии мы находим еще и следующую «справку»: «По именному Его Царского Величества указу велено действительному тайному советнику и от лейб-гвардии капитану Петру Андреевичу Толстому по розыскному делу... (подробное его изложение) ...наследовать немедленно и донесть о том его Величеству, для которого исследования велено быть дьяку Ивану Сибилеву да подьячим старым 2, молодым 6 человекам. И по тому Его Царского Величества указу во оную канцелярию к помянутым делам взяты: из городовой канцелярии... Кондратов, из поместного приказу отдел соляного правления... Остафьев, молодой М. Дорофеев и Кириллов из канцелярии... под ведомством кн. Долгорукова... да молодые же из канцелярии Сената — Шурлов, от комиссарства — Мастинский». Вслед за этой выпиской имеем такое определение Тайной канцелярии: «1719 года, марта в 14 день по указу... и т. д. ...Толстой... Бутурлин... Ушаков, слушав сея выписки, приказали: подьячим, которые взяты к делам в канцелярию тайных розыскных дел из разных канцелярий, за их приказный труд на сей 719 год Его Великого Государя жалование по окладам их... (идет перечисление, кому сколько) ...да за хлеб деньгами... (идет расчет, сколько) ...выдать в тех канцеляриях, кто откуда взят для того, что оные подьячие взяты в помянутую канцелярию на время»[188]. Заметим, кстати, что дьяк Сибилев занимался всякими, между прочим и тайными, делами в Тайной канцелярии, а отнюдь не только адмиралтейским, для которого был сначала взят. Многие же подьячие,

[188] Г. А. VII. № 8. Ч. IV.

тут упоминаемые, — Шурлов, Кондратов, Кириллов — остаются навсегда, переименовываясь в канцеляристов Тайной канцелярии, как мы это уже наблюдали на примере Ив. Клишина. Из приведенного ясно видно, что все приказные Тайной канцелярии, набираемые из разных мест, временно только брались для исполнения данного поручения; эта мысль все первое время не покидала управлявших Тайной канцелярией министров. Только уж впоследствии, как мы видели, как бы силой обстоятельств, дьяки, взятые на время, превращались в настоящих постоянных приказных Тайной канцелярии, да и то не совсем. В июне 1718 года А. И. Ушаков пишет «доношение» «превосходительным и высокорожденным господам тайному советнику Петру Андреевичу Толстому, генерал-поручику Ивану Ивановичу Бутурлину», и в доношении ходатайствует об обратном отпуске дьяка Палехина к нему в канцелярию. «Дьяк Палехин, который был при делах в канцелярии, порученных от царского величества мне, взят к тайным розыскным делам к вашему благородью, которые дела ныне произошли уже к окончанью», а между тем «Палехин был у меня в канцелярии в правлении всех дел». Июля в 3 день 1718 года Толстой и Бутурлин постановили отпустить дьяка Палехина согласно просьбе Ушакова в Москву «с указом по прежнему»[189]. И если просмотреть «книгу именных указов», где помещены указы «за руками Тайной канцелярии министров»[190], то все «приписки» до 30 июля 1718 года по всякого рола указам и бумагам Тайной канцелярии сделаны Палехиным. Последняя приписка относится к 30 июля 1718 года, из этого видно, что, согласно вышеизложенному, Палехин к этому времени покинул Тайную канцелярию. Палехин был «взят к тайным розыскным делам», стал уже дьяком Тайной канцелярии, но поручение приходит к концу, «произошло к окончанию», а поэтому и чиновники-дьяки должны быть водворены на старые места, ибо тут было поручение важного розыска по бывшим примерам, а отнюдь не образование, сформирование какого-либо определенно действующего нового учреждения в общей системе государственных установлений. Такова, видимо, точка зрения в первое время деятельности Тайной канцелярии на это учреждение со стороны им правивших «министров».

Заметим еще, что майорские канцелярии, более специализируясь, носили иногда название «канцелярии розыскных дел», видимо, родственное с названием «канцелярия тайных розыскных дел», если

---

[189] Г. А. VII. № 36.
[190] Там же. № 6. Ч. I.

припомнить, что основные дела в канцелярии — дело царевича, суздальское и кикинское — являлись по современной терминологии «тайными» делами. Наконец, позволю себе привести указание, очень определенное, на то, что связь Тайной канцелярии с розыскными канцеляриями «ведения» устанавливалась самими «министрами» Тайной канцелярии. В определении своем от 6 мая 1720 года Тайная канцелярия постановляет, чтобы старым и молодым подьячим, в ней служившим, выдать жалование из сумм Тайной канцелярии, «записав в расход, с распиской, для того: по именному Его Великого Государя указу дьякам и подьячим, которые взяты из разных канцелярий в канцелярии ж под ведением лейб-гвардии офицеров у розыскных дел Его Великого Государя жалованные и за хлеб деньги на сей наступающий год давать из денег, какие в тех канцеляриях и ныне на лицо есть»[191]. Эта мотивировка распоряжения, идущего от коллегии «министров» канцелярии, ясно указывает, что министры Тайной канцелярии приравнивали Тайных розыскных дел канцелярию к канцеляриям «под ведением» офицеров «у розыскных дел», так что и считали для себя обязательными указы, направленные определенно в эти именно учреждения. Следовательно, мы имеем современное и вполне авторитетное указание на то, что связь и единство, непосредственное и не порванное, Тайной канцелярии с розыскными майорскими канцеляриями признавалась и проводилась при случае на деле людьми, создававшими это учреждение. Позволю себе в подтверждение этой мысли привести еще один факт. В 1723 году Сенат указом предписывает ввиду уплаты Швеции денег по мирному договору «червонные ефимки, которые в Санкт-Петербурге в розыскных канцеляриях, те отдать в рентерею». Указ этот был послан и в Тайную канцелярию, из чего видно, что Сенат считает ее одной из розыскных канцелярий; а в своем определении по этому указу Тайная канцелярия, передавая его содержание, выражает эту мысль еще рельефнее, а именно: «Пр. Сенат приказал: червонные ефимки, которые в Санкт-Петербурге в розыскных канцеляриях, в том числе и из Канцелярии тайных дел, отдать в рентерею»[192].

Таким образом, указание на существование канцелярии ведения Толстого, легшей в основание Тайной канцелярии, как будто имеет большое вероятие, как будто после передачи столь важного розыска Толстому все-таки долго еще на Тайную канцелярию смотрели как на канцелярию «ведения», которой можно было поручать все попадавшееся

[191] Г. А. VII. № 8. Ч. IV.

[192] Там же. № 150.

под руку (вспомним «ревельское адмиралтейское дело»), и которая всецело в составе служащих зависела от количества и качества имевшихся в данный момент поручений.

Все это дает основание полагать, что Тайная розыскных дел канцелярия явилась в 1718 году, образовалась из канцелярии ведения П. А. Толстого, вероятно, находившейся в довольно зачаточном состоянии, когда царевичев розыск, попав в руки Толстого, превратил эту едва оформившуюся канцелярию в самую могучую из розыскных канцелярий «ведения», сгруппировав в ней столь сильных своим положением асессоров, каковы были Бутурлин, Ушаков, отчасти Г. Г. Скорняков-Писарев. Важность поручения делала важным, значительным самое учреждение, поддерживала и укрепляла его.

Так из канцелярии ведения Петра Андреевича Толстого выросло учреждение: «Канцелярия тайных розыскных дел».

Глава четвертая
Обзор материалов, относящихся к истории Тайной канцелярии

I

Прежде чем приступать к основной задаче нашего исследования — собственно истории Тайной канцелярии Петровского времени, — я позволю себе предварительно остановиться возможно подробно на выяснении вопроса, какие материалы мы имеем для этого в нашем распоряжении, каково их происхождение и какова их ценность и достаточность для достижения намечаемой цели. Начну с материалов архивных.

Темна история русских архивов; но если тут все-таки кое-где и мелькнет просвет, то беспросветно темна история отдельных архивных фондов, входящих в состав разных архивов. Если не ошибаюсь, в этом направлении не сделано ничего; нельзя хотя бы составить себе представления более или менее ясного (по печатным источникам), где в архивах и что можно найти хотя бы из материала к освещению истории того или иного (крупнейшего, конечно) архивного фонда. Нам пришлось встретиться лицом к лицу с этой трудностью: нам пришлось восстанавливать историю архивного фонда Тайной канцелярии, хранящейся в С.-Петербурге в Государственном архиве М. И. Д. Мы сделали что могли в этом направлении в надежде, что нам не поставятся в большую вину те недомолвки, которые, к сожалению, встречаются в предлагаемой главе; смеем надеяться, однако, что недомолвки эти не столь значительны, чтобы могли причинить ущерб некоторым общим выводам, которые мы тут делаем.

В Государственном архиве Министерства иностранных дел хранится сравнительно большое количество документов, зарегистрированных под общим названием: «Дела Тайной Канцелярии и Экспедиции», ими заполнен весь VII разряд архива. Беглый просмотр описи этого разряда свидетельствует, что в первой части его мы имеем перед собой делопроизводственный материал учреждения, называвшегося Канцелярией тайных розыскных дел, или, проще, Тайной канцелярией. Продолжая просмотр описи, нетрудно далее заметить, что все документы-дела первой части VII разряда делятся на три группы: во-первых, дела петровской Тайной канцелярии (до 1726 года), во-вторых, дела, слушавшиеся в Верховном тайном совете в промежуток 1727–1740 годов, однородные по содержанию между собой и делами Тайной канцелярии, и, в-третьих, делопроизводство

Канцелярии тайных розыскных дел, учрежденной в 1731 году и просуществовавшей до 1762 года.

Делопроизводственные документы первой из этих трех групп, т. е. относящееся к деятельности Тайной канцелярии Петровского времени (1718–1726 годы), состоял, во-первых, из делопроизводственных форм (книги указов, книги протоколов, приходо-расходные книги, книги челобитий и проч.), а во-вторых, из отдельных «дел» о разных лицах по разным их обвинениям. Далее во второй группе мы имеем только отдельные «дела», в Верховном тайном совете производившиеся. Наконец, имеем в третьей группе делопроизводство Канцелярии тайных розыскных дел, в 1731 году вновь учрежденной. Все эти дела в известной мере являются очень попорченными, и разбор их, только недавно оконченный, был сопряжен с большими неудобствами.

Среди этого материала преобладающая часть, безусловно, принадлежит именно к делопроизводству Тайной канцелярии; придется только выделить (очень условно) дела второй группы, т. е. дела, бывшие в производстве Верховного тайного совета; но дела эти были найдены в сундуках вместе с делами Тайной канцелярии. Таким образом, видимо, канцелярией второго периода (1731–1762 годы) эти дела были приняты и сочтены относящимися к ее ведомству.

Некоторое сомнение могут возбудить и несколько дел, не носящих никаких следов их отношения к Тайной канцелярии и по времени к ней не могущих быть отнесенными; однако опять дела эти были найдены среди дел Тайной канцелярии, как они были уложены, может быть, еще в самой Тайной Канцелярии — значит, это приурочение нельзя прямо объяснить случайностью. Громадное же, совершенно преобладающее количество документов носит несомненные следы своей принадлежности к делопроизводству Тайной канцелярии: об этом говорят прямые заглавия книг и формы приговоров, указов, повелений. В самих делах мы находим подлинные указы Тайной канцелярии за подписанием ее «министров»; все расспросы и бумаги скреплены секретарями Тайной канцелярии; почти везде прямые указания, что дело ведется в Тайной канцелярии; переписка за руками и приписанием секретарей, дьяков, подьячих и самих министров — все это в связи с еще многими более мелкими признаками не оставляет сомнения, что перед нами находится подлинное делопроизводство Тайной канцелярии, каковым оно понималось и считалось в самом этом учреждении. В делах, ведавшихся Тайной канцелярией мы имеем следующие (можно сказать, исчерпывающие) роды их: дела о непристойных выражениях об особе Государя; об измене государ-

ственной; о покушении на здравие Государя; о раскольниках; о непристойных речах о высших государственных сановниках (Меншикове, Бахметьеве, например); о непристойных речах о престолонаследии; дела по «слову и делу»; дела о непристойных речах и поступках по отношению к царским указам; дело, например, по обвинению, что смеялся в день погребения царевича Петра Петровича; или о распространении иезуитами «ложных учений»; или о взяточничестве высокопоставленных лиц (Апраксин и др.); или о «лживых толках» по поводу нововведений Петра; дела по обвинениям в волшебстве (редкое), о неслужении молебнов и непраздновании царских дней, о лживых предсказаниях про императора Петра; дело по обвинению в самозванстве (называл себя братом государя). Во втором периоде, как видно из описи, дела идут исключительно уже «против первых двух пунктов».

Этот краткий перечень дел заставляет нас сделать вывод, что главной обязанностью Тайной канцелярии первого периода, как также и второго, являлось преследование так называемых государственных преступлений.

Итак, мы имеем перед собой собранным в Государственный архив М. И. Д., в VII его разряд, в I части делопроизводство учреждения, именовавшегося Тайной канцелярией или Канцелярией тайных розыскных дел, существовавшей, видимо, с 1718 по 1726 год и возобновленной с 1731 года, в специальном ведении которой находились преследования по делам о так называемых государственных преступлениях.

Таковы общие выводы, получаемые непосредственно из поверхностного просмотра архивного материала. Чтобы можно было получить более полное и точное представление об этом материале, нужно проследить историю его хранения. Думается, только после этого можно будет достаточно полно ответить на вопрос о возможности восстановления по вышеочерченному материалу истории Тайной канцелярии Петровского периода.

16 июня 1724 года «для собрания дел в Архив по тайной канцелярии за покупные два сундука мерою в длину полтора аршина, в ширину по тринадцати вершков... рубль семьдесят копеек, записав в расход, выдать с роспискою»[193]; а немного ранее, 11 января того же года, «вынесен из судейской светлицы ящик с тайными делами второго нумера и поставлен в казарму, которая за печатью иностранной коллегии: при том были той иностранной коллегии архивариус Алексей Почайнов...

[193] Г. А. VII. № 6. «Протоколы» за 1724 г. Л. 54–55.

и тое печать у ящика он архивариус осматривал»[194]. Таким образом, еще в первый период существования Тайной канцелярии время от времени старые дела ее заключались в сундуки, ящики, и за печатями помещались на хранение в архив Иностранной коллегии, причем, видимо, архив этот помещался в казармах (куда ставили сундуки Тайной канцелярии), находившихся, как увидим далее, в пределах С.-Петербургской крепости, где помещалась и сама Тайная канцелярия в то время.

В 1726 году, когда происходила ликвидация деятельности канцелярии первого периода, то, согласно резолюции имп. Екатерины I, решенные дела были отданы за печатями «судей» и «кабинетной» в архив в «коллегию иностранную»[195], т. е. судя по предыдущему, дела были упакованы в сундуки и поставлены в одну из казарм крепости, с наложением на дверь казармы печати «иностранной коллегии». Видимо, таков был обычный способ архивного хранения дел Тайной канцелярии.

Итак, дела Тайной канцелярии первого периода были запечатаны в сундуках под номерами и положены в казарму в крепости.

В 1732 году был дан следующий указ: «1732 году июня 7 дня в походной канцелярии тайных розыскных дел генерала и кавалера и лейб-гвардии Семеновского полку (Андрея) Ивановича Ушакова... Ея Императорское (Величество)... соизволила указать: (из) прежде бывшей Тайной канцелярии (дела), которые положены в санкт-петербургской крепости, взять ныне в поход(ную т)айную канцелярию»[196].

По этому указу походная Тайных розыскных дел канцелярия определила: «прежде бывшие Тайной канцелярии дела, которые содержаны были за печатями в Санкт-Петербургской крепости и велено хранить... бывающим при санкт-петербургском гарнизоне обер-комендантом, взять в походную Тайную канцелярию, и о том в военную походную канцелярию господина генерал-фельдмаршала и кавалера графа фон Миниха послать указ; и для отдачи оных дел требовать Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии секретаря Алексея Щеглова; и как означенный секретарь прислан будет, то велеть ему означенные дела все, в чем они хранились, сда(ть) в походной тайной канцелярии немедленно»; и эти дела, «приняв, хранить в походной тайной канцелярии». В ответ на сообщение об этом

---

194 Г. А. Л. II.

195 Г. А. VII. № 6. Карт. 3.

196 В скобках поставлены слова и отдельные буквы, которые пришлось восстанавливать, так как подлинный документ сильно попорчен водой.

постановлении гр. Миниху, за подписью Ушакова посланное, Миних отвечал, что сделано распоряжение согласно этому постановлению Тайной канцелярии «о посылке для сдачи вышеписанных дел реченного секретаря Щеглова». 12 июля 1732 года этот секретарь Щеглов явился в Тайную канцелярию и дал следующие показания при допросе. Он был «взят к секретным делам» из гарнизонной канцелярии только в 1727 голу. До него «в каком смотрении и у кого» были «оставлены» дела Тайной канцелярии, он не знает; только в апреле 1731 года по приказу «бывшего плац-майора» вскрыли караульные офицеры печати на казармах, где хранились дела Тайной канцелярии «для того, что в нижней казарме от снегу набралась вода, а в верхней от гнилости пол обломился, и письма — в воде, и по распечатывании в тех казармах имеющиеся сундуки, и ящики, и коробки с письмами мокрыми перенесены в другую казарму, и тоже казарму запечатали они... своими печатями». Об этом было донесено Сенату, который в сентябре 1731 года прислал указ: «дела преждебывшей Тайной канцелярии, которые имеют в Санкт-Петербургской крепости в казармах и от прибылой воды подмокли, пересушить ему генерал-майору секретно, причем велено быть и ему Щеглову; и, пересуша, запечатав печатью своею, поставить в удобное место; и по тому указу октября 5 дня того ж году оные дела, которые подмокли и погнили, пересушили; а некоторые находились сухие, и те не перебирали; а, пересуша оные дела, положили в новые сундуки [понеже старые были ветхи], и потом перенесены в другую сухую казарму, которая имеется в Санкт-Петербургской же крепости от Петровских ворот под нумером 59» за печатью ген. Порошина.

После этой переписки дела оставались лежать несмотренными до июля 1732 года, когда однажды новый коменданта Есипов призвал к себе Щеглова, который застал у Есипова прап. Мазовского, посланного Минихом с тем, чтобы он доставил к нему секретаря Щеглова. Тотчас же и Мазовский, и Щеглов отправились к Миниху, который, сначала осведомившись о службе Щеглова, спросил, имеется ли дело по розыску о царевиче Алексее в делах Тайной канцелярии, на что Щеглов ответил, что не знает этого, так как дел он не пересматривал, а только «при пересушке усмотрено, что многие из оных дел были порваны, изгнили и помокли; ежели их разобрать, то он, Щеглов, мыслит, что и разобрать их невозможно». Однако Миних, ссылаясь на личное желание императрицы, потребовал поискать и доставить ему письма царевича Алексея, если они найдутся.

Тогда Щеглов с комендантом Есиповым начали осмотр сундуков, и, осмотрев сперва четыре, нашли в них «дела драные и гнилые», однако в одном ящике нашли пачку целых писем царевича Алексея

и доставили их Миниху, а этот последний, взяв с собой Щеглова, отвез их к императрице, которой в руки и были переданы эти письма.

Из этого ясно, в каком виде находились дела «преждебывшей Тайной канцелярии» уже в начале 30-х годов XVIII века. При показании Щеглова приложена опись дел, но только описан внешний вид сундуков, в которых хранились дела. Этих сундуков было восемь.

16 июля того же года (1732) вследствие всего вышеизложенного «в походную Канцелярию тайных розыскных дел приняты под охранение преждебывшей Тайной канцелярии дела и письма в сундуках и в ящиках по объявленной тем сундукам и ящикам от секретаря Щеглова описи; и оные сундуки и ящики при том Щеглове и при... капрале Савве Краснопевове запечатаны печатью Тайной канцелярии, и оставлены те сундуки и ящики в той же казарме, где имелись, под присмотром оного Краснопевова»[197].

Итак, дела продолжали опять лежать на старом месте, в крепостной казарме, запакованные в сундуках, уже в части сильно попорченные и сгнившие от сырости. Перемена надзиравшего ведомства и ближайшее поручение «смотрения» другому человеку ничего не изменило: дела продолжали по-прежнему гнить в своих сундуках. В Канцелярии тайных розыскных дел от Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии было прислано следующее доношение, помеченное 8 декабря 1738 года, т. е. через шесть лет после всего только что нами изложенного. Вот это доношение: «Сего декабря 5 дня в поданном в оную гарнизонную канцелярию от определенного к Санкт-Петербургскому гарнизонному цейхаузу копорского гарнизонного полка от поручика Федора Прозоровского доношении написано: бывший в Санкт-Петербургском гарнизонном цейхаузе у приходу и расходу (оружья), мундирных и амуничных и прочих вещей копорского полку капитан Петелин по описи между прочими вещами при смене сдал ему, Прозоровскому, двадцать два сундука, в этом числе восемь сундуков с делами за печатью канцелярии тайных розыскных дел; и оные же сундуки имеются в казарме, в которой содержатся неокладных гарнизонных доходов, денежная казна; а в той же казарме, как зимою, так и летом, имеется немалая течь, отчего тем делам может учиниться трата. И требует поручик Прозоровский тем доношением, дабы повелено было оные восемь сундуков положить в удобное место, где бы помянутой Тайной канцелярии делам не могло учиниться какой

---

[197] Спешу выразить искреннюю благодарность Владимиру Владимировичу Цитовичу за любезное сообщение им мне дела (из только что разобранных дел Тайной канцелярии), на основании которого я излагаю рассказ Щеглова.

траты, и того б на нем не взыскалось. И Канцелярия тайных розыскных дел о том как соблаговолит». Подписал эту бумагу полк. Фед. Норов. Но в Тайной канцелярии не спешили: прошло полгода, и, не получая никакого ответа, полковник Норов снова пишет «доношение» почти в таких же выражениях, говоря, что по предыдущей по этому поводу бумаге «решения учинено не было». К сожалению, окончание этой переписки до нас не дошло, но, как сейчас увидим, дела и далее по-прежнему продолжали храниться в казармах крепости, а условия такого хранения нисколько не изменились: бумаги продолжали гнить, мочимые дождем и снегом. В 1744 году, т. е. еще через пять лет, Тайных розыскных дел канцелярия получает следующую «промеморию»: «Из государственной военной коллегии из конторы в Тайную канцелярию... писано: сего же июля 1 дня в поданной в оную канцелярию от дежур-майорских дел ведомости написано: минувшего июня 26 дня в присланном сообщении от даточного двора от конторы за рукою секунд-майора Ивана Вралова к дежур-майорским делам объявлено: имеются с казенным вином по правую сторону Петровских ворот третья казарма[198] и над тою же казармой в верхней... и по осмотру той конторы... (на) полу явилось несколько ветхих... баул и скатула и прочее; а которого оные ведомства и с чем оные ж баулы и скатула имеются, о том в той конторе от даточного двора неизвестно: и сего же июля по определению Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии велено имеющуюся по правую сторону от Петровских ворот третью верхнюю казарму, (в) которой стоит ведомства камор-конторы вино, дежур-майору Игнатьеву при гарнизонном фискале Фуфаеве и обретающемся на даточном дворе секунд-майоре Вралове, также и инженерной команды при... Ельчанинове осмотреть, и что по осмотру в той казарме явится, отписать и в гарнизонную канцелярию рапортовать». По осмотру же этими чинами оказалось: «казармы запечатанные, а чьи печати — неизвестно, и с чем закрыты или стоят пусты, о том в Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии известия не имеется, а у «многих» казарм «лестницы сгнили и полы обвалились». Ввиду этого канцелярия требует, чтобы конторой военной коллегии «представлено было куда надлежит, дабы те казармы, у которых чьи имеются печати, какая поклажа неизвестно, кому надлежит осмотреть». Вслед за этим приписана следующая черновая справка: «По справке с имевшимся в приказном столе 1732 года июля 7 дня о бывшем Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии

[198] Подлинник этого документа полусгнил, потому некоторые места его прочтению не поддаются.

секретаре Алексее Щеглове делом явилось, что в Санкт-Петербургской крепости имеется одна казарма, в которой хранятся преждебывшей Тайной канцелярии дела под смотрением (?) гарнизонной канцелярии, и о обстоятельстве отдачи оных дел под (сохранение?) в той гарнизонной канцелярии известие имеется, а кроме того других казарм тайной конторы ни с какими поклажами не имеется». Тогда, видимо, было приказано отобрать сведения, за руками у всех служащих Тайной канцелярии, не имеются ли у кого «дела Тайной канцелярии», оставленные в крепости; а если есть, то «сколько именно» и «чьими печатями запечатаны». Из всех служащих только «истопники, обретающиеся в Тайной канцелярии... объявили, что сначала определения их в Тайную канцелярию под смотрением их имеется в Санкт-Петербургской крепости одна казарма, состоящая близ старых Тайной канцелярии покоев, в которой казарме до перевода Тайной канцелярии из оных старых покоев в сенатские покои в... Тайная контора состоит, жили они истопники в той... без печати токмо за замком имеются многие письма (Тай)ной К(анцеля)рии (и) ключ от оной казармы в хранении имеется у них... а какие именно оные письма и у кого из приказных служителей по повытьям имеются, о том-де они не знают, понеже же те письма во оной казарме имеются издавна».

Ввиду этого известия в октябре того же 1744 года Тайная канцелярия пишет определение, в котором сначала передается запрос военной коллегии, нами приведенный, затем приводится «справка», тоже нами уже приводимая, и заканчивается это определение так: «понеже те письма во оной казарме имеются издавна, а Тайной конторы канцеляристы и служители подписками объявили, что в оной казарме повытий их по делам писем и дел никаких не имеется, того ради означенные, имеющиеся по объявлению помянутых истопников письма из означенной казармы забрать все без остатку, перенесть в Тайную контору и в той конторе оным письмам, осмотря, учинить надлежащую опись; и ежели те письма по описи явятся по делам Тайной канцелярии, об оных у канцелярских служителей взять еще подписки и у кого именно те письма по повытьям имелись, и что по описи по подпискам явится, о том доложить немедленно».

Соответственно этому определению была написана «промемория» в военную коллегию, и в результате «имеющиеся в казарме письма все без остатку забраны и в Тайную контору перенесены и осматриваны, а по осмотру явились по большей части по решениям Тайной канцелярией делам всякие черные и к делам ненадобные, и также многое число разных годов разбитые сдаточные караульных обер- и ундер-

офицеров, но токмо между оными явились нижеследующие подлинные дела», и за этим идет длинная опись, наполовину сгнившая; все дела, там помеченные, относятся до деятельности Тайной канцелярии второго периода, так как начинаются с 1732 года. А дела преждебывшей Тайной канцелярии все продолжали находиться в прежнем положении.

Прошло еще семь лет. Наконец в конце 1752 года кн. Ф. Мещерский прислал в Канцелярию тайных розыскных дел «доношение» с напоминанием о сундуках (восьми счетом) и с ссылками на вышеприведенные доношения Проворовского об этих сундуках в декабре 1738 года. На это доношение Тайная канцелярия определяет: «оные (т. е. сундуки) распечатать и имевшимся в них делам, осмотря, учинить надлежащую опись, хранить в Тайной канцелярии; буде ж паче чаяния по осмотру... дела к описи неспособны, то оные, не описывая, поставить в тех же сундуках в Архив тайной канцелярии».

Проходит еще год; в декабре 1753 года в ответ на это определение канцелярии секретарь Набоков донес, что он осмотрел и открыл сундуки, которые «явились» преждебывшей Тайной канцелярии, но дела в них «весьма от мокроты погнили, и описать их никаким образом невозможно». Конца этой переписки, к сожалению, не имеется, и чем в данном случае дело кончилось, остается неизвестным[199].

Все вышеизложенное отлично характеризует общие приемы хранения дел, даже важнейших, в Санкт-Петербургской крепости. Через 10–12 лет дела, засунутые в сундуки и поставленные в жилых казармах, случайно оказываются совершенно забытыми, и с трудом восстанавливают принадлежность этих дел тому или иному учреждению; а в крепости, оказывается, было немало хранилищ дел, совершенно забытых, полусгнивших, о которых никто не знал, кому они принадлежат и кто их поместил в казармы, где кругом лилась вода, где часто сгнили и потолки, и крыши, где сундуки с делами то мочились дождями, то гнили в снегу. В таком же положении были, между прочим, и дела Тайной преждебывшей канцелярии; уже полусгнили они в тридцатых годах XVIII века, и хотя были перенесены в другую казарму, но там заперты и оставлены на дальнейшую порчу, о чем через 2 года писал полк. Норов. Так дела Петровского периода Тайной канцелярии лежали по крайней мере до 1754 года. Дела же Тайной канцелярии второго периода, частью бывшие в крепости и там начавшие гнить, были все перевезены «в сенатские покои», и, видимо,

[199] Г. А. VII. № 1530.

архив Тайной канцелярии этого периода был в дальнейшем храним в новом помещении Тайной канцелярии, «в сенатских покоях».

Проходит еще около десяти лет. Что претерпели за это время дела преждебывшей Тайной канцелярии, несмотря на приложенные усилия, нам выяснить не удалось, но с февраля 1768 года дела эти значатся уже хранящимися в I отделении Архива кабинета Императорского двора. В одном из реестров этого архива (от 6 февраля 1768 года), подписанном кн. М. И. Щербатовым, помечены два ящика с делами неизвестного содержания. В Архиве кабинета эти ящики так нераскрытыми и оставались. Когда со вступлением на престол имп. Николая Павловича Министр императорского двора кн. Волконский представил ему описи дел кабинетского архива в ноябре 1826 года, то между прочими делами под № 5 значились «два сундука больших с неизвестными делами, запечатанные». Собственноручной резолюцией императора Николая было поручено с. с. Блудову распечатать, осмотреть и донести. Во исполнение этого высочайшего повеления Блудов, по приглашению кн. Волконского, 8 декабря 1826 года прибыл в кабинетский архив и с помощью двух чиновников вскрыл эти ящики, разобрал и описал в них имеющиеся дела, и описи эти за своей подписью поднес на высочайшее благоусмотрение. Из этой составленной Блудовым описи ясно видно, что в распечатанных сундуках он нашел, во-первых, дела по царевичеву розыску и, во-вторых, дела Тайной канцелярии Петровского времени, как прямо и гласили этикеты на сундуках, найденных им внутри ящиков, причем ясно было, что кто-то уже рылся и хозяйничал в лежавших там делах.

По представлении Блудова высочайше было повелено перенести все эти дела на хранение в архив Коллегии иностранных дел, куда они и поступили в 1827 году. С образованием Государственного Архива М. И. Д. в 1836 году дела эти были отнесены к этому архиву, и с того времени составляют 1-ю часть VII разряда названного архива, хотя частью (главным образом дело царевича Алексея и к нему примыкающие) были отнесены и к VI разряду архива. К сожалению, остается неясным, откуда кн. Щербатов взял эти ящики с делами Тайной канцелярии. Мы знаем, что еще в 1754 году дела эти находились в казармах Санкт-Петербургской крепости, а уже в 1768 году, т. е. через 14 лет, они кн. Щербатовым намечены находящимися в Архиве кабинета; однако есть основание полагать, что кн. Щербатов извлек их именно из крепостных казарм.

Что же из дел Тайной канцелярии дошло до нас в этих Блудовым разобранных ящиках? Мы видели, что все их количество сначала

помещалось в восьми отдельных сундуках; Блудов уже имел собственно только три сундука, вложенные в два ящика; мы видели, что дела Тайной канцелярии один раз, в 1732 году, перекладывались в новые сундуки, причем не знаем размеров этих сундуков, так что при бывших, может быть, неоднократно перекладках, из сундуков разных размеров трудно установить, насколько дела в сохранности дошли до нашего времени. С другой стороны, мы видели, что они гнили, и гнили сильно: уже секр. Щеглов говорил, что многие дела так смоклись, что стали тогда еще недоступны для разбора. Все это дает указания, что дошедшее до нас собрание бумаг является значительно пострадавшим. С другой стороны, в 1726 году, когда дела Тайной канцелярии передавались в Преображенскую канцелярию кн. Ромодановскому, то число «вершеных дел» было помечено около 280–290 (невершеных же передавалось в Преображенскую канцелярию всего не более трех); тут не считались дела по царевичеву розыску, кикинские и суздальские[200]. Трудно теперь точно восстановить «дела» в первоначальном их составе; однако по сделанным на «делах» современным номерам эту реставрацию до известной степени произвести можно, и в результате ее можно принять, что мы теперь имеем около 225 «дел» из тех 280–290, которые числились в 1726 году как составлявшие весь архивный фонд Петровской Тайной канцелярии. Таким образом оказывается, что ныне недосчитывается приблизительно 60–70 «дел», т. е. менее даже $^{1}/_{4}$ всего бывшего архивного фонда «дел» является утраченной. Нельзя не признать такой процент сохранившихся «дел», т. е. основных, важнейших делопроизводственных документов, очень высоким. Не следует, впрочем, упускать из виду, что, с другой стороны, до нас, очевидно, дошла лишь очень небольшая часть других делопроизводственных форм данного архивного фонда, именно всякого рода книг этого, если так можно выразиться, производного уже делопроизводственного материала, содержание которого, в сущности, имеется в отдельных делах. Я имею тут в виду книги протоколов, книги указов (эти, впрочем, дошли в большой сохранности), книги по приходо-расходным делам, книги по челобитьям разным, книги по отправлению курьеров в разные места, книги по мелким хозяйственным делам и т. п. Утрату этой части архивного фонда можно считать не так существенной, приняв еще во внимание, что важнейшее этой части — книги указов и протоколов — дошли сравнительно очень исправно (только небольшие пробелы за некоторые года).

---

200 Г. А. VII. № 6. Карт. 3.

Все предыдущее изложение позволяет сделать следующие три вывода:

1) весь основной фонд «дел» Тайной канцелярии Петровского времени хранится ныне в Государственном архиве М. И. Д., в VII его разряде;

2) вся утрата сравнительно очень небольшой части этого фонда должна быть приписана уничтожению бумаг под влиянием плохих условий их хранения в XVIII веке;

3) утраченная часть производного делопроизводственного фонда Тайной канцелярии является по существу не особенно важной, восстанавливаясь притом в известной мере из сохранившихся «дел» Тайной канцелярии.

Эти выводы дают нам возможность прийти к следующему заключению: имеющийся в нашем распоряжении материал по истории Тайной канцелярии Петровского времени, заключающийся в Гос. архиве, является основным, достаточно полным и единственным фондовым материалом Тайной канцелярии, на который поэтому можно уверенно опираться и которым возможно довольствоваться при выяснении истории Тайной канцелярии Петровского времени.

С таким выводом мы можем уже приступить к выяснению истории Тайной канцелярии Петровского периода, остановившись, однако, предварительно на существующей о Тайной канцелярии литературе.

II

Литература по истории Петровской Тайной канцелярии почти отсутствует. Нам известны только две статьи, которые трактуют специально о Тайной канцелярии; но одна из них касается канцелярии Елизаветинского времени: «Тайная канцелярия в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761)[201], т. е. совершенно не относится к нашей теме, а другая была написана Н. М. Карамзиным в 1803 году и трактовала вообще о Тайной канцелярии. С этой статьи мы и начнем обзор скудной литературы по истории Петровской Тайной канцелярии.

Статья эта носит заглавие: «О Тайной канцелярии»[202]. Приводя известие Левека, что царь Алексей Михайлович учредил Тайную канцелярию, и презрительно замечая, что при способе писания истории французами такого рода утверждение неудивительно, Карамзин нападает на Шлецера за его такое же мнение об учреждении Тайной канцелярии Алексеем Михайловичем, но, установив, что источником

[201] Русская Старина. 1875 г. № 3. С. 523–539.

[202] Сочинения Карамзина. Т. I. С. 419–426. Изд. Смирдина, 1848 г.

Шлецеровой ошибки было аналогичное утверждение, делаемое Татищевым, Карамзин соглашается, что действительно «Тайная канцелярия точно была при Алексее Михайловиче, но слово "тайный" тогда значило "домашний" или "приватный". Оспаривая Татищева далее, Карамзин говорит: «она была Кабинетом и никогда не занималась наказанием государственных преступников». «Имя тайной обмануло Татищева», — заключает Карамзин свои возражения. На последней странице этой статьи знаменитый историк пытается дать свое решение вопроса о Тайной канцелярии: «обратимся к Тайной канцелярии: желаете ли видеть ее первую сцену? Подите в село Преображенское, там Великий Император, преобразуя отечество и на всяком шагу встречая неблагодарные злые умыслы и заговоры, должен был для своей и государственной безопасности основать сие ужасное судилище. Так Петр Великий был его учредителем». Из вышеизложенного нетрудно сделать вывод, что русская историография до Карамзина включительно безнадежно путалась в вопросе о Тайной канцелярии, соединяя такие разнородные учреждения, как Приказ тайных дел, Преображенский приказ, Петровскую Тайную канцелярию и ей родственную Канцелярию тайных розыскных дел 1731 года; только у Карамзина мы видим, что он уже сумел выделить хотя бы Приказ тайных дел, однако все остальное рисуется знаменитому историку чем-то цельным и единым. Говоря об учреждении собственно Преображенского Приказа, он думает, что говорит об учреждении Тайной канцелярии.

Издание полного собрания законов и несколько помещенных там указов, касающихся Тайной канцелярии, позволили Неволину пролить уже больший свет на историю этого учреждения. Руководствуясь, видимо, исключительно указами полного собрания, названный историк такими общими штрихами набрасывает историю Тайной канцелярии: «она была в С.-Петербурге и имела здесь такой же предмет ведомства, как Преображенский приказ последнее время в Москве. Она учреждена была для некоторых чрезвычайных тайных розыскных дел, случившихся в то время [П. С. З. № 4892]. Но по окончании своего дела существование ее продолжалось [П. С. З. № 4494]. В 1729 году при уничтожении Преображенского Приказа [П. С. З. № 5379] Тайной канцелярии, кажется, уже не было. Впрочем, в 1731 году для дел по преступлениям против первых двух пунктов было опять учреждено особенное место под названием "Канцелярия тайных розыскных дел"»[203].

[203] Неволин. Собр. соч. Т. VI. С. 233–234.

Эта схема истории Петровской канцелярии страдает большой туманностью и некоторыми погрешностями. Однако тут уже ясно для историка, что Тайная канцелярия — учреждение особенное, и смешивать его в одно с Преображенским приказом нельзя. Более того, Неволин уже тут намечает раздельность Петровской канцелярии от канцелярии 1731 года.

Все это уже большой шаг вперед, сделанный благодаря выходу в свет Полного собрания законов. Но при всем том встречаются в этой схеме Неволина и неточности, и неясности; не совсем точно, как увидим, утверждение, что Тайная Канцелярия «была в Петербурге» и что предмет ее ведомства был такой же, как у Преображенского Приказа последнее время. Неясным остается, что это могли быть за «чрезвычайные тайные розыскные дела», ради которых канцелярия была учреждена; обходит Неволин молчанием и вопрос о времени этого учреждения. Упустил из виду Неволин и указ, напечатанный тоже в Полном собрании законов, о передаче в 1726 году Тайной канцелярии в ведение кн. Ромодановского. Заметно еще некоторое колебание в вопросе о тождестве или раздельности Петровской канцелярии и канцелярии 1731 года.

Соловьев в своей «Истории России» совершенно обходит вопрос о Петровской Тайной канцелярии, иногда упоминая ее название по какому-либо поводу — и только[204].

В позднейшее время, сколько нам известно, никаких более или менее подробных самостоятельных изложений истории Петровской Тайной канцелярии не появлялось. Встречаются только кое-где в литературе указания и мнения по вопросу о происхождении канцелярии, но об этом мы говорили в предыдущей главе специально. Однако делами этой канцелярии пользовались многие начиная с Соловьева, но пользовались ими как материалом для бытовой и частью социальной истории Петровского (и более позднего) времени; М. И. Семевский, А. Арсеньев и Г. В. Есипов использовали дела канцелярии именно с этой точки зрения, совершенно оставляя в стороне историю самого учреждения, почему на трудах названных историков нам и останавливаться не приходится.

Этим мы и заканчиваем обзор литературы по истории Тайной канцелярии Петровского времени. Не беря на себя смелость думать, что мы исчерпали все указания, в нашей литературе встречающиеся, по истории Тайной канцелярии, надеемся, однако, что все главнейшее и более существенное в этой области нами отмечено.

---

[204] Напр., Кн. IV. С. 797. Изд. 2-е.

Поразительная бедность литературы по истории канцелярии бросается в глаза. По данным этой литературы является очень трудным восстановить хотя бы в общих чертах историю Тайной канцелярии. Такое положение дела и заставило нас обратиться в дальнейшем исследовании непосредственно и всецело к архивному материалу, обследование которого, как мы видели, показало полную его способность дать достаточно полные и точные ответы на большинство основных вопросов, возникающих при разработке истории Тайной канцелярии Петровского времени.

Глава пятая
Император и Тайная канцелярия

Тайная канцелярия с переходом розыска по делу царевича Алексея из Москвы в Петербург окончательно, как мы видели, образовалась и приняла название: «Канцелярии тайных розыскных дел»; это случилось во второй трети 1718 года. Если вся весна и лето этого года были заняты для канцелярии почти исключительно вторым царевичевым розыском, то понятно, что взаимоотношение императора и канцелярии были в это время чрезвычайно тесны; можно сказать, что тогда истинным начальником канцелярии являлся сам Петр, во все непосредственно входивший лично.

Но наступила осень; лихорадочная, экстренная деятельность канцелярии мало-помалу стихала; более спокойное, более обычное производство дел стало на ее место, и вместе с этим Петр должен был уже несколько отдалиться от дел канцелярии, а «министры» канцелярии начали делаться поэтому действительными ее руководителями, как и вся деятельность учреждений начала укладываться в более постоянные, как бы нормальные формы. Вместе с тем начало укладываться в несколько иные формы и отношение императора к канцелярии. Если Петр естественно стал от нее в большем сравнительно отдалении, то, с другой стороны, он отнюдь не порвал с нею непосредственной связи, которая перешла отныне только в более устойчивые и определенные формы; это случилось, вероятно, в октябре-ноябре 1718 года, и уже в конце ноября этого года совершенно определилось: 25 числа этого месяца кабинет-секретарь Макаров писал следующие тождественные письма, одно — П. А. Толстому, другое — И. И. Бутурлину: «Государь мой милостивый! Понеже Его Величество для слушания розыскных дел Канцелярии Вашей изволил определить один день в неделе, а именно — понедельник, для того изволите о том быть известны; и в эти дни должны все министры являться в канцелярию в 4 часа пополуночи; но в данную неделю, так как понедельник уже прошел, то Его Царское Величество изволит к Вам быть для слушания дел завтра, то есть в четверток»[205]. Таким образом как обычный и постоянный порядок устанавливалось, что раз в неделю, именно в понедельник, Петр лично бывал в канцелярии, где в присутствии всех «министров» выслушивал доклады и ставил резолюции по делам канцелярии. В такие общие внешние рамки вошло участие царя в делах Тайной канцелярии с ноября

[205] Г. А. VII. № 6. Ч. I; а также: К. П. Кн. 58. Л. 41.

1718 года. Трудно проследить, насколько аккуратны были эти присутствования, однако в делах постоянно встречаются указания на них: в одном указе от 11 марта 1721 года говорится: «великий государь... Петр Алексеевич... будучи в Канцелярии тайных розыскных дел, указал»[206]; был Петр и 9 марта этого года в Тайной канцелярии[207]; был 3 ноября 1723 года[208] и т. д. Есть пометы о присутствовании Петра в канцелярии и в записных книгах канцелярии, например, в таком виде: «его царское величество изволил быть своею высокою особою в Канцелярии тайных розыскных дел и слушал дел»[209].

Это «слушание дел» Петром в канцелярии, по-видимому, обычно заключалось в докладе ему сырого материала следствия, на основании которого он и клал свой приговор. Например: «1718 г. ноября в 27 день великий государь... Петр Алексеевич, будучи в Канцелярии тайных розыскных дел, слушав вышеписанных писем... и его, Резанова, о том расспросу указал»[210]. Докладывались царю также уже готовые по делам экстракты, даже с заготовленным приговором, поставленным министрами Тайной канцелярии. Однако не всегда Тайная канцелярия решалась ставить приговоры: часто вопрос «что чинить» оставлялся открытым до царского указа. Иногда приговоры канцелярии не находили себе одобрения императора; в громадном же большинстве случаев они санкционировались. Позволяю себе привести некоторые характерные выдержки из одного до нас дошедшего такого экстракта. На одной стороне листа, видимо, обычно писались докладные пункты, а против них ставились на другой стороне листа резолюции; например: подьячему Калугину, по тому с Курзанцевым делу, — писалось в экстракте, — за то, что он, Калугин, оное важное доношение велел списывать и держал у себя в доме многое время, а о том не доносил, определено приговором: кнутом и на 10 лет на каторгу. Против этого резолюция: «бив кнутом и вырезав ноздри, послать на каторгу в вечную работу». В данном случае приговор канцелярии был Петром несколько изменен; но это бывало сравнительно нечасто. По делу фискала Санина, например, состоялось определение об учинении ему смертной казни, и «оное утверждено собственною Его Величества высокою рукою тако: учинить по сему»[211] (это было в 1723 году). Есть в экстракте такие же краткие заметки

[206] Г. А. VII. № 6. Ч. II. Л. 102.
[207] Там же. Л. 101.
[208] Г. А. VII. № 172. Л. 5.
[209] Там же. Карт. 13.
[210] Там же. № 18.
[211] Там же. № 79. Л. 245.

о вине колодника, но приговора канцелярии не приводится, а вместо этого стоит фраза: «и потому делу что чинить?» — т. е. здесь канцелярия сама не осмеливалась ставить даже проекта приговора. Против именно такого места в нашем экстракте стоит приговор-резолюция: «послать для решения в Сенат, и что приговорят, по тому чинить». Все эти резолюции в данном экстракте скреплены подписями Толстого, Ушакова и Скорнякова-Писарева, а сделаны рукою Толстого; за последней из резолюций следует такая приписка: «вышеписанная разметка рукою Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого учинена в 9 числе марта 1721 году по Его Царского Величества именному указу, будучи в Канцелярии тайной»[212].

Иногда Петр клал свои резолюции собственноручно. Мы имеем один такой экстракт с личными пометами Петра, это экстракт по «ревельскому адмиралтейскому делу», которое следовалось Тайной канцелярией. Дело это было «против третьего пункта», т. е. о взятках и похищении казенного имущества. Экстракт по нему почти совершенно подобен вышеизложенному; также следуют одно за другим краткие изложения вин каждого преступника, а Петр помечал собственноручными надписями о роде наказания каждого преступника. Кроме того, тут же Тайной канцелярией поставлен был ряд вопросов по разным сторонам этого розыска, и император также своеручными резолюциями разрешал и эти вопросы. Все это относится к 1720 году. К сожалению, нет возможности решить, было ли это сделано Петром во время одного из его присутствований в канцелярии или в другом месте, при других условиях[213]. Вышеприводимый экстракт скреплен подписью Ушакова и занесен в указную книгу канцелярии.

С другой стороны, царь часто только выражал в разговоре свои мнения, которые уже после министры записывали в том или ином виде и поступали по ним, как по указам его царского величества.

В письме Палехину, дьяку Тайной канцелярии, Толстой, делая некоторые распоряжения, пишет между прочим, что колодника Костромитинова надо пытать, и до смерти можно, «ибо памятно, как царское величество изволил о нем говорить, когда изволил быть в Тайной канцелярии»[214].

Таким образом, при своих посещениях Тайной канцелярии Петр слушал подносимые ему экстракты по делам, в большинстве уже с приговорами канцелярии, и ставил свои резолюции тут же, на полях

---

[212] Г. А. VII. № 83.
[213] Там же. № 6. Ч. II (№ 67).
[214] Там же. № 8. Карт. 16.

экстракта, заносимые или руками министров, или царем собственноручно. Кроме того, министры, видимо, подробно устно докладывали царю о разных вопросах по розыскам, требовавших разрешения их Петром. В разговорах по поводу таких докладов Петр давал указание о дальнейшем направлении дела и прекращал или продолжал розыск, давал директивы для приговоров. Иногда же Петр принимал участие и в самом процессе розыска и следования, если это вызывалось какими-либо обстоятельствами или особым интересом к делу императора. Например, в 1723 году фузилер Марков сказал, что он только самому Петру объявит донос, и «того же ноября 3 дня при присутствии Его Императорского Величества вышеписанный же фузилер Дорофей Марков вторичным расспросом показал»[215]. В 1718 году «известно царскому величеству учинилось», что архимандрит Тихвинский привез с собой в Петербург какую-то якобы чудотворную икону и тайно служит желающим перед ней молебны; тогда «декабря в седьмой день посылал Его Царское Величество к Тихвинскому архимандриту» гардемарина Каблукова, который должен был просить архимандрита пропеть ему молебен перед иконой; и, когда на другой день в присутствии Каблукова монах пел этот молебен, то предупрежденный об этом Петр сам «изволил прийти и образ Пресвятой Богородицы взять с собой и того архимандрита за караул», и «оного архимандрита и при нем служителей указал забрать, которые забраны и присланы в Канцелярию тайных розыскных дел; и указал Его Царское Величество» обо всем этом «исследовать и розыскивать в Канцелярии тайных розыскных дел». Обвиняемые были спрашиваны «в присутствии в Канцелярии тайных розыскных дел Его Царского Величества», и при Петре же один обвиняемый был спрашиван «в застенке с прещением»[216]. В том же 1718 году поляк Носович подал Петру доношение, по которому следовать Петр велел Тайной канцелярии и сам присутствовал на допросах: «и потом пред царским Величеством по вопросу он Носович никакой измены не показал»[217].

Таков был нормальный, прямой путь, которым император входил в дела канцелярии; однако указы-инструкции Петра шли в Тайную канцелярию и другими путями. Иногда дела Тайной канцелярии докладывались Петру, когда он сидел в каком-нибудь другом учреждении. Вероятно, удобство, неотложность дела, желание царя являлись причинами такого порядка. «1724 генваря в 23 в протоколе

[215] Г. А. VII. № 172. Л. 5.
[216] Там же. № 21.
[217] Там же. № 24. Л. 540.

написано: Его Императорское Величество, будучи в Канцелярии вышнего суда, изволил читать экстракты: 1) по новогородскому делу, 2) по вологодскому; и указал Его Величество те дела решить по Уложению»[218].

В 1723 году Петр дает указ по делам Тайной канцелярии (за скрепой Ушакова), «будучи в Зимнем Доме»[219]. Иногда экстракты Петр слушал и в Сенате, если сенаторы отказывались без него ставить приговоры, когда один из министров Тайной канцелярии «предлагал» какое-либо дело сенаторам. Г. Скорняков-Писарев в письме к Ушакову говорит между прочим, что он получил доношение по Тайной канцелярии, а «когда Его Величество в присутствии своем в Сенате изволит быть, то по оным доношениям Его Величеству я доложу»[220].

Кроме того, очевидно, часть докладов и экстрактов Петр слушал по докладам министров просто где придется. В мае 1721 года Бутурлин пишет Толстому, бывшему при Петре, что досылает ему экстракты по Тайной канцелярии для доклада императору, «его царского величества доложить», и «какой будет указ и о прочем, что чинить, прошу покорно вашего превосходительства ко мне отписать»[221]. В том же году, отвечая Ушакову, Толстой пишет из Риги о некоторых делах, что «по оным я его царскому величеству не доносил, а когда донесу, и какая резолюция будет, о том не оставлю вас без известия»[222].

В письме Толстому Бутурлин пишет от 29 мая 1721 года, что он прилагает при письме «экстракта» по делам канцелярии, и прибавляет, чтобы «о чем надлежит» Толстой доложил Петру, «и какой будет указ и о прочем что чинить», пусть Толстой ему напишет[223]. В одном из писем Толстого того же года написано, что докладывал Его Превосходительство, т. е. Толстой, царскому величеству, на которое указал: «в Тайную канцелярию писать о архимандрите Гедеоне, чтоб о нем объявить... в Синоде... и когда с него-то (сан) сымут, указал Его Величество накрепко его пытать»[224]. В одном деле есть запись: «и декабря в 26 день 718 году по именному великого государя указу, каков учинен по подлинном о том делом, велено...» Далее идут мелкие указания о дальнейшем розыске[225].

---

[218] Г. А. VII. № 103. Л. 278.
[219] Там же. № 6. Ч. II. Л. 116.
[220] Там же. № 139. Л. 11.
[221] Там же. № 111. Л. 16.
[222] Там же. Л. 3.
[223] Г. А. VII. № 111.
[224] Там же. № 8.
[225] Там же. № 30. Л. 4.

Я позволю себе привести отрывок из переписки П. Толстого с А. Ушаковым в 1722 году, полно и ясно характеризующий, как происходили эти доклады дел министров канцелярии Петру.

«Милостивый государь мой Петр Андреевич, — писал Ушаков Толстому в начале мая 1722 года, — понеже его императорское величество при отсутствии своем в поход изволил быть в непрестанных делах, и того ради не имел я времени, чтобы по пунктам о Корольке и о прочих Тайной канцелярии делах донести Его Величеству и для того оные пункты посылаю до Вашего Превосходительства при сем, и доношу: изволь, государь мой, по ним донести Его Императорскому Величеству; и какой Его Величества указ состоится, о том изволь, государь мой, уведомить меня»[226]. При этом письме Ушаков прилагал «экстракт о делах Тайной канцелярии», изложенный в 8 пунктах; привожу его целиком: «1. Старцу Левину по окончании розысков какую казнь учинить, и где: в Москве ль или на Пензе? 2. Он же Левин показал на родственников своих 4-х человек, что при них в доме злые слова он говорил; да вышеписанные же слова говорил он в церкви всенародно при капитане да при комиссаре. 3. Он же Левин те слова говорил в двух монастырях на трапезах при игумене с братией, да в третьем монастыре одному игумену, да на исповеди отцам своим духовным трем попам, да старцу (у которого он был под началом); и оных два попа и старец молвили ему, Левину: "и мы-де так признаваем", а третий поп молвил: "полно-де, ты не грешишь ли?" — однако ж причаститься ему не возбранил; и из означенных один поп в том себя и признал, а другие, ежели признают, и им за то что учинить? 4. По его же Левина расспросу касается нечто до рязанского архиерея, но токмо ныне без расспросу старца Прозоровского нельзя того явственно признать; и ежели по расспросу оного поищется до него архиерея важность, и его допрашивать ли, и где: в синоде ль, или в Тайной канцелярии, и как его содержать? 5. Светлейшего князя столяр Королек с расспросу и с двух розысков показал важные слова дому его княжева на ключника, да на гребца, которые померли, а потом на исповеди отцу духовному он объявил, что те слова (токмо не все) слышал он его же княжева дому от служительницы вдовы Варвары Кубасовой, о чем и на очной с нею ставке тоже сказал, а в расспросах же и с розысков, и в очной ставке во оном запирается и в том себя не признавает; и ежели тот Королек с третьего розыску станет говорить на нее, вдову, и ее в застенок к очной ставке брать ли,

---

[226] Г. А. VI. № 156. Ч. I. Л. 75.

и ее разыскивать ли? 6. По важному делу бабы Акулины следствование остановилось за тем, что она больна, и ежели в тех словах, на кого что показала, она умрет, а те в оном себя не признавают, и ими разыскивать ли? 7. Ежели в Тайную канцелярию будут подавать доношения о здоровье Императорского Величества, о бунте, о измене, и по таковым доношениям следовать ли или оные отсылать в Преображенский приказ 8. По делам Бахметева показуется, что некоторый интерес из окладных сборов утрачен, и оный по следованию в Тайную канцелярию взыскивать, или те дела для исследования отослать в камор-коллегию?»[227]

В ответ на это Толстой писал Ушакову следующее письмо: «Государь мой Андрей Иванович! Присланные от вас пункты Его Императорское Величество изволил подписать, которые при сем прилагаю, и ваша милость изволить чинить по оной резолюции; о бабушке изволил говорить: буде Королек с третьей пытки с ней не заговорит, то-де можно и оную попытать, и того ради на оный пункт изволил подписать, чтоб разыскивать. О Акулине для того не изволил ничего подписать, что можете и вы окончать, чего будет надлежать; чтоб дело сие отдать в Преображенский приказ, я докладывал, на что изволил сказать, чтоб вы при себе окончили только самую важность; по делу Лебедкину и, буде коснется до Резанского, чтоб и то также при вас окончать; и Королько дело вам же надлежит окончать; а Левина и других, кого он оговорил, когда уже важности не будет, отослать в Преображенский приказ. Однако же о том ныне письма ко князю Ивану Федоровичу послать не изволил, и без письма, чаю, он не примет; и ваша милость изволь трудиться, как можно скорейше оные дела оканчивать; буде же увидишь, что будут продолжаться, то изволь ко мне писать, чтоб вам и Петербургских дел не упустить. Покорный слуга Петр Толстой, из Коломны мая 16 дня 1722 года». Подлинное письмо писано рукой «тайного действительного советника кавалера графа Петра Андреевича Толстого»[228].

При письме этом Толстой прилагал и самый «экстракт» с написанными на нем своеручными резолюциями Петра. Против первого пункта Петр написал: «на Пензе», против второго: «следовать и смотреть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже сей плут глупый временем мешается»; против третьего: «то же, что и Левину»; против четвертого: «когда важное касаться будет, тогда Сенату прийти в синод и там допрашивать и следовать, чему подлежит»; против пятого

---

[227] Г. А. VI. № 156. Ч. I. Л. 76–78.
[228] Г. А. VII. № 6. Ч. II. № 87.

пункта стоить резолюция: «разыскивать»; шестой, седьмой и восьмой пункты остались без резолюции.

Из всего вышеизложенного видно, что Петр и здесь, как и при присутствии своем в Тайной канцелярии, слушал ему подносимые экстракты по делам и ставил свои резолюции, а кроме того, в разговоре точнее выяснялся смысл и значение некоторых кратких резолюций; тут же давались указания по вопросам, возникавшим у министров при ведении некоторых дел; а все это в совокупности производит впечатление близкого вмешательства и руководства царя делами канцелярии даже при его отъездах из С.-Петербурга. Кроме того, тут же иногда Петр давал указание и общего характера; например: «Его Величество изволил рассуждать, что с раскольниками, которые в своей противности зело замерзели, надобно поступать вельми осторожно, гражданским судом»[229]. Бывало, что по прошествии некоторого времени Петр изменял свои резолюции, и тогда об этом сообщал «министрам»: например, в одном письме к Ушакову Петр делает следующий постскриптум: «ежели вологодскому попу экзекуция не учинена, то обожди ее, пока увидимся со мною»[230]. А экзекуция эта — смертная казнь — была постановлена по резолюции самого Петра[231]. Также Петр изменил свою резолюцию о фискале Санине, сначала решив его казнить, а потом велел даже колесовать[232].

Однако, видимо, этих вышеприведенных возможностей давать канцелярии указы Петру все-таки не хватало, и поэтому нередко он передавал эти указы с помощью третьих лиц; чаще всего это делалось через кабинет-секретаря Макарова, который обычно письмами передавал указы кому-либо из министров канцелярии, в большинстве случаев при передаче дел в Тайную канцелярию. «Благородный господин бригадир и майор от гвардии! — писал Макаров Ушакову в феврале 1720 года, — царское величество указал отослать к Вам раскольщика дьякона Александра и с его доношением, которое он подал Его Царскому Величеству; а что оный раскольщик в допросе сказал, тому записка при сем також прилагается; и оного колодника изволите приказать посадить в город; а что с ним надобно делать, о том я Вам донесу сам. Слуга Ваш моего государя А. Макаров»[233]. И такие письма далеко не редкость в делах Тайной канцелярии. Вот еще пример: в 1722 году от 21 апреля Макаров адресует Ушакову письмо, при котором

---

229 Г. А. VII. № 8. Карт. 6.
230 Там же. № 127. Ч. II. Л. 147.
231 Г. А. VII. № 127 (хотя эта резолюция имела форму «решить по Уложению»).
232 Там же. № 8.
233 Там же. № 57. Л. 1.

препровождает человека, сказавшего за собой «государево слово», по указу Петра для следования в Тайную канцелярию, и в конце этого письма пишет: «и хотя то дело Его Императорское Величество изволите считать за неважное, однако доносителева помещика надобно сыскать и допросить в том, в каком случае он такие слова говорит»[234]. Но бывало, что Макаров устно в канцелярии объявлял указы Петра, которые тогда за подписями министров записывались в указную книгу канцелярии. По поводу отдачи конюшенному двору (царскому) одного отписного двора Кикина «Его Царского Величества именной указ в канцелярии тайных розыскных дел... объявил словесно кабинет-секретарь Алексей Макаров»[235]. Иногда передавали указы Петра о принятии дела в Тайную канцелярию и другие лица (например, Румянцев)[236].

Время от времени Петр давал свои указы собственноручными записками, наскоро набросанными. «Дьякона пытать, — писал Петр в феврале 1720 года в Тайную канцелярию, — к кому он сюда приехал и приставал, и кого здесь знает своего мнения потаенных; а по важных пытках послать с добрым офицером и солдаты от гвардии в Нижний, и там казнить за его воровство, что мимо выбранного старца воровски учинил. Другого, Иону, пытать до обращения или до смерти, ежели чего к розыску не явится»[237]. Мы видим, что тут не простая резолюция, а в кратких чертах намечен весь ход розыска со включением, условно, и приговора.

Подводя итог всему вышеизложенному, нельзя не прийти к заключению о существовании тесной связи, которая, видимо, никогда не прекращалась, между императором и канцелярией. Если Петр был в Петербурге, то он раз в неделю в подробном докладе обстоятельно выслушивал в Тайной канцелярии доклады о ее делах, сам иногда просматривал следственный материал, иногда даже принимал в следствии личное участие. Если его не бывало в С.-Петербурге, то он все-таки слушал присылаемые ему экстракты по делам в докладе кого-либо из министров и так же подробно входил в дела. Насколько вообще Петр входил в дело, видно уже из того, что Тайная канцелярия иногда подготовляла только материал, а уже «что чинить» — это решал сам Петр, как бы в таких случаях вступавший в роль настоящего начальника канцелярии, а не только играя роль высшей санкционирующей власти. Конечно, подобного рода роль Петра проявлялась

[234] Г. А. IX. № 2. Кн. за 1722 г. Л. 100 об.
[235] Г. А. VII. № 6. Ч. II. № 33.
[236] Там же. № 188. Л. 1.
[237] Там же. № 57. Л. 7.

только в особо важных делах канцелярии, однако и в более мелких Петр иногда принимал участие в самом их производстве.

Таким образом, Тайная канцелярия работала не только под непосредственным контролем царя, но и при непосредственном его участии. Конечно, другой вопрос, насколько все это гарантировало правильность и законность действий канцелярии, насколько даже и при таком способе Петр мог ручаться за отсутствие злоупотреблений здесь же, на глазах его.

При таком тесном общении Петра с канцелярией с одной стороны, с другой — при явном стремлении того времени каждое слово царя приравнивать юридически к именному указу, понятно, что способы закрепления всех даваемых, Петром указов являлись очень многоразличными. Конечно, если указ являлся написанным собственноручно Петром, хотя бы на клочке бумаги в виде нескольких чрезвычайно отрывочных фраз, или на экстракте, в виде повелительных отдельных выражений, или в виде письма к одному из министров, то вопрос закрепления разрешался сравнительно просто: сохранялся подлинник или в указную книгу вносили точную копию за рукой министра. Сложнее дело обстояло с изустными указаниями. Если мы внимательно рассмотрим указные книги канцелярии, т. е. книги, на обложке и корешке которых значится «именные указы», то, во-первых, натолкнемся на указы, заранее по известной форме заготовленные, которые только подписывались собственноручно Петром. Сила и значение таких указов, конечно, совершенно несомненны; и такой вид является наиболее как бы правильным типом указа, но в одной из указных книг вслед за целым рядом таких указов идет приписка: «отселе вниз указы вошли за руками Тайной канцелярии министров»[238]. Из этого видно, что указы Петра еще могли записываться и закрепляться как бы в их правильности руками министров Тайной канцелярии. Кроме того, в этой же книге встречаются указы, кем-либо «объявляемые» от имени императора, причем объявляющий министр канцелярии обычно и подписывал указ с такой, например, прибавкой: «Сей Его Царского Величества указ в Тайной Канцелярии объявил я, Иван Бутурлин».

Таким образом, указы императора или записывались им самим своеручно, вне всякой формы, всяких условностей, в большинстве случаев без подписи; или их по известной форме записывали «министры» и скрепляли своими подписями; или написанный по той же форме указ скреплялся личной подписью Петра; или, придя

[238] Г. А. VII. № 6. Ч. I.

в Тайную канцелярию, кто-либо «объявлял» указ, причем он записывался тогда в указную книгу за соответственной скрепой.

Указы, скрепленные самим Петром или министрами, а также указы, кем-либо «объявляемые», обычно записывались по такой форме: «1718 г. марта в 15 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея России... указал по именному своему великого Государя указу» — далее идет самый предмет указа. Существовала еще форма: «По указу Его Императорского Величества (или: “по указу Великого Государя”) тайной советник и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой, генерал-поручик Иван Иванович Бутурлин, от лейб-гвардии Преображенского полку майор Андрей Иванович Ушаков, от гвардии от бомбандир капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, слушав вышеписанного, присланного в Канцелярию тайных розыскных дел из поместного приказа доношение, и челобитие Степана Лопухина приговорили...» идет текст самого приговора... «и о том послать в поместный приказ его великого государя указ. Подписали: Толстой, Бутурлин, Ушаков, Скорняков-Писарев»[239]. В книгах канцелярии с заглавием «именные указы» мы встречаем, видимо, с совершенно одинаковым юридическим значением все вышеизложенные формы указов: они имели абсолютное значение и почитались совершенно одинаково выражением воли императора. С другой стороны, уже из характера тех отношений Петра и Тайной канцелярии, которые мы выше стремились очертить, несомненно следует (вспомним вышеприведенное письмо Ушакову от Толстого), что записывать, регистрировать все те мелкие мнения и замечания, которые делал Петр по поводу разных сторон ему докладываемых дел, было крайне затруднительно, хотя бы в силу очень большого количества их, некоторой иногда условности и неопределенности; однако упускать все это было невозможно, и всем этим надо было руководствоваться, почему, просматривая переписку министров, мы и видим, как тщательно и подробно министры передавали друг другу разные мнения и замечания императора, чтобы все «чинить по сему».

Однако если отношения Петра и канцелярии были так тесны, существовали ли все-таки какие-либо нормы того, когда и для чего требовался указ императора, и что возможно было канцелярии решать без доклада, своей властью? Раз не существовало никаких общих положений, пунктов, регламентов, указов, даже мелких указаний, которые бы как-либо нормировали общими положениями деятель-

[239] Г. А. VII. № 6. Ч. I. Л. 81.

ность канцелярии, то понятно, что никакого общего характера ответа на этот вопрос мы не найдем и не можем найти. Если эта норма и подразумевается, так она выходит как частное, из общего представление Петра о его власти как неограниченно самодержавной[240]; следовательно, и в этом отдельном случае личная воля монарха являлась высшей и в данном случае единственной нормой. Теоретически, рассуждая далее в том же направлении, нельзя не прийти к выводу, что при отсутствии преподанных общих норм и при близости царя к канцелярии личная воля монарха и должна была решать всегда и непрестанно во всем конкретном ходе деятельности канцелярии, что должно быть доведено до нее, а что — нет. Но в таком случае монарх должен был быть осведомлен во всем конкретном содержании деятельности Тайной канцелярии, чтобы решать, в чем должна проявляться его воля, а в чем нет, и в каких размерах и стадиях дел это проявление должно наступать. Фактически это едва ли являлось исполнимым: всего знать, что происходило в Тайной канцелярии, Петр, конечно, не мог и не знал, как мы убедимся, а потому он был вынужден доверять выбранным им министрам канцелярии в том, что во всем скрытом от него самого они сумеют в достаточной степени разобраться и понять, в чем, с точки зрения монарха, должна быть проявлена его воля, а что по его же воле может решиться — или совсем, или отчасти — без непосредственного вмешательства этой воли.

Так воля монарха делегировалась воле министров вследствие фактической невозможности проведения в чистоте принципа долженствования личной воли монарха во всем и непрестанно самой решать о пределах ее прямого вмешательства. Постараемся доказать, что вышеприводимые рассуждения не являются исключительно теоретическим выводом; мы сейчас увидим, что это также обобщение и вывод из несомненных фактов истории Тайной канцелярии.

Из предыдущего изложения было ясно, как Петр фактически стремился по возможности ближе подойти к тому, чтобы каждый факт деятельности Тайной канцелярии не проходил для него скрытым; мы видели, как он подчас глубоко входил в делопроизводство канцелярии, как бы сам стремясь если не все знать, то, по крайней мере, мочь обо всем составить себе представление.

Однако совершенно ясно, что многое, и не очень маловажное, по делам канцелярии не доносилось Петру. У нас есть прямое указание,

---

[240] См. статьи 19 и 20 «воинских артикулов» и толкование к ним: П. С. З. Т. V. С. 325.

что императору доносили часто о том, о чем донести министры считали необходимым, а отнюдь не обо всем. В одном письме Бутурлин пишет в 1721 году Толстому, что он прилагает при этом письме экстракт по делам Тайной канцелярии «для известия Вашему Превосходительству», «по которому о чем надлежит, по своему благоразумному рассуждению хотя и Его Царского Величества доложить». Из этого ясно, что Толстой докладывал только то, что считал нужным; едва ли возможно другое толкование этой фразы; да и кроме того, имеется еще подобное указание: Толстой в другом письме Бутурлину (1721 год) пишет, что о говорении уже осужденным преступником Курзанцевым вновь за собой «слова и дела», об этом «мнится мне, что трудить докладом Царского Величества не для чего»[241]. Так иногда рассуждали министры; но в других случаях бывало наоборот: доклад царю представлялся совершенно необходимым; дело, например, полковника Скорнякова-Писарева «не решено за неимением времени к докладу Его Императорского Величества, а без доклада оного дела решить не возможно»[242]. В другом письме Ушакову Толстой пишет, что о деле Санина «чаю, надлежит доложить Императорского Величества»; я позволю себе продолжить эту цитату: «понеже, объясняет Толстой, изволил Его Величество мне повелеть, чтоб Санина казнить умедлить для того, что Его Величество изволил иметь тогда намерение сам его Санина видеть»[243]. Докладывать же о Курзанцеве Толстой считал излишним, «понеже он, отбывая смертные казни, может и часто такие бездельные доношения подавать, продолжая жизнь свою»[244]. Иначе было при тех делах, где мог быть заподозрен больший сравнительно к ним интерес Петра; тогда министры доносят обо всем царю подробными письмами через Макарова, прося на все указов. Так, когда Петр прислал в канцелярию дело о сержанте Кудрявцеве, у которого сбежало с дороги пять ссылавшихся «раскольщиков», то Ушаков в письмах Макарову доносил и просил указа по этому делу: «а какое им решение учинить, о том, доложа Его Царского Величества, изволь меня уведомить»[245], — пишет Ушаков, видимо, сам совершенно не осмеливаясь даже и предположительное решение представлять царю. В мае 1721 года Макаров по указу Петра присылает к Ушакову в Тайную канцелярию раскольников для следования. Ушаков, посылая Макарову известие об определении, которое

[241] Г. А. VII. № 64. Л. 117.
[242] Там же. № 6. Карт. 2. Л. 61 об. («Протокол 1724»).
[243] Там же. № 103. Л. 267–269.
[244] Там же. № 64. Л. 117.
[245] Там же. № 66. Л. 9.

вынесла этим раскольникам Тайная канцелярия, прибавляет в письме: «не позволит ли об них доложить Его Царскому Величеству: ежели их содержать по разным казармам, то оные не в работе будут, и напрасно станут хлеб есть; а не лучше ли, чтоб им на работу ходить, а к ночи в разные б казармы сажать»[246]. Вот какие мелочи иногда доводили до решения царя, а по гораздо более существенным делам — о жизни людей — решали, что докладом царя трудить не для чего.

Из двух вышеприводимых кратких мотивировок нежелания доводить до сведения Петра видно, что играли в этих случаях роль мотивы отнюдь не принципиального характера, а, во-первых, интерес, проявляемый Петром именно к данному делу, во-вторых, «важность» дела. Понятно, что, в первом случае надо было докладывать царю, раз он сам спрашивает и интересуется всем ходом дела; а во втором случае, если дело было «важное», то являлась возможность гнева царя за то, что не доложили ему о таком деле. Из одного места письма Ушакова определенно видно, что докладывать о решениях по неважным делам (и не влекущим за собой больших по понятиям того времени наказаний) министры считали далее совершенно ненужным. «В канцелярии здесь, — пишет Толстому Ушаков, — вновь важных дел нет, а имеются посредственные, по которым тако ж, яко и прежде, я доносил, что кнутом плутов посекаем да на волю отпускаем»[247]. С другой стороны, раз дело важное (вроде дела Скорнякова-Писарева), то без доклада его решать считается невозможным, и далее следствием его прекратить (ввиду ожидающейся передачи дел канцелярии в Сенат) «то мнится мне», пишет Толстой, «не безопасно нам будет»[248]. Таковы были те основания, которыми руководствовались, министры Тайной канцелярии, вводя императора в дела канцелярии. Но кроме того, весьма часто Петр сам давал канцелярии указом при рассмотрении дела безграничную свободу в решении данного дела. На докладе Толстого Петр среди других указов уполномочивает «о кнезе Мещерском и о прочих с ним разыскивать и чинить по рассмотрению»[249]. Однако это «рассмотрение» в совершенно преобладающем количестве случаев заменялось «Уложением»: резолюции Петра о решении данного дела «по Уложению» встречаются довольно часто: «По именному Его Императорского Величества указу велено то дело решить по Уложению»[250], — записывает в свой реестр

[246] Г. А. VII. № 87. Л. 37.
[247] Там же. № 103. Л. 165.
[248] Там же. № 8, 5.
[249] Там же. № 8, 2.
[250] Там же. № 7. Ч. III.

подканцелярист Тайной канцелярии Семен Шурлов. Протодьякона Непенина и Никитина, уличенных в непристойных словах про царское величество, указом Петра велено было судить «по Уложению» (1724 год)[251]. Из того, что после Петр просит в письме Ушакову, «если экзекуция (над преступниками) не учинена, то обожди ею, пока увидимся со мной», видно, что в случае указа решить по Уложению самое это решение по Уложению уже приводится в исполнение без особой санкции императора. Иногда же Петр указывал: дела отправлять для решения в Сенат, причем как бы давалась заранее санкции сенатскому решению. «Послать для решения в Сенат, и что приговорите, по тому чинить», — кладет резолюцию Петр по одному делу, в экстракте представленному ему Тайной Канцелярией[252]. По делу о доношении дьяка Болшова на Ал. Нарышкина следует указ Петра: «отослать в канцелярию Сената, и по тому делу, что в Сенате приговорят, так там и учинить»[253]. Дело подьячего Курзанцева император тоже, «будучи в канцелярии тайных розыскных дел» указал «отослать в Сенат и им Курзанцевым разыскивать и по тому делу указ учинить, чему надлежит»[254].

Так обстояло дело в действительности; приведенные нами выше рассуждения, думается, в большой мере доказываются изложенными фактами, а отсюда получается ответ на поставленный вопрос о нормах того, когда требовался указ императора, а когда канцелярия могла обходиться без царского указа и в какой мере. Ответ заключается в том что личная воля монарха как бы стремилась во всех делах решать все сама, что фактически свелось к вынужденному делегированию царем в известной, совершенно произвольной — в зависимости от того или иного случая — части своей власти министрам. Однако всегда это делегирование совершалось все-таки «по указу Его Императорского Величества».

Как с самых первых шагов деятельности Тайной канцелярии, так и в самое последнее время царствования Петра каждое решение-приговор Тайной канцелярии облекалось в известную форму за подписями министров; непременно все приговоры о наказаниях оформлялись таким образом, и всегда эти решения-приговоры начинаются фразой: «по указу Его Царского (Императорского) Величества». Мы только что видели, что часть определений-приговоров в этом начальном выражении заключала смысл не прямого конкретного указа, а указа общего характера, из которого собственно решение

[251] Г. А. VII. № 127.
[252] Там же. № 83.
[253] Там же. № 6. Ч. II. Л. 98.
[254] Там же. № 79. Л. 97.

канцелярии пришлось уже выводить министрам. И этот конкретный вывод являлся равносильным именному указу, так как являлся (хотя бы и фиктивно) просто необходимым, неизбежным следствием (и не более) настоящего указа, как бы только частным случаем, который уже предусматривался в указе, а «министрами» только оттуда извлекался — и более ничего. Мы это видели на определениях канцелярии, постановленных по указу царя о решении данного дела «по Уложению». То же знаем мы в еще сильнейшей степени об определениях-приговорах канцелярии по делам о ложном сказывании «слова и дела». Мы приводили отрывок из письма Ушакова о «посредственных» делах, по которым плутов просто кнутом посекали и на волю отпускали своей властью без всяких докладов царю. А между тем большинство этих дел имеют по установленной форме решение: «По указу Его Императорского Величества Канцелярия тайных розыскных дел, сего дела слушав, определила...» и т. д.[255] Здесь уже может иметься в виду общий указ 1722 года о следовании по «слову и делу» в Тайной канцелярии, а также вообще устанавливающаяся в Тайной канцелярии тенденция решать дела по Уложению.

С другой стороны, были определения, утверждавшиеся Петром, или, точнее, санкционировавшиеся им. Толстой, доложив Петру по письму Ушакова об определении по одному делу, отвечает Ушакову: «указал Его Царское Величество к вам писать о раскольниках, которые по определению вашему посланы в Ревель, тем быть так»[256] (май 1721 года). Иногда же определения являлись следствием прямых по данному делу данных конкретных указов императора. Несколько дел были решены Петром, вероятно, по экстрактам, и указ этот «объявлял в Тайной канцелярии» А. И. Ушаков (где по обычаю он был занесен в указную книгу). В конце каждого из решенных в этом указе дел имеется все-таки «определение» Тайной канцелярии, помеченное несколькими днями позже указа, по обычной форме начинающееся словами: «по указу Его Императорского Величества...», и здесь такое выражение имеет настоящее, всецело реальное значение. Так же и по делу о двух солдатах (один донес на другого в бунтовщических словах) состоялся указ Петра, объявленный Ушаковым, и вслед за этим в деле идет «определение» канцелярии, точно исполняющее указ[257]. Подобное же «определение», как прямое следствие указа царя, имеем мы и еще в одном деле; только это определение вносит дополнительно несколько

[255] Г. А. VII. № 29 (см. любое дело).
[256] Там же. № 87. Л. 43.
[257] Там же. № 163.

распоряжений о способах выполнения указа (как отправлять ссылаемых, как их содержать и проч.)[258]. Это было в 1723–1724 годах.

Таким образом, если, с одной стороны, в определениях Канцелярии тайных розыскных дел начальная фраза их «по указу» и т. д. действительно всегда обозначала подлинное существование такого указа, то, с другой стороны, не всегда этот указ являлся непосредственным, конкретным основанием: или он являлся только общим основанием для определения наказания данному преступнику, или он даже являлся общим основанием и по отношению к налагаемому наказанию, и по отношению к самому преступнику. Из этого ясно, что пределы, в которых Петр передавал свою власть министрам, были иногда чрезвычайно широки и неопределенны. Но тут действительность заставляла Петра все-таки идти в определенном направлении. Учащение и замену конкретных сепаратных указов общими как будто можно наблюдать в течение всего существования Петровской Тайной канцелярии, и в результате этого процесса мы видим, что Тайная канцелярия на вопрос о новоучиненных сверх Уложения «особливых именных» указах, у нее имеющихся, отвечала доношением, что кроме дел суздальского и кикинского «другие дела, касающиеся до его государской чести, вершены по Уложению... и по военному Артикулу»[259].

Таким образом, даже уже к 1721 году Тайная канцелярия начинает действовать не через сепаратные указы. Однако это утверждение является чересчур усиленным. Как мы видели, в это время очень действовали и сепаратные указы, но общая тенденция в направлении всей деятельности канцелярии, пожалуй, сказывается в этом ответе.

В момент образования Тайной канцелярии в Петербурге во все время, пока шло царевичево дело и дела, к нему примыкающие, суздальское и кикинское, фактическим начальником канцелярии является Петр. Тогда о роли его указов говорить не приходится: он целиком распоряжался ее делами, но, конечно, отчасти иногда доверялся своим помощникам — более исполнителям его прямых велений, чем действительно «министрам» канцелярии. Однако и по прошествии этого особенного периода в действовании канцелярии все-таки Петр не хотел упускать из своего ближайшего наблюдения ее дела и раз в неделю ездил в канцелярию, где министры делали подробные о делах доклады, а иногда Петр и сам знакомился с следственными данными и допрашивал колодников. Когда ему приходилось уезжать в путешествие и, вероятно, также когда он был очень

[258] Г. А. VII. № 173.
[259] Там же. № 69.

занят, то он все-таки требовал неуклонно к себе экстракты по делам канцелярии, и кто-либо из бывших при нем министров докладывал ему, и Петр, как и во время «слушания» в самой канцелярии, так и тут, стремился войти, где находил нужным, поглубже в дело, давая разные мелкие указания по следствию; однако иногда, расширяя указание, Петр повелевал министрам «чинить по рассмотрению». Между тем являлись резолюции, чтобы дела решать по Уложению. Это, помимо сепаратных об этом указов, стало входить в общую практику, в принцип действования Тайной канцелярии. Не отражение ли этого имеем мы в таком малозначительном, собственно, факте: в 1718, 1719 и 1720 годах Толстой, Ушаков, Бутурлин и Скорняков-Писарев звались исключительно «министрами» канцелярии; в начале же 20-х годов это название исчезает, и Толстой с товарищами уже определенно и часто именуются «судьями» Тайной канцелярии. Если в первое время они были действительно только управлявшими Тайной канцелярией, властью административной — а таково для того времени вероятное значение слова «министры», — то к 1725 году они действительно стали властью судебной, т. е. «судьями», так как им самим была постепенно вверяема судебная власть, вначале почти целиком бывшая в руках самого Петра. Однако если этот процесс, бесспорно, начался, то он только начался, отнюдь не закончившись: мы видели, что в последние годы своей жизни Петр все-таки в некоторых случаях — и не особенно редко — лично входил по-старому в дела канцелярии.

Так по мере разрастания, в силу многих совокупных соображений, делегирования Петром своей власти «министрам», они переходили в «судей», а отсюда и вся Тайная канцелярия изменяла свой характер: выросши из личной канцелярии при доверенном человеке царя, в дело которой постоянно и неуклонно входил сам царь, в этом направлении перешедшее в административное, непосредственно Петру подчиненное учреждение, понемногу Тайная канцелярия начинала принимать характер судебного учреждения, в силу некоторых причин специализировавшегося на делах по государственным преступлениям. Так взаимоотношения императора и канцелярии в их истории отразились на характере Тайной канцелярии как учреждения.

В заключение этой главы я позволю себе обратить внимание на ту безусловную параллель, которая так сильна в отношениях императора к Тайной канцелярии и к тем из майорских канцелярий, которых мы касались в первой главе. Например, относительно канцелярии Дмитриева-Мамонова мы видели, что Петр так же бывал в этой канцелярии для слушания дел; так же иногда Мамонов и в других местах докладывал Петру по делам канцелярии; так же Петр слушал

и расспросные речи, и доносительные пункты; так же в это время давал указы, иногда устно, которые и записывались почти совершенно по таким же формам, как это делалось в Тайной канцелярии; так же Петр входил иногда в детали розыска, ему аккуратно докладывавшиеся, и делал распоряжения о дальнейшем направлении розыска; так же иногда указы царя передавались, «объявлялись» другими лицами; наконец, так же императору подносились докладные выписки о делах.

А в канцелярии Матюшкина мы видим и приговоры «по указу великого государя», по форме своей тождественные приговорам по Тайной канцелярии, так же дела в канцелярию передавались часто с указами, иногда подробными, Петра через Макарова; так же Петр делал краткие собственноручные резолюции на представляемых ему канцеляриями реестрах и докладных выписках о делах. Словом, Петр входил так же часто и непосредственно и в тех же формах в дела Тайной канцелярии, как это бывало по отношению к большинству (если не ко всем) майорским розыскным канцеляриям. Все это как будто еще раз (и не последний, как увидим) подчеркивает и подтверждает ту связь преемственности с одной стороны и некоторого тождества с другой, о которых мы говорили во второй главе, между Тайной канцелярией и канцеляриями майорскими розыскными.

Глава шестая
Министры Тайной канцелярии

I

Мы видели в третьей главе, что с марта 1718 года, со второго розыска, когда дело царевича Алексея следовалось уже в Канцелярии тайных розыскных дел, во главе следствия стояли четыре лица, из которых трое это следствие вели с самого его начала. Это были: Толстой, Ушаков и Скорняков-Писарев, а четвертый «следователь», И. И. Бутурлин, был присоединен уже в Петербурге указом Петра. Мы цитировали одну запись в указной книге Тайной канцелярии за 1718 год, где именно эти четыре лица названы «министрами» Тайной канцелярии. Следя далее за делами канцелярии, нетрудно убедиться, что эти «министры» являлись главными начальствующими лицами канцелярии за весь Петровский период ее существования. Достаточно сделать в кратких общих чертах обзор их функций, вскрывающихся из делопроизводства канцелярии, дабы убедиться, что именно таково было их положение в Тайной канцелярии. Во-первых, все без исключения приговоры, определения, постановления, от имени канцелярии делаемые, подписаны или всеми, или некоторыми из этих четырех «министров», и более никто кроме них постановлений по канцелярии не делал; во-вторых, они и только они докладывали Петру дела по канцелярии, выслушивали его указы и за своими подписями записывали их в указных книгах; в-третьих, все дела препровождались обычно на имя кого-либо из министров, и в их власти было принять дело или не принять; в-четвертых, они являлись главными лицами при всем делопроизводстве в канцелярии: все зависело от них, все разрешали и направляли они и только они, с ними сносились все дьяки канцелярии, им «рапортуя» и у них спрашивая «указов».

Таким образом, во главе Тайной канцелярии стояло четыре лица: Толстой, Ушаков, Бутурлин и Скорняков-Писарев — непосредственно ей управлявшие. Мы в третьей главе уже разбирали, каким образом эти четыре «министра», каждый из них в отдельности, входили постепенно в Тайную канцелярию; ко времени же окончательного образования учреждения (в Петербурге, в марте 1718 года) все эти лица как бы сравнялись, став во главе учреждения и получив общее наименование: «министры Тайной канцелярии». Займемся более подробным рассмотрением их роли и деятельности во врученном им учреждении. Прежде всего остановимся на их деятельности внутри самой канцелярии.

Как мы уже видели из письма Макарова к Бутурлину и Толстому (см. предыдущую главу), «министры» должны были присутствовать

в Тайной канцелярии и докладывать царю во время его в ней пребывания один раз в неделю — именно утрами по понедельникам — мы уже видели, что во время этих посещений царем канцелярии министры должны были предлагать Петру «экстракты» по делам для резолюции, причем обычно о каждом деле кроме краткой резолюции, видимо, еще бывали дополнительные указы, дававшиеся во время разговора; указы эти, точнее указания, министры должны были точно усваивать, дабы иметь возможность «по сему чинить». Мы видели, что Петр иногда сам присутствовал при розысках и допросах, и, значит, министры, тоже присутствуя, распоряжались всем как посвященные в детали дела докладчики царя. Но министры присутствовали часто в Тайной канцелярии уже в роли ее управляющих, делая распоряжения, подписывая определения и приговоры. С тех пор как (в 1724 году) была заведена запись всего происходящего в Тайной канцелярии в виде книги «протоколов», мы имеем возможность точно знать по записям, что, например, «того ж числа в Канцелярии тайных розыскных дел был генерал-майор и лейб-гвардии майор господин Ушаков, а в бытность его определено»[260]; или «в Канцелярии тайных розыскных дел были: господин тайный действительный советник кавалер и от лейб-гвардии капитан его сиятельство граф Толстой, господин генерал-майор и лейб-гвардии майор Ушаков, а в присутствии их учинено»[261]; но если только с 1724 года стали более или менее правильно записываться их решения, то из этого не следует, что этих посещений ранее не бывало; сведения о них мы находим в делах за все время существования канцелярии в Петровское царствование, как сейчас убедимся; и в 1719, и в 1720, и 1721, и в 1722, и 1723 годах — от всего этого времени имеются, хотя и отрывочные, но точные известия о таких «присутствованиях» министров в Тайной канцелярии. При рассмотрении этих известий явится для нас возможность более или менее выяснить, чем занято было при этом время министров.

В 1719 году архимандрит Александро-Невского монастыря присылает для следования в Тайную канцелярию одного монаха, сказавшего за собой «слово и дело». Когда оговоренные этим монахом лица были сысканы и доставлены в Тайную канцелярию, то архимандрит этот был «спрашиван» «перед действительным тайным советником, кавалером и от лейб-гвардии капитаном Петром Андреевичем Толстым»[262]; и потом еще неоднократно есть указания в этом деле,

[260] Г. А. VII. № 6. «Протокол» за 1724 г. Л. 1 об.
[261] Там же. «Протокол» за 1725 г. Л. 60 об. См. там же. Л. 12 об.
[262] Г. А. VII. № 54. Л. 7 об.

что допросы шли иногда перед всеми, иногда перед некоторыми только министрами. В том же году точно так же допросы по другому делу — о человеке, сказавшем, что государю недолго жить, — велись в присутствии, перед всеми четырьмя министрами[263]. 1 ноября 1720 года раскольщик Семенов в Тайной канцелярии, «в Канцелярии тайных розыскных дел», «о вере в подтверждение распрашиван» перед П. А. Толстым[264]. В следующем, 1721 году 27 ноября «в канцелярию Тайных дел во время съезду Его Превосходительства тайного советника, кавалера и гвардии капитана Петра Андреевича Толстого да генерал-майора и гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова, полковника и гвардии майора Г. Г. Скорнякова-Писарева баба Акулина Григорьева дочь была привожена для расспросу паки и увещанья, чтобы она по совести себя в том признала»[265]. В 1722 году «октября 18-го дня в Канцелярии тайных дел перед генерал-майором Андреем Ивановичем Ушаковым... бывший поп Семен Иосифов объявил: имеет-де он...» и т. д.[266]

В 1724 году «августа в 27-й день в Канцелярии тайных розыскных дел при присутствии тайного действительного советника сенатора и от лейб-гвардии капитана, превосходительного господина графа Толстого, генерал-майора и от лейб-гвардии майора господина Ушакова бабам... в спорных меж ими словах дана очная ставка»[267]; и «1725 года апреля в 19 день в Тайную розыскных дел канцелярию при присутствии их сиятельства и превосходительства господ министров расстрига Степан Выморков во время слушанья из дела об нем обстоятельной выписки, взят во оную канцелярию и со увещанием спрашивали... и он Степан сказал»[268].

Не надо упускать из виду, что мы имеем много «приговоров» и «определений» Тайной канцелярии за подписями самого разного числа министров (от всех — до одного) и относящихся к разному времени, где попадается постоянно фраза: «слушав сего доношения» или «слушав сей выписки», министры определили или приговорили, а это «слушание», надо полагать, почти всегда происходило в Тайной канцелярии. Мы даже имеем известие, что Ушаков ночевал иногда в помещении канцелярии[269].

---

[263] Г. А. VII. № 43. Л. 5.
[264] Там же. № 65. Л. 246.
[265] Там же. № 103. Л. 44.
[266] Там же. № 121. Л. 7.
[267] Там же. № 173. Л. 14.
[268] Там же. № 198. Л. 139.
[269] Там же. № 6. «Протокол» 1724 г. Л. 102.

Все вышеприводимые данные дают возможность достаточно полно уяснить себе предметы занятий министров Тайной канцелярии при их «присутствованиях». Так, главным предметом занятий министров был допрос свидетелей и постановление приговоров обвиняемым; допросы бывали с увещанием и, можно думать, с пытками. С допросами иногда было сопряжено чтение министрам выписок из дела; видимо, более серьезные показания обвиняемых пред произнесением приговора выслушивались от самих обвиняемых «в подтверждение»; при допросах делались, очевидно, и очные ставки колодникам, если их находили нужными.

Все это, сколько можно судить, и было главным предметом занятий министров, но этим не все исчерпывалось. Есть указание, как мы видели, что иногда приходили колодники канцелярии (т. е., точнее, их приводили по их требованию), и они «объявляли» присутствующим министрам важный новый донос или какое-либо важное дополнение к уже сделанным признаниям. Кроме того, иногда занимались министры и разборкой наиболее важных поступавших бумаг, причем клали свои резолюции о дальнейшем их направлении; по крайней мере, относительно Ушакова мы имеем точное об этом известие[270]. Конечно, массу разных более мелких дел дьяки и подьячие предлагали тут же на разрешение министров. До нас дошла целая тетрадь под заглавием «Записка приказам Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого»; все его мелкие приказы (о содержании колодников, об отпуске бумаг и проч.) здесь распределены по числам и годам.

Такова в общих чертах деятельность министров при их присутствовании в Тайной канцелярии. И деятельность эта совершенно не зависит от количества присутствующих министров. Сколько бы их ни было, и один, как и двое, как и все, видимо, имеют формально одинаковую власть и занимаются всем нами вышеизложенным при своем «присутствовании» в канцелярии. Получается впечатление, что все министры так же полномочны в делах и их производят, как и один; и это не только при «присутствованиях», но и вообще при управлении делами канцелярии. Мы встречаем случаи, когда один министр начинает дело, другой его продолжает. Когда два министра по одному и тому же делу в разных его стадиях шлют свои указы дьякам, которые одинаково исполняют приказания обоих. Немного ниже, впрочем, мы увидим, что это впечатление верно только с чисто формальной стороны. Есть все-таки значительная разница между положением министров и в отношении их друг к другу, однако, как увидим,

[270] Г. А. VII. № 127. Напр., л. 16.

это разница во влиянии, а не в размерах власти, как-либо установленных какими-нибудь нормами.

В 1719 году по одному делу о ложном сказании «слова и дела» определение учинено за подписью одного Бутурлина, и все дело, очевидно, велось только при нем[271]. В том же году следовалось большое дело о доносе одного монаха на другого в «непристойных словах», и многочисленные по нему определения подписывали разные министры в разном составе. Определение о выдаче награды за правый донос подписал один Толстой[272]. В 1722 г. одно дело (о «слове и деле») все целиком ведет один Ушаков, он один подписывает и «определения» по нему[273]. В 1722 же году имеется дело, тоже веденное целиком исключительно Г. Г. Скорняковым-Писаревым[274]. В следующем, 1723 году один приговор — о нещадном битье кнутом за ложный донос — подписал единолично Толстой[275]; в 1722 году один колодник по «слову и делу» был держан в Тайной канцелярии, причем в начале дела «определения» подписывал единолично Скорняков-Писарев, а в конце дело ведет Толстой, и уже один он подписывает приговоры-указы[276]. Еще так же рельефно обнаруживается эта практика передачи одним министром начатого дела другому в одном деле от 1722 года, начатом при определениях одного Скорнякова-Писарева, а конченом уже по определениям и приговору П. Толстого[277].

Едва ли можно тут говорить о каких-либо различиях в сорте, так сказать, дела, сообразно чему из дел выделялись бы только некоторые, возможные к единоличному решению одного из министров; никаких следов этого подметить не удалось, что заставило склониться к предположению о выражении в этой практике только формального равенства полномочий министров в решении дел канцелярии и отсутствия требования коллегиальности при решениях дел. Далее встретим намек на то, что эта коллегиальность понималась скорее потенциально и, пожалуй, иногда как необходимая при некоторых делах, по особым каким-либо обстоятельствам. Бывало, как мы указывали, иногда так, что по одному и тому же делу присылали свои «ордеры» два министра, а дьяки точно исполняли их. В имеющемся

[271] Г. А. VII. № 29. Карт. 1. № 11.
[272] Там же. № 54. Л. 48.
[273] Там же. № 72.
[274] Там же. № 82.
[275] Там же. № 167.
[276] Там же. № 116.
[277] Там же. № 82.

у нас примере противоречий между этими «ордерами» различных министров (Ушакова и Скорнякова-Писарева) не встречается[278], что вообще, вероятно, может быть объяснено существованием переписки министров между собой с предварительным обменом мнений, который, видимо, происходил довольно оживленно: письма министров друг к другу сохранились отрывочно во многих делах канцелярии.

«Государь мой милостивый Петр Андреевич, — писал, например, Ушаков Толстому в ноябре 1722 года, — о состоянии здешнем доношу: за помощью Вышнего все благополучно. Из Москвы отправил я двух курьеров до Вашего Превосходительства с выписками по Левину делу, и оные до Вашего Превосходительства прибыли ль, о том я неизвестен и зело сомневаюсь, живы ль они... в канцелярии здесь вновь важных дел нет, а имеются посредственные... Только мне зело мудрено Новгородское дело, ибо Акулина многовременно весьма больна... а дело дошло, что надлежало было ее еще разыскивать, а для пользования часто бывает у нее доктор, а лекарь беспрестанно. Колодников имеется по делам ныне 22 ч.»[279] На это письмо Толстой отвечает: «Государь мой Андрей Иванович, письмо ваше, моего государя, от 20 сего января получил я вчерашнего числа в целости, за которое и за уведомление по оном благодарствую и сим моим ответствую. Сомнением вашим, государь мой, по новгородскому делу я весьма согласуюсь; и что распопа Игнатий при смерти скажет, на том можно утвердиться, и по тому его последнему допросу и бабам указ учинить, чего будут достойны, и тем оное дело окончать»[280]. Очевидно, подобными письмами обменивались и Скорняков-Писарев с Ушаковым[281]. Конечно, обмен письмами происходил в небытность кого-либо из корреспондентов в Петербурге, но из этого можно заключать, что дела канцелярии, вероятно, всегда обсуждались предварительно министрами, и уже потом результаты такого обсуждения обращались в официальные поступки, определения, приговоры, хотя бы и бывшие за подписью только одного министра. Однако все-таки коллегиальности нормальной и правильной — как мы ее теперь понимаем — в решении дел канцелярии министрами, видимо, не существовало.

Кроме этой деятельности в недрах самой канцелярии министры (как мы уже видели из 5-й главы) докладывали вообще везде и всегда

[278] Г. А. VII. № 29. Карт. 1 (№ 29).
[279] Там же. № 103. Л. 165.
[280] Там же. Л. 267–268.
[281] Там же. № 139. Л. 11.

императору по делам канцелярии, обычно извещая друг друга о таких докладах. Пересылая Толстому выписки для доклада Петру по делам канцелярии, Бутурлин кончает письмо: «и какой будет указ, и о прочем, что чинить, прошу покорно Вашего Превосходительства ко мне отписать»[282]. Что эти «отписывания», самые подробные, имели место, вероятно, нередко, образцы этому мы видели в предыдущей главе, где приведен отрывок из переписки, с достаточной ясностью характеризующий как подробно министры уведомляли друг друга о докладах своих императору.

Но не только царю делали доклады министры, докладывали они, когда требовалось по делам канцелярии, и Сенату, роль которого по отношению к канцелярии, как впоследствии увидим, была ролью апелляционной инстанции. Капрал астраханского полка оклеветал офицеров этого полка в том, что они стреляли в портрет государя; после произведенного по этому делу Тайной канцелярией следствия «августа в 27 число генерал майор Андрей Иванович Ушаков по означенной выписке докладывал правительствующему Сенату, и правительствующий Сенат, слушав вышеописанной выписки...»[283] и т. д. Скорняков-Писарев пишет Ушакову: «При сем же доношу, что по прежним вашим ко мне письмам и при оных по предложенным в Сенат доношениям из Володимира-Рождествена монастыря о архимандрите Гедеоне да о подьячем Попове я предлагал и они по оным доношениям без Императорского Величества решения не учинили»[284]. Ко всем остальным учреждениям империи Тайная канцелярия посылала или указы, или промемории, хотя в Вышний суд и Синод писались «доношения», однако никакой подчиненной зависимости не существовало, а потому только в Сенате и приходилось докладывать министрам Тайной канцелярии.

При отъезде «министров» из Петербурга и из Москвы их деятельность по управлению Тайной канцелярией ее прекращалась, в таких случаях дьяки канцелярии тщательно доносили им письмами обо всем в канцелярии происходящем. Надо заметить, что такого рода переписка велась почти исключительно с Толстым и Ушаковым и чрезвычайно мало с двумя другими министрами. К объяснению этого преимущественного обращения мы вернемся немного позднее. В одном деле от 1721 года до нас дошло изрядное количество писем министров к Топилскому — тогда секретарю канцелярии — со всевозможными

[282] Г. А. VII. № 111. Л. 16.
[283] Там же. № 29. Карт. 2. № XLI. Л. 28.
[284] Г. А. VII. № 139. Л. 2.

распоряжениями о делах канцелярии (о приеме новых дел, как расспрашивать колодников, о чем вести допросы, как колодников держать и проч.). Все это были ответы на запросы, с которыми секретарь постоянно в длинных письмах обращался к министрам[285]. Дошел до нас ряд таких писем секретарей к отсутствующим «министрам» Ушакову, Толстому и редко Скорнякову-Писареву и от 1722 года, тут опять наглядно видно, как за каждой мелочью секретари обращались к «министрам», обо всем прося «ордеров», а министры ставили даже приговоры на основании доставляемых им от секретарей материалов. Вот как, например, Ушаков из Москвы в 1722 году пишет Топилскому в С.-Петербург: «Господин секретарь Топилской. Присланный из Канцелярии тайных дел дому Василья Арчаковского женки Ирины Афанасьевой дочери, с расспросных речей и очных ее ставок, с бабою Акулиною копий, слушав, мы определили из Канцелярии тайных дел ее Ирину свободить до указу на росписку, для того спрашивана она Ирина против расспросу Акулинина токмо в одном свидетельстве, но такого свидетельства оная Ирина не показала и потому осталась в показанных словах оная Акулина с Арчаковскою, а в росписке написать, как ее Ирину впредь спросят, и им росписщиком поставить ее немедленно. Слуга ваш Ушаков Андрей. Февраля 23-го г. 722. Москва»[286]. А со своей стороны секретари, в данном случае — Топилский, пишут такие, например, письма: «Превосходительный господин генерал-майор и лейб-гвардии майор, милостивый государь мой Андрей Иванович, Вашему превосходительству покорно доношу: по присланному ко мне ордеру сего мая 22-го дня по извету камер-коллегии вахмистра Максима Перова о словах князя Дмитрия Михайловича Голицина дворецкого Михаила Подамукова я следую, в чем явились ныне 5 человек, которых я расспросил, а по тем расспросам надлежит, сыскав, спросить разных чинов людей еще 9 человек, и оных, государь, я спрашивать буду, а расспрося, дав им очные ставки, что покажется, из того всего учиня выписку, вашему превосходительству донесу впредь. За рукою секретаря Ивана Топилского мая 24-го дня 1722 году»[287]; и целым рядом писем, часто по более даже мелким поводам, министры и в своем отсутствии продолжали управлять канцелярией. Когда в 1722 году один колодник Тайной канцелярии сказал за собой «слово и дело», Топилский, допросив его, записал расспросные речи и обо всем доносит письмом Ушакову, не считая себя вправе

[285] Г. А. VII № 103.
[286] Там же. № 126. Л. 82.
[287] Там же. Л. 13.

действовать далее самостоятельно, прилагая выписку и требуя ордера «впредь о том, что чинить»[288].

В том же году вахмистр Петров и некто Подалецкий делают доношение в канцелярии о важном деле. Допросив их в кратких чертах, в чем дело, Топилский об этом доносит Толстому, говоря, что ничего не смеет без его повеления, на что Ушаков отвечает письмом с подробным указанием, как вести дело далее. Исполняя согласно данным указаниям, Топилский продолжает обстоятельно доносить Ушакову[289]. В то же время по другому делу Топилский, приняв новое дело в отсутствие Ушакова и сообщая ему об этом, пишет, что колодников и бумаги о них «в Канцелярии тайных розыскных дел без повеления Вашего Превосходительства принять не смею», а «принял я того ради, что по указу Его Императорского Величества... велено таковых людей присылать в Канцелярию тайных дел[290]. На это Ушаков приказывает письмом все дело «принять и исследовать»[291].

Все вышеприводимые данные говорят с достаточной определенностью о том, насколько всегда и всюду министры канцелярии путем письменных сношений управляли делами вверенной им канцелярии.

В таких общих чертах обрисовывается перед нами деятельность министров Тайной канцелярии. Попавшие в канцелярию еще в период ее образования, доверенные люди Петра, они в начальный период истории канцелярии являлись, видимо, теми особенно приближенными от гвардии офицерами, которым Петр поручал в большей или меньшей степени розыск по царевичеву и к нему примыкающим делам. Когда сгруппированные у одного дела эти штаб- и обер-офицеры для розыскных дел вошли уже в сформировавшееся учреждение, «Канцелярию тайных розыскных дел», там они стали носить название «министров» и стали во главе управления делами канцелярии. Мы видели в третьей главе, что все эти штаб-офицеры собрались, сгруппировались в канцелярии вокруг наиболее влиятельного из них и наиболее принимавшего участие в розыске, а именно П. А. Толстого. Мы видели во второй главе, как образовывались майорские розыскные канцелярии, как группировались во главе каждой канцелярии несколько управлявших ею от гвардии офицеров, как делами ее управляли почти на равных основаниях и другие в этой канцелярии присутствующие офицеры-асессоры, а иногда эти последние даже самостоятельно докладывали Петру, однако

[288] Г. А. VII. № 70. Л. 138.
[289] Г. А. VII. № 126.
[290] Г. А. II. № 124. Л. 2, 3.
[291] Там же.

несомненный приоритет, более или менее ясно выраженный, все-таки всегда оставался за главой канцелярии, чему еще способствовал сравнительно низкий чин и обычно меньшая приближенность к царю асессоров канцелярий. Мы уже имели случаи говорить, что это обстоятельство в Тайной канцелярии, ввиду особливости дела, ей порученного, являлось несколько отличным. Прибавленные к Толстому для царевичева розыска от гвардии офицеры по своим рангам и приближению к Петру различались между собой несравненно менее обычного, что, конечно, объяснялось желанием Петра для такого дела подобрать в число следователей особо доверенных, близких ему лиц. Здесь может возникнуть вопрос: если это так, то, может быть, хотя бы в самой отдаленной основе Тайной канцелярии и лежит канцелярия ведения П. А. Толстого, но ввиду особенности дела, потребовавшего особенных следователей, отношения между министрами, а через это и все в Тайной канцелярии, устанавливается так, что она тут же, и почти немедленно, теряет весь характер лежащей в ее основе канцелярии ведения и на первых же порах образует учреждение, от этих канцелярий слишком отличное. Такого рода вполне законное сомнение заставляет нас несколько подробнее остановиться на роли «министров», каждого в отдельности, в делах Тайной канцелярии, а это рассмотрение как, с одной стороны, позволит нам еще глубже присмотреться к внутреннему строю канцелярии, так в особенности, с другой стороны, даст возможность более или менее разрешить возникшее сомнение, касающееся самого существа Тайной канцелярии. Я позволю себе не только говорить далее о роли каждого министра в делах канцелярии, но и попытаться некоторыми биографическими данными о министрах более широко подойти к интересующему нас вопросу. Начнем с Петра Андреевича Толстого.

II

Сведений о первой половине жизни Петра Андреевича Толстого сохранилось очень мало. Он был сын стольника, а затем думного дворянина Андрея Васильевича Толстого; «по отечеству» и Петр Андреевич получил чин стольника. Будучи связан родственными отношениями с Милославскими, Толстой принимал участие в организации стрелецкого бунта, доставившего власть Софье. И уже тогда он обращал на себя внимание: Матвеев говорит об Иване и Петре Андреевых детях Толстых, «в уме зело острых и великого пронырства и мрачного зла втайне исполненных». После смерти Милославского, в 1685 году, Толстой отдалился от сторонников царевны Софьи. В 1693 году он был назначен воеводой в Устюг, а в январе 1697 года

был отправлен за границу учиться вместе с другими стольниками, где — именно в Италии — обучаясь мореходству, пробыл около двух лет. По прибытии в Россию почти три года был не у дел; но в 1701 году Петр его назначил посланником в Константинополь. При начале войны с Россией в 1710 году турки посадили Толстого в семибашенный замок, где он с большими лишениями провел почти полтора года до заключения мира в апреле 1712 году. По усиленной его просьбе Петр немедленно вернул Толстого в Россию, куда он и приехал в 1714 году, а с 1715 года стал зваться «министром тайного чужестранных дел коллегия» и принимал большое участие в русской дипломатии тех лет. 1 июля 1717 года Толстой получает от Петра поручение разыскать и вернуть в Россию бежавшего царевича Алексея. Это поручение было исполнено, несмотря на его трудность, и чин «действительного тайного советника» и деревни на придачу явились ему за это наградой. Затем Толстой становится во главе Тайной канцелярии, делается президентом Коммерц-коллегии и остается до конца царствования Петра одним из влиятельнейших приближенных царя. 8 мая 1724 года Петр жалует ему графский титул собственноручной запиской. Пользовавшийся сначала большим влиянием при Екатерине I, Толстой был в конце ее царствования свергнут Меншиковым и умер в изгнании в Соловецком монастыре в 1729 году.

Таковы краткие биографические черты первого министра Тайной канцелярии[292]. Воспитанный при дворе, в атмосфере интриг и заговоров, проведя там первые годы службы и отнюдь не бесстрастным только свидетелем событий, Толстой затем попадает в ряды провинциальной администрации Московской Руси, откуда на несколько лет уезжает и живет за границей, где, видимо, много и внимательно наблюдает все его окружавшее. Потом живет 12 лет в Турции и по приезде в Россию получает долгий, хороший дипломатический опыт; затем исполняет важное, но щекотливое поручение в области сыска и наконец становится во главе центрального учреждения, ведавшего русскую «коммерцию». Таков разносторонний опыт, которым жизнь наградила Толстого. И в результате соединения этого опыта с большим умом и прирожденными способностями вышел заметный в тогдашней России человек. Петр Великий сказал раз про Толстого: «голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел». Иностранцы его считали le plus éloquent, le plus fourbe

[292] При изложении биографии Толстого я позволил себе преимущественно воспользоваться статьей Н. П. Павлова-Сильванского: «Толстой, гр. П. А.», помещенной в Русском Биографическом Словаре.

et le moins scrupuleux de toute la Russie. Камер-юнкер Берхгольц говорит про Толстого, что «это человек приветливый, приятный, хорошо говорит по-итальянски»; французский посланник Кампердон писал про Толстого: «это человек ловкий, способный, опытный... это умнейшая голова в России; не домогаясь никакого преимущества перед своими товарищами, он умеет со всей ловкостью хитрого политика соединять их на все, о чем тайно соглашается с императрицею». Сейчас же после смерти Толстого его биографию написали французский консул Вьярдо и датский посланник Вестфален, а английский посол немедленно отправил копию с записки Вестфалена к своему двору[293].

Вспомним выше нами приведенную характеристику, данную Толстому Матвеевым, и станет ясным, что современники единогласно считали Толстого очень незаурядным человеком. Однако народная молва полагала именно его виновником преждевременной смерти царевича Алексея, и есть возможность предполагать, что Толстой, будучи в Константинополе, не задумался путем отравления устранить со своей дороги дьяка, который мог бы ему повредить. Кроме того, в поведении Толстого по отношению к царевичу Алексею, когда он его выманивал из-за границы, нетрудно видеть стремление ложью и интригами запугать и сбить с толку слабого царевича. Толстой тут средствами не стеснялся.

Если в позднейшем представлении потомков краски сгустились и в образ Петра Андреевича Толстого была вложена несколько романтическая подкладка: он был возведен в ранг «злодея» и при том пропитанного коварством, то едва ли представляется все-таки возможным отрицать, что в фигуре Толстого очень ярко и выпукло выступает его тонкая, приветливая, ловкая хитрость, ни перед чем не останавливающаяся при достижении намеченных целей, тесно связанных с личными выгодами и расчетами. Был ли Толстой жесток? Едва ли, скорее он был равнодушен к жестокости; но если надо было быть жестоким для достижения чего-либо, конечно, Толстой пред этим отнюдь не останавливался и действовал.

Такова фигура этого министра Тайной канцелярии, фигура во всяком случае крупная. Вот каков был человек, ставший во главе царевичева розыска и, как увидим, стоявший также во главе Тайной канцелярии.

Едва ли можно полагать безразличным, кто именно стоял во главе учреждения в данном случае, нельзя забывать, что мы тут имеем дело

---

[293] Цитирую все эти отрывки из вышеупомянутой статьи Н. П. Павлова-Сильванского.

с личным поручением, что выполнение его, более или менее удачное, поведет к той или иной судьбе данного лица, а значит и того личного пока учреждения, которое при нем находится. Мы должны иметь в виду, что пока это личное установление, сформировываясь, развиваясь и укрепляясь, переходит постепенно в действительное, безличное как бы государственное учреждение, что в этот первый предварительный период, занимающий немалый промежуток времени, личности, стоящие во главе установления, их недостатки и достоинства играют выдающуюся роль в истории установления; качества стоящих во главе людей могут прямо обусловить собой всю дальнейшую эволюцию этого именно установления. Все это имея в виду, немаловажным становится знать, что были за люди, ставшие во главе Тайной канцелярии.

Есть ряд указаний, что Петр Толстой все время сохранял преобладающее влияние в делах Тайной канцелярии. Мы видели уже, какое участие наравне с другими «министрами» принимал и Толстой в делах канцелярии; позволим себе в дополнение к этому, чтобы еще более показать, сколь мелочно и внимательно входил Толстой в мелкие даже дела, привести целиком чрезвычайно характерное в этом отношении письмо его к дьяку Палехину, который по переводе своем обратно в Москву постоянно исполнял там разные дела, ему поручаемые Тайной канцелярией из Петербурга. «Господин дьяк Палехин, — пишет Толстой, — письма твои, отпущенные из Москвы минувшего февраля от 22, а именно: первое — о сыске вдовы Акулины Григорьевой дочери, второе — о Федоре Горшке; третье — о бывшем Пищеговской пустыни игумене Симоне; четвертое — о подметных письмах, которые сожжены в Володимире; пятое — о высылке Постельникова; шестое — о раскольщицах, кликушах и о Мещерском; да от 24 дня того же февраля о сыску помянутой же вдовы Акулины письмо и дубликат, два письма о Федоре Горшке из его расспросу — получены сего марта 1 дня, и по получении сего Ивану Нарышкину и жене его объяви государев указ, чтоб они были в Москве из дому своего неотлучно до указу, а людей их, которые в доме при них есть, в деревни не посылали б, а которые их люди про бабу Акулину поручику Заозеркину сказывали, также и других всех их Нарышкиных людей в канцелярию под караул забери и расспроси их о той бабе накрепко в застенке порознь, объявя им с великим пристрастием указ; ежели кто покажет о ней к отысканию, тот награжден будет, а кто прикроет, а о том сыщется, что ведали, тому смерть без всякого милосердия и пощады; и, как возможно, со всяким усердным тщанием отыскивай немедленно; и буде к сыску той бабы следу не будет, то Ивану Нарышкину и жене его объяви, ежели они вскоре не сыщут

той Акулины Григорьевой дочери, взяты будут сюда; а людей Нарышкина, кои ее не знают и неважно из их расспросов покажется, тех свободи, и о получении сего и что станешь чиниться, о том почаще к нам пиши неукосня, дабы было без сомнения в получении писем; а задержанную бабу Акулину Иванову дочь из-за караула свободи, а по расспросу Федора Горшка о присылке к тебе из Казани подлинного всего дела писали мы в Казань к губернатору господину Салтыкову, и как ты оное дело получишь, рассмотри его и учини выписки, подлинную и перечневую, и к нам пришли неумедля, а Начаткина человека Крюкова сыскивать и по сыску расспрашивать. Петр Толстой.

3 д. марта 1721 году из Санкт-Петербурга.

Для Бога потрудись, что бабу Акулину конечно сыскать и не слабовато поступать»[294].

Итак, Толстой работал в делах Тайной канцелярии как бы наравне и не менее других министров, и род его деятельности в общем не отличался от деятельности других министров. Однако мы имеем определенные данные, указывающие на то, что Толстой занимал несколько особое положение в среде министров канцелярии. В одном письме Толстого от 1721 года говорится: «и как мнением в Тайной канцелярии определено, тому мнению и Его Превосходительство свое мнение согласует»[295].

В 1723 году имеем такое определение канцелярии: «1723 г. февраля в 6 день по указу Его Императорского Величества Канцелярия тайных дел, слушав сего дела и выписки, определила...» и т. д., а в конце, после приговора: «и сего определения писать в Москву к Его Превосходительству Петру Андреевичу Толстому. Ушаков Андрей»[296]. В конце другого определения, тоже состоявшегося за подписью Ушакова, имеется такой конец: «однако ж о том требовать совету от господина действительного тайного советника кавалера Толстого, и о том к нему писать. 17 генваря 1724 году»[297]. В 1723 году имеем следующее «определение»: «1723 г. апреля в 4 тайный действительный советник кавалер и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой по прибытии своем из Москвы о делах и о колодниках, имеющихся в Тайной канцелярии слушав экстракт, и по вышеописанному делу о скверных сумасбродных словах Нарвского пехотного полку солдата Евстрата Черкаского, учиненной того же полку ефрейтора

---

294 Г. А. VII. № 92. Л. 38.
295 Там же. № 8.
296 Там же. № 80. Л. 340.
297 Там же. № 103. Л. 264.

Засыпкина записки учинил согласное мнение, по определению Канцелярии тайных дел 22 д. генваря сего 723 году: оного Черкаского послать в Каменной монастырь с нарочным и велеть его там содержать скованна неисходно из монастыря за присмотром, а помянутую записку Засыпкина сжечь, а прочее все да будет для ведома в канцелярии. Петр Толстой»[298]. В мае 1721 года, посылая о делах канцелярии Толстому экстракты, Бутурлин между прочим пишет об одном деле: «а наше мнение, чтобы то Курзанцева доношение за объявлением ему смертной казни весьма надлежит...», и т. д. идет изложение мнения, а в конце тотчас за окончанием «мнения» об этом Курзанцевском доношении следует вопрос: «и по тому доношению что чинить?» Таким образом, один из министров Тайной канцелярии не решается привести в исполнение своего мнения, не испросив на него санкции Толстого[299]. В 1723 году Ушаков посылает Толстому экстракты по Тайной канцелярии при следующем коротком письме: «Государь мой милостивый Петр Андреевич. До вашего превосходительства предлагаю при сем по Тайной канцелярии о нерешимых делах экстракт. А какие и о чем, тому значит при сем реестр, по которым требую резолюции, что чинить, и так остаюсь Вашего превосходительства раб Ушаков Андрей»[300]. Когда же на вышеупомянутое письмо Бутурлина по поводу Курзанцева Толстой ответил «согласным» мнением: «как вы изволили свое мнение объявить... тому вашему мнению и я согласуюсь»[301], то ему Бутурлин писал, что в своем письме Толстой благоразумно изволил объявить мотивировку своего согласия на мнение Бутурлина. «Токмо мне, — прибавляет Бутурлин, — о том вашему превосходительству не донести было нельзя»[302]. В 1721 году Ушаков пишет Толстому, что он видел его письмо Бутурлину и «усмотря ваше, государя моего, о делах канцелярских мнение, — пишет далее Ушаков, — тою материю, как в письме Ивана Ивановича предъявлено, исполнять будем»[303].

Необходимо иметь в виду, что при тщательном просмотре дел Тайной канцелярии абсолютно нигде не удалось найти и следа подобного рода обращений к какому-либо другому министру канцелярии, только одного Толстого и спрашивали другие министры, спрашивали его согласия всегда в более или менее важных определениях

[298] Г. А. VII. № 142. Л. 71.
[299] Там же. № 64. Л. 116.
[300] Там же. № 82.
[301] Там же. № 64. Л. 117.
[302] Там же. № 111. Л. 29.
[303] Там же. Л. 36.

своих; а иногда, выражая только свое мнение, прямо ставили вопрос, что чинить им в данном случае.

С другой стороны, нередко и в более мелких делах Ушаков не решался обходиться без согласия Толстого. В 1720 году Ушаков пишет Толстому о просьбе одного канцеляриста — Гуляева — отпустить его в отпуск в Казань. «Того ради, — пишет Ушаков, — сам государю моему доношу, повелишь ли его Гуляева... отпустить»[304]. На это Толстой отвечает Ушакову в письме про этого Гуляева: «изволите для докучной его просьбы по желанию его отпустить»[305].

Все вышеизложенные нами данные могут быть сведены в следующих коротких словах: все министры Тайной канцелярии при решении дел — более или менее важных — считали себя часто обязанными доводить о своих мнениях до сведения Толстого, испрашивая если не прямо санкции, то «согласия» на приведение в действие их «мнений». Толстой принимал это как должное, и хотя в очень осторожной, вежливой форме, но всегда отвечал на эти запросы определенно, давая свою санкцию, что вовсе не делалось как бы частным образом, а совершенно официальным порядком заносилось в книги Тайной канцелярии. Иногда даже министры ставили Толстому прямо вопрос: «что чинить»? — и даже по мелким делам не всегда решались действовать без его санкции.

Кроме того, необходимо заметить, что и дьяки канцелярии считали своим долгом уведомлять более или менее обо всех делах канцелярии только Толстого и Ушакова, однако что касается Ушакова, то мы уже видели его несколько низшее положение по отношению к Толстому[306].

В мае 1722 года Толстой делает секретарю Топилскому такое распоряжение: «в отсутствие мое в поход низовый по делам Тайной канцелярии о чем надлежит, рапортуй генералов-майоров и лейбгвардии майоров Андрея Ивановича Ушакова да Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева, а ко мне писем уже не пиши»[307].

Нам думается, если постараться резюмировать в одном выражении то положение среди министров, какое, видимо, занимал Толстой, мы не очень ошибемся, назвав его «первоприсутствующим», а в известной мере и главой Тайной канцелярии. В августе 1726 года состоялось определение Тайной канцелярии о выдаче вознаграждения за

---

[304] Г. А. VII. № 111. Л. 1.
[305] Там же. Л. 3.
[306] См. напр., там же. № 151; № 29. Карт. 1. № 2.
[307] Там же. № 8. Ч. V.

один правый донос. В этом определении, в объяснение задержания выдачи этого награждения, читаем: «означенного награждения ему Комарову было не учинено для того: тайной розыскной канцелярии член в Санкт-Петербурге был один, а первенствующий в Москве обретался»[308]. Под этим определением подписались Толстой и Ушаков. Итак, награждения нельзя было учинять без первенствующего, который отсутствовал; теперь этим определением это награждение учиняется, следовательно, в определении этом должен участвовать этот «первенствующий», т. е. это должен быть или Ушаков, или Толстой, подписавшие, «учинившие» данное определение. Это не может быть Ушаков, так как мы ранее видели его несколько зависимое положение от Толстого; следовательно, «первенствующим» министром, Тайной канцелярии назывался Толстой. Если мы примем еще во внимание, что в определениях подпись Толстого стоит обычно первой (выше или как бы конкурируя с подписью Бутурлина), то едва ли останется сомнение для заключения, что роль Толстого как министра была отлична от роли других министров: он был среди них «первенствующий». Все только что нами изложенные данные как будто прямо и согласно ведут к вышеизложенному выводу, а этот вывод кроме всего прочего отвечает на тот вопрос, который был нами выше поставлен: то несколько исключительное положение, в которое попала канцелярия ведения П. А. Толстого, отнюдь не изменило общего положения ею управляющих «министров», во главе оставался все-таки тот, кто был и во главе канцелярии ведения, а самостоятельность остальных министров была немногим более обычной самостоятельности асессоров всех или многих канцелярий ведения. Вспомним о канцелярии князя Голицына и Матюшкина. Таким образом, если у «министров» сравнительно с «асессорами» и произошло некоторое в их взаимных отношениях изменение, то качественно, по существу строй Тайной канцелярии в данном отношении воспринял в себя целиком принципы, на которых строились отношения асессоров в канцеляриях ведения. Те же количественные отличия, о которых мы только что упомянули, состояли в увеличении самостоятельности «министров» Тайной канцелярии сравнительно с «асессорами», однако мы видели во второй главе, как в истории майорских канцелярий «асессоры» из непростых помощников главы канцелярии обращались иногда в самостоятельно управлявших ею лиц; т. е., видимо, была тенденция к большему равноправию отдельных членов коллегии. К глубокому сожалению, от деятельности

[308] Г. А. VII. № 173. Л. 12.

майорских канцелярий не осталось никаких следов переписки по делам канцелярий между асессорами и главами учреждений, что позволило бы нам глубже заглянуть в их взаимоотношения, как то мы могли сделать по отношению к министрам Тайной канцелярии, довольно большие отрывки переписки которых сохранились в делах канцелярии.

Обратимся теперь к Андрею Ивановичу Ушакову, роль которого в делах Тайной канцелярии, как увидим, была наиболее значительна после Толстого.

III

Второй министр Тайной канцелярии, Андрей Иванович Ушаков или от гвардии майор Ушаков Андрей, как он всегда подписывался, в 1704 году вступил добровольцем-солдатом в Преображенский полк вместе с другими дворянами[309]. В 1707 и 1708 годах уже в чине поручика мы встречаем Ушакова на Украине, где он исполняет поручения царя по Булавинскому бунту, а также по набору лошадей для войска. От этого уже времени до нас дошел ряд писем его к Петру[310]. В 1714 году по особому именному указу Петра Ушаков послан в Москву для розыска о пожаре, произошедшем в Москве на пушечном дворе, и еще о какой-то «бабе Лодыгиной»[311]. В том же году Петр дает Ушакову инструкцию проведать тайно в Москве: 1) о кражах по подрядам, 2) о воровстве в военной канцелярии, 3) о ратушных делах московских, 4) об утайке крестьянских дворов и 5) об укрывающихся от службы[312]. В 1717 году, через три года, Ушаков едет по набору матросов и в то же время наблюдает за постройкой кораблей в Петербурге[313]; это наблюдение тянется далее через все царствование Петра[314]. В феврале 1718 года Ушаков исполняет поручение о наборе разных мастеровых людей для С.-Петербурга, а также по набору рекрутов и обо всем этом доносит письмами непосредственно самому царю[315]. Немного раньше, в ноябре 1717 года, Макаров писал Ушакову, бывшему тогда в Москве: «Государь мой Андрей Иванович, письма ваши, моего государя, исправно я получил, и по оным, о чем надлежало, Его Царскому Величеству доносил, и, хотя из писем ваших

[309] Г. А. IX. № 1.
[310] Г. А. К. П. Кн. 58. Л. 18.
[311] См. Г. А. К. П. Кн. 58; Соловьев. IV. С. 180.
[312] Г. А. IX. № 1; Соловьев. IV. С. 155.
[313] Мат. по ист. рус. флота. Ч. II. С. 379, 719.
[314] Г. А. К. П. Кн. 37. Л. 497.
[315] Г. А. IX. № 2. Карт. 1.

и через господина Плещеева Вы еще описи в Преображенском приказе не кончили»... Однако Петр требует скорейшего его прибытия в С.-Петербург. Трудно сейчас понять, что за «опись Преображенского приказу» делал Ушаков, однако в декабре того же года (10 декабря) Макаров опять пишет в Москву Ушакову приготовить Петру «хоромы» в Преображенском[316].

Из этих известий видно, что именно в то время Ушаков был в каком-то близком отношении к Преображенскому, и в то же время по-старому близок к царю. В течение всего этого времени, до конца царствования Петра Ушаков заведует корабельным строением. С 1718 года он является одним из главных министров Тайной канцелярии.

Так от лейб-гвардии майор невысокого происхождения из солдата преображенцев становится близким человеком императора, деятельным, ловким, способным на всякие дела: и корабли строить, и розыски чинить. В дальнейшей своей жизни, благополучно пройдя через все Сциллы и Харибды во все царствования первой половины XVIII в., оказавшись всегда нужным и почтенным, Ушаков умирает в чинах и чести в 1747 году генерал-адъютантом и графом.

Таков был облик второго министра Тайной канцелярии. Роль Ушакова в Тайной канцелярии в общем совпадала, конечно, с общей ролью министров, которую мы пытались очертить в начале этой главы, однако при рассмотрении дел канцелярии нельзя не обратить внимания на то, что более всего распоряжений и вмешательства в дела мы встречаем со стороны Ушакова, более всего именно он, видимо, распоряжался в канцелярии, обо всех почти делах доносили и писали дьяки и секретари именно ему да Толстому (по более важным делам) — иногда тождественными письмами, — испрашивая разного рода «ордеров». Только кое-где, очень редко параллельное явление наблюдается по отношению к Бутурлину и Скорнякову-Писареву; и если имеется довольно много следов переписки Толстого с Ушаковым в делах Тайной канцелярии, то только между этими двумя министрами мы и находим столь интенсивную корреспонденцию по делам канцелярии, письма других двух министров, следы их участия в делах имеют исключительно спорадический характер. Таким образом, есть большое основание думать, что действительно ближайшим образом управляли делами канцелярии собственно два «министра»: Толстой и Ушаков.

Как близко Ушаков входил в дела канцелярии, можно видеть из следующего письма, которое было написано Ушаковым секретарю

[316] Г. А. IX. № 2. Карт. 1.

Тайной канцелярии Топилскому. Берем это письмо как отлично характеризующее участие Ушакова в делах канцелярии: «Господин секретарь Топилский. Сего февраля 27 дня на письма твои, отпущенные из С.-Петербурга от 20 д. сего же месяца, писал я к тебе, чтоб о колоднике беглом солдате Коновалове (на которого показал важные речи Корноухов) послать в гарнизон промеморию, чтоб его там содержать до указу за крепким караулом, также и свидетелей, которые от Корноухова показаны, чтоб сыскать в Тайную канцелярию и держать до письма отсюда за крепким же караулом; а с расспросу помянутого колодника Корноухова дабы ты прислал копию. Февраля в 28 числе при письмах твоих к его превосходительству Петру Андреевичу и ко мне от 21 д. сего февраля присланы с означенных Корноухова расспросных речей копии, которые мы смотря сим тебе даем знать: вышеописанного беглого солдата Коновалова в показанных от Корноухова словах расспроси с ясностию и свидетельствуй, не сумасбродник ли он какой, и буде по свидетельству явится, что он сумасбродный, то отошли его по-прежнему в гарнизонную канцелярию и вели его держать по-прежнему за крепким караулом, а нас о том рапортуй; а буде он явится не сумасбродным и в показанных от него злых словах станет стоять упорно или к тому своему зломыслию покажет и других согласных ему, то его Коновалова и согласных ему, заковав в кандалы, также расспросные их речи пришли сюда немедленно за крепким караулом; а ежели против расспросу Корноухова и Коновалова и свидетелевых покажется какая рознь, то о том нас рапортуй же. Слуга ваш Ушаков Андрей. Марта 2 дня году 722. Москва»[317].

А вот письмо Ушакову о целях канцелярии, бывших в Москве, от секретаря Казаринова: «Превосходительный господин, господин генерал-майор лейб-гвардии майор, премилостивый государь мой Андрей Иванович, Вашего Превосходительства ордер, писанный из Санкт-Петербурга от 2 получил я 9 числа сего месяца, в котором изволите объявлять, дабы по Тайной канцелярии присылаемые доношения распечатывать, и ежели явятся по делам, имеющимся в Москве, те доношения, хотя и с колодниками, принимать и по ним следование и окончание чинить мне, а которые доношения по делам, имеющимся в Санкт-Петербурге, и оные также буде и колодники с ними будут, приняв, отправлять в Санкт-Петербург немедленно, и по оному Вашего превосходительства ордеру исполнять буду; при сем же Вашему Превосходительству доношу: прошедшего мая 14 числа

[317] Г. А. VII. № 132. Л. 17.

при ордере Вашего Превосходительства прислан указ в Астраханскую губернию о сыску и о присылке в Санкт-Петербург в Тайную канцелярию для допросу человека Михаила Чирикова Григория Никитина; а по полученности в Москву чтоб оный указ удержать, а поискать бы его Никитина в Москве, и, ежели сыщется, прислать бы его в Тайную канцелярию, а буде его не сыщется, то оный указ послать в ту губернию немедленно, и по тому Вашего Превосходительства ордеру в Москве лейб-гвардии Семеновскому полку поручика Михаила Чирикова человек Алексей Григорьев под страхом смертной казни сказал: Григорий-де Никитин у оного помещика его Чирикова был назначаем и в прошлом 722 году после святой недели в бытность его в нижегородской оного помещика вотчине, в селе Румянцеве, он Никитин умре и погребен в том селе у церкви Казанской Богородицы священниками Алексеем Павловым, Григорьем Степановым, и по оной, государь, сказке означенной в Астраханскую губернию указ я удержал, а для сущего свидетельства о смерти помянутого Никитина послал я в Нижегородскую губернию к вице-губернатору господину Раевскому указ (а означенный присланный в Астраханскую губернию указ за вышеписанной сказкой удержан), и сего сентября 3 дня прислано из Нижегородской провинции в Канцелярию тайных дел доношение в пакете за печатью, на котором подписано: о приказчике Чирикове, и я оный пакет по означенному Вашего Превосходительства ордеру распечатал и усмотрел, что в нем свидетельство о помянутом Чирикове и приказчике, и то свидетельство и означенный из Тайной канцелярии в Астраханскую губернию указ прилагаю при сем. Вашего Превосходительства премилостивого моего государя всепокорный и верный раб Василий Казаринов. Сентября 10 дня 1723 году. Москва»[318].

Необходимо иметь в виду, что ни одного письма такого характера с подобными общими докладами о делах канцелярии от секретарей нам не попадалось на имя кого-либо из других министров, кроме Толстого и Ушакова. Все это дает основание полагать, что после Толстого наиболее деятельным и влиятельным министром канцелярии был Ушаков; а если иметь в виду его с Толстым деятельную по делам переписку, то получается определенное впечатление, что управляли ближайшим образом Тайной канцелярией собственно двое: Толстой и Ушаков. Толстой сохранял за собой во все свое время высшую власть — влияние на дела, а Ушаков почти целиком руководил делопроизводством учреждения.

[318] Г. А. VII. № 164. Л. 112–113.

До нас дошла еще маленькая небезынтересная подробность об Ушакове: в 1722 году Ушаков получал 585 руб. 30 алтын 2 деньги жалованья в треть, т. е. 1755 руб. в год. Жалованье это ему выдавалось из главного комиссариата[319].

Так два выдающихся человека Петровского времени стали во главе управления Тайной канцелярией, о чем ясно свидетельствуют приведенные нами биографические данные об Ушакове и Толстом, а это и помогло личному, устроенному по частному поводу установлению укрепиться в своем положении и расширить район деятельности: удачное, умелое выполнение возлагаемых поручений заставляло Петра не оставлять без них Тайную канцелярию, которой все более и более широко поручаются дела впредь до указа 1722 года, когда вообще дела по «слову и делу» должны были присылаться и в Тайную канцелярию. Едва ли поэтому возможно отрицать, что подбор министров обусловил первое время прочное существование Тайной канцелярии и постепенный переход ее в настоящее учреждение, которое в дальнейшем своем существовании как таковое, конечно, уже стало вне личностей, а являлось закономерным следствием общих условий исторического процесса в России в XVIII веке.

О деятельности Бутурлина и Скорнякова-Писарева в качестве министров Тайной канцелярии много говорить не приходится. Во всяком случае, сравнительно большую деятельность проявлял Гр. Скорняков-Писарев. Это был человек из близких в то время Петру офицеров, видимо, энергичный и умный, хотя никакими способностями не выдававшийся. Начав свою карьеру в гвардии, к 1718 году он был «от бонбардир капитан», часто посылался Петром по разным поручениям, в большинстве военного характера, вплоть до посылки его в Суздаль по «суздальскому розыску», после чего он и попадает в состав министров Тайной канцелярии. В 1722 году, в бытность его уже генерал-прокурором Сената, у него происходит знаменитое столкновение с бар. Шафировым, вследствие которого Скорняков-Писарев и сошел с правительственной арены. Участие Скорнякова-Писарева в делах канцелярии идет вплоть до 1723 года, вплоть до его падения. Никогда не играя значительной роли в Тайной канцелярии, Скорняков-Писарев всегда подписывал последним определения и приговоры канцелярии, как бы считаясь самым младшим из всех министров канцелярии, однако следы его непосредственного участия в делах коекогда попадаются, есть даже ряд не особенно значительных дел, которые были вершены и следовались под прямым руководством

[319] Г. А. VII. № 141.

Скорнякова-Писарева. Кроме того, он принимал участие и в крупных делах: например, мы имеем его письмо к Палехину по так называемому «новгородскому» делу. Письмо это ясно указывает, что Скорняков-Писарев принимал в нем частично близкое участие[320].

Однако следов такого участия встречается мало; не так часто он подписывает приговоры и определения. В письмах же к нему секретарей и дьяков канцелярии мы нигде не встретили ответов, или вопросов, или донесений вообще о делах канцелярии. Если эти письма и есть, то все они касаются только того или иного конкретного дела. Таким образом, Скорняков-Писарев, видимо, мало участвовал в общем управлении канцелярией.

Совсем почти в этом управлении не участвовал Иван Иванович Бутурлин, хотя иногда он подписывался под приговорами, даже на первом месте. Необходимо заметить, что с 1722 года уже не встречается признаков участия Бутурлина в делах, а с 1723 года и Скорняков-Писарев исчезает из числа министров канцелярии. Таким образом, последние годы существования Тайной канцелярии, 1724, 1725 и начало 1726 годов ей исключительно и целиком управляли Толстой и Ушаков.

---

[320] Позволяю себе привести это письмо целиком ввиду его характерности.

«Господин дьяк Палехин. Сего месяца в 20 числе писали мы к вам о сыску в Москве некоторой вдовы Акулины Григорьевой дочери, о которой ныне след показывается; против наших писем писал к нам из Новгорода гвардии господин капитан-лейтенант Иван Невельский и прислал с допросов копии, с которых для подлинного известия при сем сообщаем копию, а к Невельскому писали мы, чтоб он племянника той Акулины Ивана Гусакова с нарочным солдатом от себя отправлял к тебе немедленно, и как тот Гусаков к тебе будет привезен и ты его вели расковать и держать в крепком карауле и до указу кормить; а о той бабе в доме Ивана Нарышкина прежде вели уведать от себя, мимо того малого, искусно (якобы от сестры ее письма есть) или другим каким образом. Буде ж не станут сказывать, то учинить посылку или и сам съезди да спроси Ивана Нарышкина и жену его о той Акулине, с ними она съехала, ныне где. Мы уповаем, что он Нарышкин ныне в Москве для свадьбы дочери его. Буде ж их в Москве нет, пошли по них нарочного тотчас, чтоб были в Москву и по прибытии спроси и, как возможно, благоразумно приложи труд и старание в сыску оной Акулины, ибо до нее превеликие дела касаются; ежели ж они, Иван Нарышкин и жена его будут отговариваться, что ее не знают, или и знали да в Петербурге, в Москве у них она не бывалась, как можешь отыскивай ее, мы в том на вас весьма благонадежны остаемся; а как отыщешь и Гусаков скажет, что она та, тотчас ее за крепким караулом, придав человека три солдат, сюда пришли, а малого Гусакова вели в Новгороде оставить, понеже до него только и дела; а ежели у Нарышкиных отыскать Акулины невозможно, то скажи Гусакову, чтоб се Акулину Гусаков сыскивал, как возможно, и для того посылай его за крепким караулом и объяви ему, Гусакову, ежели он не сыщет и за то ему жестоко учинено будет и что станет чиниться. Почаще сюда к нам пиши, а Гусакова за караулом держи. Григорий Скорняков-Писарев. 24-го января 1721 году. Из Санкт-Петербурга» (Г. А. VII. № 92. Л. 4, 5).

Итак, Канцелярия тайных розыскных дел управлялась четырьмя министрами, четырьмя лицами, близкими и доверенными Петра. Общее рассмотрение дел канцелярии указывает, что управление это распределялось между министрами как между формально равноправными товарищами, однако более детальное углубление в изучение делопроизводства с достаточной ясностью указывает на преимущественное положение, которое занимал в этой коллегии П. А. Толстой, его безусловное влияние фактически постоянно царило над всеми делами канцелярии, более или менее заслуживающими внимания. Кроме этого «первенствующего» министра выделялся своею деятельностью другой министр, А. И. Ушаков, являвшийся как бы ближайшим помощником Толстого. Сравнительно в стороне стояли Скорняков-Писарев и особенно Бутурлин.

При рассмотрении нами в первом очерке общего состава майорских розыскных канцелярий, как они явились в более позднее время, во второй как бы их формации, мы наметили три главных части, из которых они состояли. Две первые части были: 1) лицо, стоящее во главе канцелярии, и 2) асессоры — присутствующие. Если, как мы видели, в первое время асессоры являлись простыми помощниками лиц, стоявших во главе, то позднее мало-помалу дело изменяется: асессоры все ближе начинают подходить по равноправности к главам канцелярий, которые, в свою очередь, однако не перестают сохранять свой приоритет, более или менее сильный. В то же время становятся возможными решения дел и доклады о них царю непосредственно самими асессорами, которые иногда считали, что они почти так же «ведают» канцелярией, как и лицо, стоящее во главе ее. Я позволяю себе еще раз напомнить обо всем этом ввиду того, что после рассмотрения роли и значения «министров» Тайной канцелярии можно с большим основанием главу обычных майорских канцелярий и их асессоров — только немного изменившихся под влиянием особых условий и изменившихся частью в одном определявшемся уже ранее направлении — считать непосредственно подобными и генетически примыкающими к «министрам» Тайной канцелярии. Если особенность основного, первого поручения внесла в устройство этого учреждения некоторые изменения, то эти изменения — усиление власти отдельных министров — пошли уже в ранее намечавшемся в майорских канцеляриях направлении. Однако мы не можем не отметить еще одного изменения в деятельности Тайной канцелярии, которое, видимо, тесно связано с особенностью этой деятельности: это совершенное отсутствие в ее практике экстренных созывов других у розысков стоявших, обер- и штаб-офицеров, для решения дел совместно

с обычными «присутствующими» канцелярии. Важность и тайность дел канцелярии (как увидим, ревностно охраняемые) этого отнюдь не допускали.

Итак, если общий строй начальствующих лиц Тайной канцелярии несколько отличался от того же строя в майорских розыскных канцеляриях, сравнение, однако, ясно указывает на ближайшую генетическую связь их, и таким образом Тайных розыскных дел канцелярия, происходя из канцелярии ведения П. А. Толстого, восприняла в свою организацию освоенные черты майорских розыскных канцелярий «ведения».

Глава седьмая
Роль Тайной канцелярии как учреждения

I

Именным указом из Сената в сентябре 1718 года повелено было Тайной канцелярии дать сведения о колодниках, ею содержимых по разным делам. В реестре, поданном об этом в Сенат, все дела, бывшие тогда в компетенции канцелярии — а вместе и колодники, по ним содержащиеся, — распределены были на следующие группы: 1) группа по «адмиралтейскому ревельскому делу»; 2) группа по «астраханским делам»; 3) группа «касающихся к расколу»; 4) группа «по тайным делам»; кроме того, группа «без названия» да сверх того особое дело (о краже корабельных лесов на Днепре[321]). Так намечались все в самой Тайной канцелярии разряды бывших на ее рассмотрении дел; надо заметить, что такую же неизменную группировку дел канцелярии находим мы и в других ее «реестрах»[322]. В реестре же дел, представленном в 1726 году на благоусмотрение императрицы (при передаче Тайной канцелярии в ведение Ромодановского), дела, бывшие в производстве в канцелярии, значит, уже за все время ее существования, за весь Петровский период (1718–1726), были распределены по следующим группам: 1) дело суздальское и кикинское; 2) дела секретные против первых двух пунктов; 3) дело ревельское адмиралтейское; 4) дело о раскольниках; 5) дела «интересные и по прошениям» и 6) «дела астраханские»[323]. Сопоставляя эти реестры 1718 и 1726 годов, нетрудно заметить, что группировка дел в главнейшем осталась той же, значит, была прочной и солидной, а не случайно, нарочито и небрежно делаемой каждый раз вследствие того или иного конкретного требования. Поэтому с достаточным правом можно думать, что Тайная канцелярия полагала находившимися у нее в производстве следующие разряды дел: во-первых, дело кикинское и суздальское, т. е. дело по суздальскому розыску о царице Евдокии, матери царевича Алексея, и по розыску о Кикине; оба эти розыска, как известно, теснейшим образом примыкают и сливаются с делом царевича Алексея. Вторую группу составляли дела тайные, они же секретные, «против первых двух пунктов» указа 1715 года, т. е. дела по «слову и делу». Третью группу составляет дело ревельское адмиралтейское, дело о разного рода грандиозных хищениях в военно-морском ведомстве, происхо-

---

[321] Г. А. VII. № 5.
[322] Там же.
[323] Г. А. VII. № 6.

дивших в ревельском порту. Четвертую группу составляют дела раскольничьи, т. е. по преследованию раскола. Пятую группу составляли дела «интересные», т. е. по расследованию всякого рода хищений и грабежей казенного имущества и денег. Наконец, шестую группу, как бы выделяемую, составляли «дела астраханские», т. е. дела о всякого рода злоупотреблениях, найденных и следовавших в Астрахани Б. Скорняковым-Писаревым и для вершения переданных указом Петра в Тайную канцелярию.

Так было в основных рубриках, самим учреждением установленных, размещаемо и там определяемо содержание основного производства Тайной канцелярии. При ближайшем рассмотрении этих рубрик и групп нетрудно установить, какого рода, какого характера дела ведались Тайной канцелярией.

Розыск по делу царевича Алексея и по всем делам, с этим розыском тесно и непосредственно связанным (таково дело суздальское и кикинское), это во-первых, а во-вторых — дела против первых двух пунктов указа 1715 года — тайные или секретные — вот тот главнейший род дел, который находился в ведении Тайной канцелярии. Что это был действительно главнейший род дел канцелярии, видно из их сравнительного количества по отношению ко всем делам других родов, что мы далее точно покажем.

Второй разряд дел, ведавшихся Тайной канцелярией, были дела «интересные», т. е. розыски по всякого рода хищениям, проступкам против казенного интереса. Таково дело ревельское, частью астраханское, боровицкое и другие. Третий разряд составляли дела по преследованию и наказанию раскольников. Надо заметить, что Петр, видимо, придавал делам раскольничьим политическое значение в духе первых двух пунктов указа 1715 года. Теперь при желании кратко формулировать вообще предметы ведомства Тайной канцелярии, поскольку об этом можно заключить по бывшим в ее производстве делам, мы не можем не остановиться на той же формуле, которую нам пришлось употребить, когда речь шла о предметах ведения в майорских розыскных канцеляриях: предметы дел Тайной канцелярии определяются исключительно всеми тремя пунктами указа 1715 года. Так еще раз вскрывается непосредственно близкое и кровное родство «розыскных канцелярий ведения» и Канцелярии тайных розыскных дел.

Однако мы увидим далее, что иногда совершенно со стороны, совершенно случайно попадали в канцелярию и такие дела, разные между собой, которые никак не могут быть подведены ни под один пункт указа 1715 года. Надо, впрочем, заметить, что таких дел было

чрезвычайно мало сравнительно с общей массой. Это явление ведет еще к большему убеждению в том родстве, о котором мы только что говорили: вспомним канцелярию князя Долгорукова; говоря о ней, мы имели случай отметить тот бесформенный агломерат дел, который как бы вне всякого соображения с предметом ведомства канцелярии ей поручался. Мы имели случай говорить, что это является совершенно понятным в учреждении, построенном на чистом принципе поручения.

Таким образом, краткий поверхностный обзор разрядов дел, бывших в производстве Тайной канцелярии, во-первых, с достаточной ясностью открывает сущность делопроизводства канцелярии, а во-вторых, определенно указывает, на новые черты родства, и очень близкого, Тайной канцелярии с майорскими розыскными. Однако является необходимым дальнейший, более подробный разбор дел канцелярии, который, во-первых, обнаружит с большей ясностью в ее эволюции существо занятий Тайной канцелярии, во-вторых, покажет, может быть, кое-какие несходные, отличные черты Тайной канцелярии от майорских канцелярий и, пожалуй, даст возможность выяснить эволюцию этих несходных черт, а со всем этим более углубляясь и выясняя вообще сферу ведения Тайной канцелярии, нам, может быть, удастся еще далее проследить, как канцелярия ведения П. А. Толстого, временное установление для личных поручений, постепенно переходила в государственное учреждение.

Дела против первых двух пунктов, как мы все заметили, являлись основными, главными в сфере ведения Тайной канцелярии. Мы все знаем, что, собственно, всю свою силу и значение, и в частности название, Тайная канцелярия получила от главнейшего своего дела — розыска по делу царевича Алексея; а это дело, несомненно, по своему характеру должно быть сопричислено к категории дел против первых двух пунктов. Мы знаем, что указом 1722 года было повелено дела по «слову и делу» отправлять непосредственно для следования их в Преображенский приказ и в Тайную канцелярию, только эти дела и ведались с того времени канцелярией по общему положению, по общему указу; все же остальные вступали в канцелярию исключительно в силу сепаратных указов. Все это уже определяет существование в общей массе делопроизводства канцелярии значительное преобладание дел против первых двух пунктов. Это преобладание ясно видно и из следующих прямых уже данных: если дел интересных имеем наперечет 5–8, если найдем 2–3 для другого рода и не имеющих никакой «важности», если есть какой-нибудь десяток дел о раскольниках, если откинуть все дела, возникавшие вследствие и по поводу

самого делопроизводства учреждения, то по «записке» 1726 года имелось тайных вершеных дел к этому времени — 280[324]. Эта цифра дает вполне определенное указание на то огромное значение, которое играли в канцелярии дела «важные» против первых двух пунктов. Вступление таких дел в делопроизводство канцелярии шло, постепенно все усиливаясь. С марта и приблизительно по август 1718 года Тайная канцелярия была почти исключительно занята делами по царевичеву розыску. Однако в мае этого года через канцелярию проходит дело о разрешении купцу Фельтену беспошлинной торговли вином. В августе указом-письмом от 8-го числа Петр поручает Тайной канцелярии (точнее — Толстому) ревельское адмиралтейское дело, с марта по ноябрь тянется в канцелярии дело Марии Гамильтон, а ко второй половине 1718 года относятся первые важные дела: о князе Мещерском, ложно приписавшем государю какие-то слова про князя Долгорукова[325], о тихвинском архимандрите, совершавшем какие-то тайные молебны пред якобы чудотворной иконой[326]. В ноябре того же года имеем дело по поводу неких таинственных писем купецкого человека Резанова. В том же году ведется в канцелярии большое дело по доносу некоего Зверева на майора Фуникова в расхищении им казенных денег и имущества[327]; а в декабре следовалось дело о поляке Носовиче, обвинявшем нашего посла в Польше Долгорукова и в измене, и в нерадении по должности, и во взятках[328]. Так среди других вступил в ведомство Тайной канцелярии совершенно определенно ряд дел, имеющих розыскной характер по общим преступлениям против двух пунктов.

В следующем, 1719, году число важных дел еще возрастает, и постепенно они заполняют собой почти окончательно делопроизводство Тайной канцелярии. Рассмотрением более подробным их содержания мы сейчас и займемся.

Наибольшее количество этих дел может быть подведено под понятие о делах об оскорблении Величества. Дела о произнесении непристойных, и ругательных или оскорбительных слов по адресу Петра и Екатерины или же о совершении оскорбительных для государевой чести действий составляют приблизительно около 35–40 % всего количества дел, касающихся «важности».

---

[324] Г. А. VII. № 6.
[325] Там же. № 20.
[326] Там же. № 21.
[327] Там же. № 18 и № 28.
[328] Там же. № 24.

Непристойные слова, заключающие ругательные обращения по адресу царя или императрицы, говоримые или в раздражении, или в «шумстве», обычно находили доносителей, которые и объявляли о непристойных словах Тайной канцелярии; а тут дело никогда из рук не выпускалось: каждый донос влек за собой самое внимательное отношение к нему со стороны Тайной канцелярии и тщательное по нему «следование».

Не всегда эти непристойные слова являлись простой руганью, сказанной безотчетно, в пьяном виде. Есть несколько дел, в которых проглядывает прямо отрицательное — не сдержанное только в данном случае — постоянное отношение к Петру: он басурман, еретик — вот мотив этого отношения.

В 1723 году один крестьянин говорил громогласно, что Петр — «это неистовый царь; никак он швед»; один раскольник в том же году толковал иезекиилово пророчество о Гоге и Магоге, «что Гог — гордость султана турецкого, Магог — владение нашего государя» или «Магог — наш российский государь император». Тогда же были уличены несколько баб, что громогласно звали царя антихристом. Тогда же одна женка Маремьяна говорила своим знакомым, что «де царь не царской крови и не нашего русского роду, но немецкого». В 1719 году некий архимандрит говорил про царицу: «какая она царица? Она некая бусурманка», а о царе говорил, что «он христианскую веру оставил, и носит немецкое платье, и бороду бреет... и благочиния в нем нет»[329]. И все эти преступления тщательно и внимательно «следует» Тайная канцелярия.

Служили предметами дел Тайной канцелярии и выражения про Петра или Екатерину, в которых можно усмотреть непочтительное к ним отношение говорившего. В 1723 году один монах сказал: «пускай государь умрет, а царицу я за себя возьму». В том же году колодник Муравщик говорил, что император живет хуже старца и что присягали наследнику, «а именно им не объявлено, кого учинить». Некий помещик Харламов заявив, что в С.-Петербурге и сам государь врет, в 1723 же году разрослось громадное «вологодское» дело, начавшееся изветом на протодиакона вологодской соборной церкви, будто бы говорившего, что «государь-де у нас... а не подлинный царь». В 1722 году донесли на войта города Королевца, что он будто говорил, что лучше бы с императора кожу сдирать, чем св. ризы и оклады с образов, как будто бы велено было сделать[330]. Большое, сложное,

---

[329] Г. А. VII. № 183, 155, 151, 185, 54.

[330] Там же. № 182, 166, 136, 127, 119.

запутанное дело было в 1721 году по выяснению, правда ли, что один чернец монастырский «называл себя царем», «что он-де Фегност — прямо царь»[331].

Оскорбление Величества могло быть и в совершении каких-либо действий, до высокой чести Его Царского Величества касающихся. И такого рода дела тоже бывали в руках Тайной канцелярии, причем иногда были сплошным курьезом.

В 1720 году один дьяк донес Тайной канцелярии, что некий певчий Савельев во время одного обеда в частном доме, будучи нетрезв, «держал у себя в руках трость и, смотря на персону царского величества (т. е. на портрет), подняв ту трость, указывая на оную персону Его Величества, махал тою тростью и говорил "ой де ты", а в какую силу, того он (доносчик) не знает». Обвиняемый показал на допросе, что, увидев сидящих на портрете царя мух и имея в руках палку с ленточками на конце, он махал теми ленточками и палкой, чтобы прогнать с портрета мух. В результате обвиняемый был «бит нещадно батоги». В 1719 году донесли на Степ. Лопухина, что в день погребения царевича Петра Петровича он, будучи в церкви, смеялся и, по дополнительному извету, говорил при этом непонятные слова («его-де Лопухина свечка не угасла, будет-де ему Лопухину и впредь время»), о которых сам доноситель заявил, что, «в какую меру он те слова говорил, того он, Офросимов (т. е. доносчик), не знает».

К той же категории дел по оскорблению Величества принадлежат дела по обвинениям в распространении ложных слухов, могших служить к оскорблению, умалению и колебанию царской власти. Так, в 1723 году солдат Комкин объявлял про одного офицера и стряпчего, будто они говорили, что императору этого года не пережить, и будет царствовать Меншиков. Около того же времени солдатка Баженова говорила, что «государя у нас изведут, а после-де и царицу, конечно, изведут, а великий князь еще мал, стоять некому, и будет-де у нас великое смятение». Хотя извет в этих словах и оказался ложным, но Тайная канцелярия долго и тщательно следовала это преступление. В этом же 1723 году было большое дело по поводу якобы сказанных иноземцем Вилкиным слов, что недолго царю жить, всего один год.

Дошло одно дело по доносу некоего солдата, что он знает одного человека в Сибири, который «умышлял на здоровье Его Императорского Величества», хотел зарезать Петра на каменном мосту; при этом «шлется» на свидетелей. Это дело, конечно, было долго и серьезно

[331] Г. А. VII. № 103.

расследовано канцелярией. Извет оказался ложным[332]. Таким образом, и дела о злоумышлениях на здоровье Царского Величества тоже попадали в Тайную канцелярию. Если дела о таинственных словах, письмах или действиях нельзя прямо отнести в разряд дел об оскорблении Величества, то во всяком случае, по-видимому, постоянно при таких делах заподозривалась возможность объяснения этой таинственности с точки зрения существования под ней какого-либо государственного преступления. При следовании этого рода дел канцелярия ставила основной своей целью добиться, не скрывается ли под этой таинственностью какого-либо преступления против пунктов указа 1715 года.

В 1723 году дьячок Терентьев поднял и прочитал подметное письмо; некоторые из присутствовавших при этом чтении проговорились об этом в Преображенской канцелярии, откуда и было по этому поводу поднято дело в Тайной канцелярии. Идут допросы и пытки, дело доходит до Сената; виноватого опять пытают, выпытывают что-то, именно что-то, так как письмо подметное, поднятое и прочитанное, является совершенно лишенным всякого смысла набором различных слов. Видимо, заподозривается, что это письмо имеет некоторый иносказательный смысл[333]. В том же году Синод прислал в Тайную канцелярию монаха, у которого было найдено письмо «с важными словами». Безумие обвиняемого было слишком ясно; «важные слова» письма были окончательно непонятны, так что Тайная канцелярия признала монаха безумным и определила послать его в монастырь, где держать до выздоровления[334]. В 1720 году были найдены у иноземца Ланге «явившимися» на пивной бочке некие таинственные литеры, точнее — совершенно непонятные знаки. Дело было Петром передано для следования в Тайную канцелярию. Долго и тщательно пытались узнать, что должны были собой эти буквы обозначать, пока наконец обвиняемый и его жена не умерли в заточении, не вынеся пыток. Это дело чрезвычайно характерно в его эпической простоте[335]. Также характерно дело 1721 года о некоем чернеце Порфирии. Этот чернец был прислан из Малороссии кн. Трубецким в 1721 году, и дело о нем было Петром передано в Тайную канцелярию. Чернец Порфирий видел какое-то видение и, зарисовав его, рисунки распространял, видение это и эти рисунки

[332] Г. А. VII. № 59, 44, 174, 173, 157, 117.
[333] Там же. № 175.
[334] Там же. № 153.
[335] Там же. № 70.

являются лишенным всякого смысла бредом расстроенного воображения, однако было повелено Тайной канцелярии «о том ложном видении разыскать, для чего он это затеял». Много и упорно допытывалась канцелярия, стремясь найти ответ на предложенный вопрос, и, конечно, этого ответа не нашла. Так и осталось неизвестным, для чего то было затеяно, но было решено, что «его ложному плутовству верить нимало не подлежит», и был Порфирий, как «плут», присужден к ссылке на вечное поселение в один из монастырей Архангелогородской губернии[336].

В октябре-ноябре 1718 года делается Петру из доноса известным, что некое письмо послано в Ржев, а в этом письме имеется «важность». Дело передается Тайной канцелярии, она немедленно сыскивает пославшего письмо, посылает особого нарочного за получателем; писавшего допрашивают о смысле письма, так как оно оказалось написанным условно. Он объясняет смысл письма без всякой «важности» (по поводу отдачи в Ржеве на откуп кабаков). В деле при следовании принимал участие сам Петр[337].

Действия таинственные и непонятные возбуждали, видимо, тоже подозрения, и состояли такого рода дела — о таинственных действиях — тоже в компетенции Тайной канцелярии. Когда в 1718 году Петр разведал про некоего монаха, тайно служившего молебны перед какой-то им привезенной иконой, то «следовала» об этом Тайная канцелярия. В 1721 году Бутурлин прислал в Тайную канцелярию некоего Антонова. Он подошел к Петру, когда тот шел в строю, подошел нетрезвый, без всякого умысла, был тут арестован и отослан для розыска. У него всячески допытывались, не было ли какого здесь с его стороны умысла, в результате, ничего не добившись, Тайная канцелярия постановляет послать его в Сибирь в вечную работу. В 1720 году Макаров по указу Петра присылает в Канцелярию трех баб-кликуш, которые кричали «в церквах на Москве... и в кликанье пойманы». Этих несчастных больных сочли нужным, допрашивая, жестоко пытать и бить плетьми, стремясь дознаться, не было ли в этом кликанье чьего-либо злого научения. Все свои ответы на допросах бабы кончали неизменной фразой: «а никто ее кричать не учил». Так ничего и не добились, так как, очевидно, имели дело с больными, однако две бабы все-таки были признаны в чем-то виновными и отданы в работу на прядильный двор[338].

[336] Г. А. VII. № 51.
[337] Там же. № 18.
[338] Там же. № 21, 99, 75.

Есть в делах Тайной канцелярии несколько дел по ложным все обвинениям в «измене» разных лиц. Трудно точно сказать, как в этих случаях понималось слово «измена». По-видимому, всякий преступник закона подводился под это понятие, хотя, конечно, уже в пунктах указа 1715 года это понятие сужается до понятия об измене интересам государства, России, на пользу ее врагов, причем возможно, что враг внутренний еще не был тогда исключен из понятия о враге в данном случае. Впрочем, дел тайных, об «измене», очень немного в делах канцелярии[339], и до известной степени все они являются вариациями дел «по слову и делу», возникая в связи с каким-либо изветом.

Когда после указа 1722 года в канцелярии стали присылать от разных лиц и учреждений людей, сказавших за собой «слово и дело», то, конечно, часто оказывалось, что говорилось это выражение без наличности действительного знания, или просто «в шумстве», или в желании «отбыть наказанье», или освободиться от чьих-либо притеснений (например, помещика). Таким образом, образовывался ряд дел о ложном сказывании «слова и дела».

Дело царевича уже кончилось, но отголоски его встречаются в делах канцелярии. В 1720 году по царскому указу и приговору канцелярии августа 28 «велено по доношению володимирского успенского собору дьякона о выезде в монастыри из Суздаля бывшей царицы монахини Елены о приезде и о действах ее в тех местах и кто ей в тех приездах чинил всякую помощь, исследовать накрепко дьяку Тимофею Палехину, а по исследованию, учиня выписку, прислать в Канцелярию тайных розыскных дел»[340]. Это повеление точно выполняется Палехиным, который привозит из своей поездки огромное количество (сохранилось два картона) следственного материала. Тайная канцелярия соответственно этому материалу делает приговоры-определения о ряде лиц, оказавшихся замешанными в «приездах» инокини Елены[341]. Даже пришлось уловить некоего самозванца Боровитинова, который под видом присланного Тайной канцелярией сержанта, приехав в Суздаль, арестовывал и допрашивал по суздальскому делу, всех, впрочем, отпуская, видимо, за взятки[342].

В 1722 году к царскому денщику Орлову пристал на улице пьяный бывший служитель царевича Алексея, говоривший, что он верно царевичу служил, «судит-де того Бог, кто нас обидел». По указу Петра

---

339 См. Г. А. VII. № 138, 167 и др.

340 Г. А. VI. № 135.

341 См.: там же. № 139, 140, 143, 144.

342 Там же. № 136.

Орлов препроводил этого человека для розыска и следования в Тайную канцелярию. По поводу драки, случившейся в крепости между бывшими служителями царевны Марии Алексеевны, комендант крепости Бахметев доносит немедленно Толстому в Тайную канцелярию. В 1722 же году некто Завесин, явившись в канцелярию Воронежскского надворного суда в пьяном виде, говорил: «я-де холоп государя своего Алексея Петровича и за него голову свою положу, хотя-де меня и распытать». Немедленно Тайная канцелярия вытребовала себе все дело, настаивая, чтобы далее никаких копий не оставлял у себя надворный Воронежский суд[343].

В 1721 году прислали в Тайную канцелярию из приказа Инквизиторских дел некоего пустынника, который, как по расспросу оказалось, был близок с архиереем Досифеем, замешанным по суздальскому делу. Тайная канцелярия немедленно начала розыск, и хотя дело протянулось до середины 1722 года, однако никакой «важности» в нем отыскать не удалось[344].

Все выше рассмотренные нами группы дел могут быть объединены и подведены под понятие дел по преступлениям государственным, если выражаться терминологией современной. Мы уже имели случай говорить, что количество этих дел совершенно преобладает над количеством дел других родов, положение это придется еще усугубить в его силе, если признать, что дела о раскольниках в глазах Петра тоже в сильной мере носили окраску дел государственных. Если дела этого рода и поступали всегда исключительно по сепаратным указам Петра, то все-таки ясно видно, что Тайная канцелярия раскольничьи дела считала всегда и определенно подлежащими не случайно ее компетенции, хотя бы поступление их и было в известной степени как бы случайно. Это видно и из того, что в канцелярии имелась большая коллекция утвержденных Петром приговоров синода по раскольничьим делам, хранившаяся, очевидно, для руководства канцелярии[345], а уже в 1725 году синод опять присылает в канцелярию новый указ о раскольниках, и этот указ протоколом канцелярии принимается к сведению. Особенно большое поступление раскольничьих дел в Тайную канцелярию мы имеем в период 1720–1721 годов.

Все дела о раскольниках носят характер, чистых дел о вере; сохранилось только одно дело — правда, большое — в котором, обвиняемый монах был не чужд раскола и в то же время обвинялся в том,

---

343 Г. А. VII. № 137, 134, 115.

344 Г. А. VI. № 138.

345 Г. А. VII. № 196.

что громогласно на площади в Пензе называл царя антихристом[346], так что тут является замешанным и «слово и дело»; но во всех прочих делах о раскольниках, бывших на решениях в Тайной канцелярии, не пришлось заметить указания на существование какого-либо государственного преступления. В 1720 году бриг. Воейков присылает на имя императора раскольников с донесением об их раскольническом образе мыслей; дело передается в Тайную канцелярию, где начинаются допросы этим раскольникам с пытками. К сожалению, конца дела не сохранилось. В октябре был прислан в «канцелярию тайных розыскных дел» раскольник Абакумов; он быстро при допросе от раскола отрекся, и Тайная канцелярия определила поместить его для исправления «в монастырь, куда надлежит». Иначе дело кончалось, если раскольник упорствовал; тогда следовал приговор: «бить кнутом нещадно и сослать в Соловецкий монастырь в земляную тюрьму для покаяния, и быть ему там до кончины жизни его неисходно»[347]. В последнем деле мы встречаемся с интересной подробностью, которая еще раз свидетельствует, что это раскольничье дело было чисто делом о вере: «И ноября в 1, — читаем, мы в этом деле, — нынешнего 1720 году в Канцелярии Тайных Розыскных Дел перед... (титул) ...Толстым да перед невским архимандритом Феодосием присланный от двора Его Царского Величества раскольник. Яков Семенов о вере в подтверждение распрашиван». Так как дело шло именно о вере, то Толстой приглашал лицо сведущее в этом, каковым, несомненно, являлся невский архимандрит.

В мае 1721 года опять несколько раскольников было прислано в Тайную канцелярию от двора Его Царского Величества, и когда им был постановлен приговор, то Ушаков с выписками отправил этот приговор Толстому, который доложил обо всем царю и так отвечал в письме Ушакову: «указал Его Царское Величество о раскольниках, которые по определению вашему посланы в Ревель, тем быть там (речь идет об упорствующих), а обратившихся двух извольте отослать в духовный синод, чтоб там определили оных по своему рассмотрению»; а по определению все нераскаявшиеся раскольники были посланы в Ревель «в вечную галерную работу». Такого же характера было дело «о вере» в 1721 году, следованное Тайной канцелярией[348]. Надо иметь в виду, что количество этих раскольничьих дел все-таки сравнительно было очень незначительно и едва ли доходит в общей сложности до одного десятка.

---

[346] Г. А. VI. № 156.
[347] Г. А. VII. № 42, 68, 65.
[348] Там же. № 87, 93.

Дела «интересные», т. е. касающиеся похищения (всякого вида) казенного имущества, как мы видели, в первые годы занимали большое место в делопроизводстве канцелярии; их было немного по числу, но все они были велики своими размерами. Таково было дело ревельское адмиралтейское, в большей своей части дела астраханские и дело Перекрестовых. Таким образом, получается впечатление, что в Тайную канцелярию направлялись только те «интересные» дела, которые представляли особое значение. Это заключение как будто подтверждается, если обратить внимание на содержание всех таких дел, следовавшихся Тайной канцелярией. Громадное ревельское адмиралтейское дело началось, как мы видели, собственноручным письмом-указом Петра Толстому, которое показывает, что Петр близко к сердцу принимал это дело, да и выписки и экстракты по нему, иногда с вопросами о «следовании», как мы тоже имели случай видеть на одном примере, представлялись царю на его рассмотрение. Не мене значительно было и дело о расхищении имений полковника Перекрестова, хотя бы потому, что в этом расхищены были замешаны такие близкие Петру лица, как Меншиков и Апраксин. Дело это тянулось с 1720 по 1724 год, началось оно с доноса, который по этому поводу подал Петру певчий Ф. Кириллов в июле 1720 года. Осталось много черновых бумаг по следованию Тайной канцелярией о «непорядочных поступках» малороссийского полковника Полуботка, генерального судьи Черныша и др. Дело это по именному указу было передано для следствия в Тайную Канцелярию, откуда поступило для учинения решения в Вышний суд, что произошло тоже по указу царя. Кроме того, в делах канцелярии сохранились еще бумаги (и в большом количестве) по делу о взятках и расхищении неким майором Фуниковым казенного имущества и денег[349].

Как видим, мелких, ничтожных дел «интересных» в производстве Тайной канцелярии не встречается; при этом необходимо заметить, что только самые первые годы дела такого рода бывали в Тайной канцелярии; позже канцелярия определенно считала «интересные» дела не входящими вообще в сферу ее компетенции.

В заключение обзора делопроизводства Тайной канцелярии необходимо отметить несколько дел совершенно особенных, не подходящих ни под какие рубрики. В одном письме к Меншикову Толстой пишет: «поручик Федор Друковский, который прислан от Вашей Светлости в Канцелярию тайных розыскных дел с хлопцем Данилом Свиружевским (?) для розыску в подписке под руку Вашей

[349] Г. А. VII. № 63, 179, 28.

Светлости и в подделке печати, который у нас в том с розыску винился; для учинения ему указу оный Друковский и с хлопцем, и с подлинным о нем делом також для крезрехта (кригсгерихта?) послан при сем до Вашей Светлости»[350]. Так, видимо, по частному поручению — просьбе Меньшикова — Тайная канцелярия следовала случайное дело, до нее совершенно не относящееся. Дошло до нас также известие, что уже далее, в 1723 году Тайная канцелярия имела в своем ведомстве и следовала дело по обвинениям придворного попа и певчего «в непотребствах», отнюдь ничего общего с «важностью» не имеющих[351]. Конечно, если присылка дела была «от двора Его Царского Величества», то Тайная канцелярия и подавно совершенно подчинялась велению, хотя бы и присылаемое дело было абсолютно ей чуждо. Так, в 1721 году на Царицыном лугу к Петру подошел один человек с заявлением, что у него есть дело до царя. Петр отправил этого человека в Тайную канцелярию, по расспросам оказалось, что человек этот жаловался на Берг-коллегию, которая не хочет дать ему средств сделать им изобретенные станки для делания денег. Дело это, до конца веденное Тайной канцелярией[352], служит хорошей иллюстрацией, как даже в 1721 году сильно чувствовалось происхождение Тайной канцелярии: она была все-таки канцелярией для царских поручений ведения Толстого «с товарищи». В декабре 1718 года Тайная канцелярия следует по одному доношению фискала, что купцы отправили за границу пленных шведов под видом проводников при живых медведях. В розыске по этому поводу близкое участие, очевидно, принимал сам Петр; в деле имеется запись: «декабря в 26 день 718 году по именному великого государя указу, каков учинен по подлинном о том делом (?) велено...», и далее идут мелкие указания о дальнейшем розыске[353]. Это тоже дело «особенное» для Тайной канцелярии.

На этом мы и окончим обзор делопроизводства Тайной канцелярии. Постараемся теперь подвести некоторые итоги всему вышеизложенному. Дела, бывшие в производстве Тайной канцелярии, могут быть поделены на следующие разряды: 1) дела по преступлениям государственным (оскорбление Величества, измена в широком смысле слова, все дела подозрительные в этом отношении и др.); 2) дела по преступлениям против казенного «интереса» (взятки и хищения казенного имущества); 3) дела раскольничьи (в известной связи

[350] Г. А. VII. № 17.
[351] Там же. № 6. Карт. 2. Л. 85.
[352] Там же. № 104.
[353] Там же. № 30.

с делами по преступлениям государственным); 4) дела, попадавшие более или менее случайно. В количественном отношении громадное преобладание, безусловно, на стороне дел по государственным преступлениям всех родов и всякой важности, по большой и малой; их смело можно считать около 75 % всего количества дел канцелярии. Дела раскольничьи разве немногим превышают десяток в своей общей сложности, но попадаются они в делопроизводстве за все время существования Тайной канцелярии и считаются, видимо, до ее ведения относящимися. Дела «интересные» тоже очень малочисленны, надо отметить их сравнительную значительность: средние и мелкие отсутствуют в делопроизводстве канцелярии. Дел как бы случайных попадается меньше десяти в канцелярском производстве, т. е. процент к общему количеству совершенно ничтожный. Следует еще в дополнение отметить, что дела «интересные» попадали в канцелярию не далее 1720 года — позднее они исчезают. Дела раскольничьи имеются и после 1721 года, но их остается крайне мало (собственно, одно). Дела случайные почти исключительно приходятся на первое время деятельности канцелярии, дела же по государственным преступлениям, проходя основной струей через все делопроизводство канцелярии, в последние годы ее деятельности почти исключительно остаются в ее производстве.

II

Как мы уже говорили, до 1722 года нам не встретилось ни одного указа или повеления, в котором бы, хотя в самых общих чертах, хотя бы и в части только, намечались те дела, которые должны были бы обычным постоянным порядком идти на разрешение, на «следование» в Тайную канцелярию. Попытаемся путем наблюдения того, каким образом каждое из дел поступало в ведение канцелярии, установить, как регулировалась деятельность канцелярии в этом отношении.

Около 50 % дел, производившихся до 1722 году и в которых оказалось возможным проследить историю их передачи в ведение Тайной канцелярии, поступали в канцелярию от двора или кабинета Его Царского Величества, обычно при письме Макарова, где говорилось всегда об указе Петра для этой передачи. Иногда, впрочем, в деле нельзя определить, было ли прислано оно с письмом. Письма эти обычно адресовались одному из министров канцелярии. «Государь мой милостивый Петр Андреевич. С доносителем сего с майором Норовым, — писал Макаров Толстому в 1719 году, — колодников,

присланных с Москвы, прикажите принять в Тайную розыскную канцелярию; а какие до них дела, о том я донесу вам сам. Слуга ваш моего милостивого государя А. Макаров». И в следующем письме, изложив дело, Макаров кончает: «допрос прилагается при сем подлинный, и Его Царское Величество указал вам о том свидетельствовать, чего для оный сержант и остальные присланные с ним солдаты посылаются к вам. Слуга ваш Алексей Макаров»[354]. Или в марте 1720 года Макаров писал Толстому: «Царское Величество указал дело дворян Бароновых и прочих, к которым приказано было спускать суда на Боровицких порогах, отослать для розыску в Тайную канцелярию к Вашему Превосходительству; и об отсылке того дела к обер-секретарю Щукину писано, и когда оное пришлется, тогда извольте, Ваше Превосходительство, приказать оное дело принять и по оному исследовать». И целый еще ряд такого характера писем Макарова к министрам Тайной канцелярии дошел до нас за 1720 год[355] Таким образом, во многих случаях царь через Макарова сам лично отправлял дела в канцелярию. Иногда это делалось и через кого-либо другого из приближенных царя. Например, в 1722 году дело было начато так: «и о том докладывал он Орлов Его Императорскому Величеству, и Его Императорское Величество указал о том исследовать в Тайной канцелярии». Иногда Петр непосредственно передавал колодника или доношение для «следования» кому-либо из министров канцелярии; в 1721 году Ушаков прислал под караулом окольничего Никиты Акинфиева человека Тим. Бархатова, который «подходил к Его Царскому Величеству». В том же году Бутурлин присылает в канцелярию еще одного человека, осмелившегося подойти к царю, когда он шел в строю Преображенского полка. В мае 1718 года, по поводу дела о поляке Носовиче, Толстой писал: «сего 1718 году мая 6 дня подал Его Царскому Величеству доношение поляк Григорий Носович... по которому Его Царское Величество изволили повелеть... исследовать нам в Канцелярии тайных и розыскных дел». В 1719 году Петр прислал в канцелярию «исследовать и разыскивать» об одном архимандрите, которого Петр лично арестовал, уличив в тайном служении молебнов перед какой-то таинственной иконой. И дело об убежавших пленных шведах было, вследствие фискальского доношения, передано в Тайную канцелярию самим Петром, который после не переставал входить лично в это дело[356]. Едва ли мы ошибаемся, если

---

[354] Г. А. VII. № 66. Л. 1–2, 20.
[355] См. Г. А. IX. № 2. Карт. 4. Л. 66, 265, 270, 377 и др.
[356] Г. А. VII. № 137, 98, 99, 24, 21, 30.

скажем, что до 1722 года около 70 % всех дел, поступивших в Тайную канцелярию, поступали по сепаратным, прямым указам Петра, и что никаких следов общих директив, выяснявших и определявших порядок поступления дел, до 1722 года не существовало. В тот же промежуток времени, однако, есть ряд дел, поступавших в Тайную канцелярию от других учреждений непосредственно: в большинстве случаев эта передача совершалась «по указу Его Императорского Величества»; вопрос только в том, насколько тут ссылка на указ является ссылкой на сепаратный в данном случае указ, а не просто общим выражением. Надо заметить, что в нескольких, хотя и немногих, случаях это выражение совсем отсутствует, и передача совершается как бы в обычном установленном порядке, все дела, так переданные, являются делами по оскорблению Величества, против первых двух пунктов. В таких случаях передача дел совершалась обычно при письме от кого-либо из власть имеющих к одному из министров канцелярии. В 1719 году Дивиер отсылает колодника, сказавшего за собой «слово и дело», в Тайную канцелярию при письме на имя Ив. Бутурлина, где пишет между прочим: «того ради оный каторжной невольник при сем посылается до вашего превосходительства для исследования дела, понеже оное следует в Канцелярии тайных розыскных дел ведомства Вашего Превосходительства». Дело было принято канцелярией. В 1720 году Дмитриев-Мамонов при письме на имя Бутурлина присылает «сказку» солдата о «слове и деле», что тоже принимается к следованию и решению[357]. Некоего Михаила Маслова при письме на имя П. А. Толстого присылает в Тайную канцелярию светл. князь Меншиков по поводу сказанного этим Масловым за собой «государева слова»[358]. Такого рода присылки дел наводят на мысль, что в конце 1719 года обычай и практика заставляли понемногу все более смотреть на Тайную канцелярию как на учреждение, специально предназначенное для суждения преступлений против первых двух пунктов, почему и отправлялись туда дела этого рода, раз они где-либо возникали. Никакого другого рода дела в Тайную канцелярию так не присылались, по крайней мере, нам не встретилось ни одного такого случая. Это наблюдение подтверждает наши выводы о предметах ведения канцелярии. Таким образом, если большинство дел поступало в канцелярию по прямым сепаратным указам царя, то уже к 1719 году учреждения начали присылать дела непосредственно в Тайную канцелярию, исключительно при этом дела «против первых

[357] Г. А. VII. № 29. Карт. 1. № 4 и 11.
[358] Там же. № 46.

двух пунктов», так было до 1722 года. Указ, помеченный 28 апреля этого года, предписал всем лицам и учреждениям присылать дела против двух пунктов и в Тайную канцелярию наряду с Преображенским приказом. С этого времени все дела, за редкими исключениями, стали поступать в ведение канцелярии исключительно этим путем, согласно велению указа, хотя старые способы и не исчезли совершенно. Дело об одном «жителе гостинной сотни», возбуждавшем подозрения Петра, было уже в конце 1724 года передано в Тайную Канцелярию таким письмом: «Государь мой Андрей Иванович. Его Императорского Величества указом, будучи в Москве, отдан мне арестант... и я об нем его величеству докладывал, и его величество изволил указать оного Шапошникова отдать к вам; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова принять в свое ведомство». Письмо это подписал А. Румянцев[359].

Таким образом, иногда имела место старая практика, однако это оставалось в виде редких исключений: учреждение постепенно переставало действовать по поручению, а указным путем приобретало определенную компетенцию; эта компетенция впервые была формально закреплена именно указом 1722 года.

Постараемся теперь проследить тот путь, каким из сферы ведомства по поручениям Тайная канцелярия приобрела определенный, как бы предустановленный круг компетенции. Вспомним прежде всего тяготение, которое нам пришлось заметить в майорских розыскных канцеляриях (Дмитриева-Мамонова и Плещеева), тяготение к образованию все более и более определенной сферы ведомства канцелярий. Если этому стремлению было трудно сравнительно развиваться, когда поручения слишком разнообразные заполняли производство канцелярий, то там, где почти с самого начала характер поручений — и очень значительных — является вполне определенным, естественно такому стремлению к точному выяснению сферы компетенции выразиться в особенно резкой форме и быстрее перейти в практику, это-то и можно наблюдать на Тайной канцелярии, рассмотрением чего мы сейчас и займемся.

Мы уже приводили выдержку из письма Дивиера к Бутурлину, где Дивиер говорит, что отсылает колодника, сказавшего «слово и дело», к Бутурлину именно, «понеже оное следует в Канцелярию тайных розыскных дел». В том же 1719 году Феодосий, архимандрит Александро-Невского монастыря, посылая на имя П. А. Толстого одного монаха, сказавшего «слово и дело», пишет в письме в объяснение

[359] Г. А. VII. № 188. Л. 1.

такой посылки, «понеже оные дела вверены вашему сиятельству»[360], и Толстой не возражал, дело было принято, следовано и решено Тайной канцелярией; Толстой как будто молчаливо согласился с архимандритом в определении компетенции Тайной канцелярии. В 1719 же году Матвеев из Юстиц-коллегии пересылает прямо в Тайную канцелярию донесение по «слову и делу» (о непристойных словах), и Тайная канцелярия дело принимает и следует по нему[361]. Все эти факты показывают, что уже в это время в правящих кругах создалось определенное представление, что дела против первых двух пунктов «вверены» Тайной канцелярии Толстого. Это представление уже тогда как бы санкционировалось по поводу частных случаев самим Петром. В 1719 году были присланы казанским вице-губернатором колодники, «до которых касаются важные царского величества дела». Ушаков, пересылая этих колодников и самое дело, пишет Ромодановскому, тогда бывшему в Петербурге: «в нынешнем 1719 году в июле-месяце Царское Величество указал по именному своему величества указу, как изволил, быть на Котлин острову, по докладу д. т. с. кав. Петра Андреевича Толстого по Канцелярии тайных розыскных дел, ежели впредь будут вновь какие дела касаться о здоровье Его высокомонаршей чести и другие подобные тому и оные чтоб примать Вашему Сиятельству и, что принадлежит, исполнить по правам его царского величества». Однако это дело опять возвращается в Тайную канцелярию. «1719 года сентября в 15 день по именному царского величества указу таково дело из Преображенской Канцелярии за отъездом из Санкт-Петербурга в Москву ближнего стольника князя Ивана Фёдоровича Ромодановского велено отослать для розыску и учинения указа в канцелярию розыскных тайных дел»[362]. Эта передача и произошла в действительности. Таким образом, как видно из вышеизложенного, еще в 1719 году с санкции Петра происходит сближение компетенций и размежевание районов только чисто географическое в сферах деятельности Тайной канцелярии и Преображенского приказа, т. е. уже намечается все то, что было закреплено указом 1722 года. И традиция такого размежевания длится далее 1719 года, причем, кажется, есть стремление у Тайной канцелярии стараться передавать дела при первой возможности Преображенскому приказу. В 1723 году Ушаков не принимает присылаемых ему колодников, а отправляет их к Ромодановскому, который был в это время в Петербурге, мотивируя

[360] Г. А. VII. № 54.
[361] Там же. № 72.
[362] Там же. № 29. Карт. 1 (№ 12).

это тем, «что таковых надлежит отсылать в Преображенскую канцелярию», а в 1721 году в Москве «в канцелярии на потешном дворе», как увидим, бывшей исполнительным органом Тайной канцелярии. Дьяки, выслушав от одного рекрута доношение «о царственном, деле», отправили его в Преображенский приказ, «ибо оное надлежит следовать в Преображенском приказе»[363]. Это, конечно, было сделано с одобрения Тайной канцелярии.

Выяснение области ведения канцелярии шло и другим путем, так сказать, отрицательно. В 1720 году дьяк Большой громогласно обвинял дьяка Сибилева во взятках, и когда комендант Бахметев донес об этом в Тайную канцелярию, то она постановила передать дело в Юстиц-коллегию, «где по взяткам дела следуются»[364]; а после указа 1722 года канцелярия, очевидно, совершенно определенно все «интересные» дела выключает из своего ведения. В этом году кн. Мих. Голицын присылает Ушакову колодника, сказавшего «слово и дело», и при этом ссылается на указ от 8 апреля этого года. Когда же на допросе выяснилось, что колодник доносит только по «интересному» делу, то Ушаков отправляет его обратно Голицыну, мотивируя это тем, что «ведает он (т. е. доноситель) о похищении его императорского величества интересов, и по оному его вопросу к Канцелярии тайных дел следованием не подлежит»[365]. В ноябре 1724 года Канцелярия тайных розыскных дел шлет в Кабинет «доношение» (за подписью Толстого), при котором пересылает дело по челобитью фискала Терского ввиду того, что «о деньгах к Тайной канцелярии не приличествует»[366]. В 1721 году, когда адмиралтейств-коллегия прислала «пункты» доносительные одного взятого по «слову и делу» в Тайную канцелярию, пункты с обвинением обер-секретаря Тормасова во взятках, то по определению Тайной канцелярии за подписями Бутурлина и Ушакова дело по этим «пунктам» не было принято, «понеже по оным пунктам к тайным делам важности не касается»[367]. В 1720 году один солдат сказал «слово и дело» (и поэтому был от двора прислан в канцелярию), но тут «важности не явилось», а потому его отправили из Тайной канцелярии, которая отказалась «следовать» дело[368]. Таким образом, здесь кроме уклонения от дел «интересных» как будто есть намек, что Тайная канцелярия занимается только делами тайными с важностью.

---

363 Г. А. VII. № 179 и 108.
364 Там же. № 61.
365 Там же. № 29. Карт. 1.
366 Г. А. К. П. Кн. 81. Л. 42.
367 Г. А. VII. № 84.
368 Там же. № 29. Карт. 1.

Вопрос о «важности» — вопрос сложный и запутанный. Когда и как образуется выражение «важность», «важное дело», установить трудно; по-видимому, понятия эти вошли в обиход Тайной канцелярии уже в более или менее готовом виде. В 1720 году в определении о посылке одного дела и доношения о «непристойных словах» в Сенат Тайная канцелярия писала, чтобы оного доношения, кроме Правительствующего Сената, ни обер-секретарю не распечатывать, понеже в нем важность имеется немалая»[369]. Из этого уже видно, что понятие важности включало в себя дела против первых двух пунктов указа 1715 года, и что «важность» должна вообще быть строго скрываема от более или менее постороннего взора.

В 1722 году, отсылая в Адмиралтейств-коллегию дело о «слове и деле» и колодника с ним, Тайная канцелярия писала: «вчерашнего числа из помянутой коллегии в Тайную канцелярию присылали колодника из матросов Андрея Лебедева и с ним при промемории расспросные его Лебедева речи, где объявлена на капитана Кошелева, да на кап.-лейтенанта Фогенкегеля важная причина... и (этого) принимать в оную канцелярию не подлежит, ибо та коллегия вступила в действо не свое, и матроса обстоятельно расспрашивать не надлежало... и не так, чтоб его важность изъяснять», а действовать надо было по указу 28 апреля 1722 года о говорящих за собой «слово и дело»; «а понеже в адмиралтейской коллегии важность из расспросу матросского явна, и для того Тайная канцелярия следовать не может, ибо то дело начало возымело не тайно, но многим явно, которым ведать было не подлежало; и расспросные речи присланы в Тайную канцелярию не запечатаны, просто». Отсылая все обратно, Тайная канцелярия в заключение просит о том, «что учинено» будет по следованию об этом деле в Адмиралтейств-коллегии, ее известить. Коллегия аккуратно исполняет просьбу, извещая в январе 1723 года, что извет оказался ложным и Лебедев был казнен[370].

В 1722 году по вопросу о даче по одному делу (злоумышление на царя) справки Ушаков велит секретарю Топилскому дать требуемую справку так, чтобы не говорить в ней о сущности дела вследствие его важности. Тогда же Тайная канцелярия в определении своем делает замечание св. Синоду, который осмелился вступать в подробный допрос по одному делу о «слове и деле», что ему «расспрашивать не надлежало» «о следовании таковых важных слов». В 1723 году Тайная канцелярия уже определенно «главному магистрату имеет предосуждение»,

[369] Г. А. VII. № 64. Л. 101 об.
[370] Там же. № 29. Карт. 1 (№ 33).

а бурмистрам грозит «учинением наказания» «за такую продерзость», что в допросах своих по извету они «самую важность открыли, чего весьма чинить им не подлежало». Наконец, в январе 1725 года в протоколе канцелярии есть следующая запись: в ответ на указ Сената о присылке непосредственно по требованиям генерал-фискала всех дел канцелярии ему на просмотр, канцелярия возражает, что у нее есть «государственные важные секретные вершеные дела приличные к первым двум пунктам», «таковых вершеных и невершеных дел к генерал-фискалу Тайная канцелярия отдавать не смеет, понеже о секрете и о важности оных многим ведать не подлежит», отчего, по мнению оной канцелярии «может не без вредности государственной быть, и о том из Сената требовать указу»[371]. Толстой в одном письме 1724 года к Ушакову пишет, что важные дела, в тот момент имевшиеся в канцелярии, были дело новгородское и дело Санина[372]; а оба эти дела, большие по своим размерам, являются преимущественно делами против первых двух пунктов — об оскорблении чести Его Царского Величества.

Все эти данные исчерпывают тот материал по решению вопроса о «важности», который имеется в делах Тайной канцелярии; из них можно только вывести, что к делам важным относятся все дела против первых двух пунктов и что тайна является непременным условием ведения «важных» дел, ибо, если важность сделается всем явной, то от этого может произойти «государственная вредность». Едва ли дальнейшие поиски к более точному выяснению понятия о «важности» могут привести к более плодотворным результатам. Надо полагать, что и в то время за термином этим не было вполне определенного значения; понятие о важности было, видимо, шатко. Во всяком случае, можно полагать, что к 1723–1725 годам дела по преступлениям государственным (не случайным и бессознательным) входили в категорию «важных» дел; в них обычно считалась присутствующей «важность», с распространением известий о сущности которой возникала «вредность» для государственного строя, в силу чего «важность» и «тайность» всегда и неизбежно сопутствовали, должны были сопутствовать друг другу.

Если, таким образом, дела интересные из ведения канцелярии отметались, если дела против первых двух пунктов, дела «важные», обычаем начали присылаться в Тайную канцелярию как в место их ведения, с чем канцелярия молчаливо как бы соглашалась, принимая

371 Г. А. VII. № 117, 123, 124, 203.
372 Там же. № 103. Л. 271.

их, однако к 1722 году явились, видимо, недоразумения. Дивиер, как наиболее часто имевший колодников по «слову и делу», начал затрудняться наконец такой их присылкой в Тайную канцелярию только вследствие обычая, и как раз в день указа 1722 года (28 апреля) пишет Толстому письмо, в котором говорит: «и о тех (т. е. о говорящих за собой «слово и дело») куды их ныне отсылать, требовали от вашей милости известия, но токмо того известия и поныне не получили: а оные колодники и по их оговорам другие держатся под караулом; и в небытность вашей милости в С.-Петербурге тех колодников, також и впредь по розыскным делам в таковых же делах является: куда отсылать, никакого повелительного указа не имеем. Того ради вас, моего государя, прошу, дабы меня уведомить: вышеозначенных колодников и по тем делам оговорённых людей, також которые и впредь за собой будут сказывать Его Императорского Величества слово, в С.-Петербург к следованию к кому отсылать, чтоб в том какого продолжения и по их оговорам оговорным людям упущения не возымелось». Итак, вопрос, очевидно, назрел, довольствоваться обычаем, частным случаем стало трудно. Указ состоялся в тот же день в подтверждение установившегося обычая, и Толстой в ответ на это письмо Дивиера, уже имея указ, писал: «и на оное Вашему Превосходительству предъявляю: таких колодников изволите отсылать в С.-Петербурге в Тайную канцелярию, а в Москве — в Преображенский приказ»[373]. Так был окончательно решен вопрос, уже подготовлявшийся ранее, и решен в ранее определившемся направлении: с 28 апреля 1722 года по закону уже Тайная канцелярия имела своей прямой обязанностью следовать дела по «слову и делу»; к этому же времени она отклонилась от дел «интересных»; дела случайные теперь уже в нее почти не попадали, и Тайная канцелярия с этого года приобрела определенный облик учреждения, исключительно ведавшего преступления против первых двух пунктов. И в следующем году канцелярия тщательно и ревниво следит за своим исключительным правом следования по «делам государственным», разделяемым только с Преображенской канцелярией. Когда в 1723 году Главный Магистрат и ратуша Старой Руссы осмелились сами допрашивать по поводу одного «слова и дела», то Тайная канцелярия в определении своем написала: «бурмистры вступили не в свое действо... и в расспросе того Дружинина самую важность явно открыли, чего чинить весьма им не подлежало», за что «Тайная канцелярия главному

---

[373] Г. А. VII. № 29 Карт. 2 (Дело «о беглом матрозе Иване Яковлеве»). Л. 125, 126 и далее.

магистрату имеет предосуждение», а помянутым бурмистрам «учинено им будет за такую продерзость наказание»[374]. Определение это было за подписью Ушакова. Так устанавливалась компетенция Петровской Тайной канцелярии.

III

Когда в 1720 году Тайную канцелярию спросили «для лучшего сочинения Уложения об указах», «которые о чем учинены особливыми именными указами, по приличности, прежнего Уложения глав, в том числе ко второй главе», то канцелярия отвечала, что «другие дела», кроме суздальского и кикинского, в Канцелярии «вершены по Уложению второй главы, а по военному артикулу третьей главы по 19-му и 20-му артикулам»[375]. Таким образом, уже в конце 1720 года Тайная канцелярия считала правовыми нормами своего действования вторую главу Уложения и параграфы воинских артикулов. Мы уже видели, что это ничуть не исключало влияния сепаратных указов, помимо Уложения решавших дело. Во всяком случае, хотя бы в общей идее только Тайная канцелярия кладет все-таки в основу своего действования нормы Уложения и артикулов. Конечно, эти нормы действуют не в самом процессе, а единственно при наложении наказания. Вторая глава Уложения по своим процессуальным нормам и не может ничего дать; если там намечены двумя-тремя чрезвычайно общими штрихами процессуальные нормы, то далее в этих общих штрихах они совершенно не годятся для Тайной канцелярии; в воинских артикулах процессуальная сторона не сильнее. Весьма вероятно, что на установление этих норм, хотя и в указанных пределах, повлияли многочисленные указы Петра о решении то того, то другого дела «по Уложению». С 1722 года ссылки на Уложение при постановлении решений становятся в определениях канцелярии чрезвычайно часты[376] и, можно сказать, постоянны в делах боле мелких, менее важных, о которых, не доводилось до сведения Петра; с того же времени начинаем встречать и сепаратные указы Петра о решениях «по Уложению». Видимо, иногда также и другие статьи воинских артикулов при надобности пускались в ход Тайной канцелярией. Так, в одном определении Канцелярии от 1722 года имеется ссылка на ст. 149 воинских артикулов[377].

---

[374] Г. А. VII. № 124.
[375] Там же. № 69.
[376] Там же. № 29, 7 (ч. III), № 167 и др.
[377] Там же. № 149.

Однако нормы Уложения и артикулов применялись на практике очень растяжимо и часто совершенно отвергались, или исправлялись, что отнюдь не считалось предосудительным уклонением от законного пути. Например, в 1723 году в одном определении читаем: «по Уложению второй главы седьмонадесятой статьи надлежало было ему (преступнику) учинить смертную казнь, отсечь голову, а по мнению генерал-майора Ушакова смертной казни ему Корноухову не чинить, за то... (идет объяснение) ...а вместо смертной казни... быть ему там (в земляной тюрьме) неисходно». Это определение вошло в силу после того, как Толстой высказал «согласное» мнение[378]. С другой стороны, приходившие в голову «министрам» разного рода, иногда весьма субъективного характера, соображения, видимо, считались вполне уместными в оправдание того или иного приговора помимо всяких соображений с Уложением или артикулами, и соображения эти приводились обычно в тексте «определений». По поводу присланного из Малороссии монаха и его видений (совершенно бессмысленных) было решено, что все это со стороны монаха некое «плутовство», и «его ложному плутовству верить нимало не подлежит», и монаха присудили к вечной ссылке в монастырь Архангелогородской губернии[379]. Это было в 1721 году. В 1723 году Тайная канцелярия определяет по поводу одного малоросса, сказавшего непристойные слова, что, хотя свидетели два человека показали «сходно той его простоте, однако же без наказания отпустить той вины невозможно для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежит»; того ради «бить нещадно батоги»[380]. Здесь уже Тайная канцелярия вводит свою собственную уголовную норму, что бранить никого таким образом нельзя, и что за брань такую подлежат виновные битью батогами. По поводу нового доноса («слова и дела») одного колодника Тайная канцелярия определяет не задерживать ввиду этого его наказания и не докладывать царю, «понеже он (колодник), отбывая смертной казни, может и часто такие бездельные доношения подавать, продолжая жизнь свою». И по поводу доноса на некоего колодника Муравщика Тайная канцелярия пытала его много, и в результате в определении написано: «в пятом розыску и с огня говорил, что тех слов он (Муравщик) никогда не говаривал, а свидетели стоят в первых своих словах», т. е. обвиняют Муравщика. Канцелярия им почему-то верит и ссылает Муравщика в дальние города в работу[381]. Так нередко

[378] Г. А. VII. № 80.
[379] Там же. № 51. Л. 26 об.
[380] Там же. № 170.
[381] Там же. № 8 и 166.

личное усмотрение ставилось на место законом установленных норм, правда, весьма несовершенных. Есть намек, что иногда при этом стремились руководствоваться «прежде бывшими примерами», т. е. старой практикой. Ушаков в одном письме своем Толстому в 1721 году писал, что по одному делу о раскольниках он просил Макарова доложить Государю, «что чинить, о том бы он, господин Макаров, доложил Его Царского Величества, а прежние у нас примеры о обратившихся отсыланы в Невский и Соловецкий монастырь для исправления»[382]. Здесь хотя и не совсем определенно, но как будто Ушаков имеет в виду придержаться того порядка, который был установлен примерами более ранними.

Так действовала Тайная канцелярия; она не имела никакого законодательного акта, которым бы нормировалась ее деятельность, да этого и не могло быть первое время, когда перед нами было собственно учреждение для поручений. Однако не проходит трех лет, как канцелярия считает своей обязанностью опираться уже на известные нормы, хотя только в части, обнимающей ее деятельность. Этими нормами являлись Уложение и артикулы. Постоянное отклонение от этих норм, стремление, может быть, и несознательно далее устанавливать новые в отдельных конкретных случаях — очевидно, все это господствовало в практике канцелярии во весь Петровский период ее деятельности; иногда же как будто выступала на сцену идея руководствования старой практикой. В итоге никаких прочных, постоянных правовых норм не лежало в основе деятельности Тайной канцелярии; рационализирующий произвол министров да конкретные указы царские являлись чаще всего в виде правовых норм, и лишь во второй половине деятельности канцелярии Уложение и артикулы были до некоторой степени этими нормами, но, будучи очень несовершенны сами по себе, они могли, как мы видели, нормировать деятельность канцелярии только в части о присуждении наказаний; во всем же остальном во всем процессе вплоть до этого момента всякие нормы у Тайной канцелярии отсутствовали: своих собственных не было в этом временном установлении для поручений (а именно так на нее смотрел Петр во все время царствования), со стороны же было взять неоткуда, и только когда Петру уже самому стало трудно следить пристально за приговорами канцелярии, он стремился обеспечить правильность их хотя бы Уложением и артикулами.

На таком шатком правовом базисе действовала Тайная канцелярия.

[382] Г. А. VII. № 111. Л. 2.

IV

В среде современных государственных учреждений Тайная канцелярия занимала высокое место; только один Сенат да Кабинет Его Величества стояли над ней. По отношению Сената Тайная канцелярия находилась в прямо подчиненном положении, это видно уже из того, что Сенат служил для канцелярии непосредственной апелляционной инстанцией: он рассматривал жалобы на канцелярию в случае их возникновения; к нему же на разрешение Тайная канцелярия посылала те дела, которые решать сама не осмеливалась по каким-либо обстоятельствам.

Отношения канцелярии к Сенату установились издавна, с самого возникновения канцелярии. Еще в марте 1718 года, когда канцелярия была учреждением, занятым почти специально розыском царевичева дела, все приговоры по этому делу чинил собственно Сенат, съезжаясь в помещение Тайной канцелярии, которая только подготовляла все следствие и докладывала выписки по розыскам. Таким образом, с самого возникновения канцелярии Сенат стал над ней, но, с другой стороны, как раз в это самое время отношения императора к канцелярии были очень близки и едва ли позволяли иметь канцелярии над собой еще какое-либо начальство. Вероятно, этим можно объяснить, что до 1720 года Тайная канцелярия если и входит в сношения с Сенатом, то только по непосредственному указу царя, да и в 1720 году Тайная канцелярия входила в Сенат с делом особого рода, и это скорее было дипломатическим шагом в щекотливых обстоятельствах, чем проявлением действительной подчиненности канцелярии Сенату: какой-то подьячий Орлов, сказав за собой «слово и дело», обвинял во взятках и всяческих беззаконных потворствах дьяков Преображенского приказа и самого кн. Ромодановского, произведя об этом «следование» (приведшее к полному обелению Приказа и Ромодановского), Тайная канцелярия учинила только «мнение» и все дело послала на санкцию в Сенат. Здесь с мнением канцелярии согласились, и был прислан указ: доносителю «учинить вместо натуральной смерти политическую»[383].

Не имелась ли тут, ввиду щекотливости дела, затрагивающего такого человека, как кн. Ромодановский, возможность устраниться и снять с себя ответственность за всякие возможные недоразумения, прикрывшись сенатским решением? Хотя в том же 1720 году Сенат как бы закончил дело о подьячем Курзанцеве, следовавшееся собственно в Тайной канцелярии, однако это произошло в силу прямого

[383] Г. А. VII. № 48.

о передаче указа Петра, и никакого выражения подчиненности тут, искать нельзя; а в 1721 году, постановив один приговор о раскольниках, Тайная канцелярия «требует» на это из Сената «решение», и Сенат присылает свой указ, которым утверждает постановление канцелярии («приказали... быть по мнению Тайной канцелярии»)[384]. Трудно выяснить, почему именно это дело из многих подобных Тайная канцелярия решила провести через санкцию Сената; быть может, в деле были какие-либо особые обстоятельства, заставлявшие канцелярию искать опоры в решении Сената. В декабре 1721 года Петр именным указом по частному делу определенно ставит Тайную канцелярию под начало Сената: по указу царя «доношение» некоего Попова, что «неправо безвинно им розыскивано» в Тайной канцелярии, с делом об этом Попове отправляется для решения в Сенат. Тайная канцелярия пишет, что дело с доносом Попова препровождается в Сенат, «дабы о писаном учинить повелели по Его Императорского Величества указу, — пишет Толстой в доношении Тайной канцелярии Сенату, — понеже о том в Канцелярии тайных дел следовать невозможно, ибо на нее протестуют; для того оная канцелярия у Правительствующего Сената просит, чтоб от показанного плута Попова оборонить»[385]. Тайная канцелярия просит у Сената просто защиты от «плутов»; так понимается — или желательно, чтобы понимался, — указ Петра об исследовании жалоб Попова на канцелярию в Сенат. К 1724 году эти отношения, по-видимому, перешли в более или менее постоянную и определенную форму подчинения и некоторого контроля даже со стороны Сената, по крайней мере, Сенат указом своим от 26 февраля 1724 года требует от канцелярии «доношения» о числе колодников и «за чем кто держится и для чего оным решение не учинено», требования, явно имеющие в виду некоторый контроль деятельности канцелярии[386]. Уже с 1723 года (а может быть, и ранее) канцелярия стала обязанной доставлять Сенату «месячные репорты», посылать счетные выписки каждый месяц в сенатскую Ревизион-контору. Видимо, при этом не было никаких пререканий, и Тайная канцелярия не протестовала против такого систематического определенного контроля; а в 1725 году опять «подано в Сенат доношение с выпискою по протесту, поданному от бывшего синодского секретаря Герасима Семенова, по которым надлежит следовать и решение учинить в Сенате»[387].

[384] Г. А. VII. № 64, 93.
[385] Там же. № 101. Л. 3 об.
[386] Там же. № 6. Л. 112.
[387] Там же. № 6. Карт. 2 и 4 (№ 150, ч. IV).

Итак, Сенат остается не только апелляционной инстанцией, но до известной степени даже контролирует деятельность Тайной канцелярии; все это, по-видимому, окончательно упрочивается в 1724 и 1725 годах. Необходимо заметить, что как раз в это время Тайная канцелярия стала очень тяготить, как увидим ниже, ее первенствующего министра П. А. Толстого — он начал стремиться от нее отдаляться. В 1725 году Сенат выразил желание, чтобы «по требованию генерал-фискала» канцелярия давала ему все свои дела, «не требуя о том из Сената указу»; в этом же как бы виднеется попытка захватить всю власть над канцелярией для генерал-фискала. Однако тут Тайная канцелярия дала отпор, говоря в «доношении» Сенату, что она никак «отдавать не смеет важные секретные дела, приличные к первым двум пунктам», почему и требует о том указу из Сената. Был ли этот ответный указ, установить не пришлось, дела канцелярии, однако, в руки генерал-фискала не попали[388]. И все-таки, несмотря на выражение тут явного протеста Сенату, Тайная канцелярия заканчивает этот протест тем, что ждет указа, т. е. как бы только представляет свои соображения, а уж там как Сенат распорядится. Тут вновь, несомненно, выраженное, хотя бы формальное только, подчинение канцелярии Сенату. И иногда долго приходилось ждать Тайной канцелярии, пока Сенат соберется принять и разобрать дело и дать по нему «указ». В декабре 1721 года было отправлено из Тайной канцелярии доношение о Попове, и только в феврале 1725 года последовал о Попове сенатский указ[389]. В 1724 году Канцелярия предложила Толстому целый список доношений ее, по которым Сенат все затягивал с дачей указов, так что Толстой «обещал в Сенате говорить и стараться о резолюции»[390].

Таким образом, отношения Сената и Тайной канцелярии с начала и до самого конца оставались одинаковыми по своему существу, канцелярия была в прямом подчинении Сенату. Если в этом подчинении и произошла заминка, если со второй половины 1718 года по 1720 год это подчинение почти фактически аннулировалось и, может быть, не без стремления к этому со стороны канцелярии, то позднее оно начинаете приобретать более прочные и точные формы, и можно думать, это облегчается охлаждением к канцелярии Толстого, и ясным уже в начале 1724 года желанием его сбыть канцелярию со своих рук. Но все-таки искать точно установленных и определенно формулированных отношений между этими учреждениями едва ли

---

[388] Г. А. VII. № 6. Карт. 4.

[389] Там же. № 101.

[390] Там же. № 6. «Протокол за 1724 г.»

возможно, так как нельзя забывать основной характер Тайной канцелярии: это личная канцелярия, по системе поручения построенная.

Кабинет Его Величества во времена Петра Великого не представлял собой учреждения достаточно сформировавшегося, будучи как бы действительно личным кабинетом Петра, откуда выходили царевы указы и распоряжения. Конечно, по отношению к такому установлению Тайная канцелярия являлась учреждением низшим, подчиненным, хотя сношений кабинета с канцелярией мы знаем очень мало. Эти сношения шли со стороны канцелярии, конечно, в форме «доношений». В 1723 году Топилский по приказанию Макарова прислал ему сделанные по некоторым делам Тайной канцелярии «экстракты», которые таким образом вносятся в кабинет[391]. С другой стороны, мы видели, что много дел поступало в канцелярию по присылке из кабинета, «от двора Его Величества». Если не ошибаемся, этим и оканчиваются все сношения канцелярии и кабинета.

«Доношениями» сносилась Тайная канцелярия и с Вышним судом[392], но, очевидно, с ним не состояла ни в каких отношениях, будучи совершенно от него независима.

«Доношениями» же писала канцелярия и св. Синоду[393], но по отношению к нему канцелярия тоже была абсолютно независима, отношения этих учреждений были чрезвычайно редки и несложны.

Довольно часты и сложны были отношения Тайной канцелярии к Преображенской канцелярии (или Преображенскому приказу, как это учреждение именовалось преимущественно в царствование Петра), ведь в огромной области государственных преступлений сферы компетенции Преображенской и Тайной канцелярий — формально по крайней мере — были совсем не разграничены.

В 1719 году Ушаков при письме Ромодановскому, тогда бывшему в Москве, передает одно (пустячное) дело, ссылаясь на указ, который Петр дал Толстому, — все дела передавать Ромодановскому; однако дело возвращается обратно, так как «по именному царского величества указу таково дело из Преображенской канцелярии за отъездом из С.-Петербурга в Москву ближнего стольника князя Ив. Фед. Ромодановского велено отослать для розыску и учинения указа в Канцелярию розыскных тайных дел»[394]. В другой раз в 1720 году из Тайной канцелярии Бутурлин пишет Ромодановскому письмо, что по одному

[391] Г. А. К. П. Кн. 64, 451 (Л. VII), № 111 (Л. 2).

[392] Г. А. VII. № 79.

[393] См., напр., там же. № 133 («определение») или № 85.

[394] Там же. № 29. Карт. 1 (№ 12).

делу доносчик показал на московских обывателей, на тридцать человек, которые все живут в Москве, и так как всех их для допросов и розысков выписывать в Петербург в Тайную канцелярию «государевой денежной казне убыток будет немалый, а у вашего сиятельства в Москве в Преображенском приказе приказные люди к тому делу, надеюсь, поверенные есть», то поэтому и все дело из Тайной канцелярии по царскому указу передается в Преображенский приказ[395]. Наконец, еще раз, в 1723 году, Тайная канцелярия постановляет в Москву «к секретарю Василию Казаринову послать ордер: ежели откуда будут к нему присылать по тайным делам доношения и колодников вновь, и их не принимать, и прогонных денег не давать, понеже ныне в Москве Тайной канцелярии главных судей не обретается; а отсылали б в Преображенский приказ»[396].

Таким образом, сферы компетенций Тайной канцелярии и Преображенского приказа не разделялись, и дела направлялись туда или сюда только по соображениям различных чисто внешних удобств «следования». Из первого же нами приведенного случая даже можно заключать, что Тайная канцелярия не прочь была при случае отделываться от мелких дел — «посредственных» по терминологии Ушакова — передавая их Преображенскому приказу при первом удобном случае, на что были и указания самого Петра[397].

Кроме того, в приведенном в 5-й главе «экстракте» из дел[398], поданном в мае 1722 года Петру, есть следующий вопрос, поставленный царю министрами канцелярии: «ежели в Тайную канцелярию будут подавать доношения о здоровье Императорского Величества, о бунте, о измене и по таковым доношениям следовать ли или оные отсылать в Преображенский приказ»? Вопрос этот Петр оставил без ответа в таком его общем виде, это опять служить косвенным подтверждением несуществования разделения компетенций этих двух учреждений: вопрос решался всегда ad hoc, для каждого отдельного случая по различным чисто практическим соображениям, что и является, видимо, сознательно проводимым Петром отношением между Преображенским приказом и Тайной канцелярией.

Есть одно указание, что Тайная канцелярии могла считаться выше по рангу, чем Преображенский приказ: когда однажды в 1720 году возникла жалоба на Преображенский приказ, то апелляционной

---

[395] Г. А. VII. № 73. Л. 8.

[396] Там же. № 164. Л. 17.

[397] См. письмо Толстого на с. 104.

[398] См. с. 104.

инстанцией явилась Тайная канцелярия и сделалась таковой по непосредственному о том указу Петра, передавшему следование по доносу на Ромодановского именно в Тайную канцелярию[399]. Таким образом, как будто в глазах императора Тайная канцелярия занимала место — хотя и косвенно — над Преображенским приказом.

Отношения Тайной канцелярии с коллегиями, в общем, были отношениями равных, независимых; обычно переписка шла «промемориями»[400]; иногда же, когда возникает некоторая пикировка, то и та, и другая сторона начинают прибегать к указам[401]. Видимо, Тайная канцелярия не считает себя вправе касаться деятельности коллегий и в одном случае поэтому передает дело на рассуждение Сената. Как скоро оказывается, что имеется в деле жалоба на Юстиц-коллегию[402]. Однажды, впрочем, Тайная канцелярия прочла длинную нотацию Адмиралтейств-коллегии за то, что она «вступила в действо не свое», и в несколько раздраженном тоне объясняет коллегии указ 28 апреля 1722 года.

Из вышеизложенного обозрения отношений Тайной канцелярии к прочим государственным учреждениям Петровского времени выясняется ее положение среди них. В России было единственное учреждение, стоявшее как бы над Канцелярией, — это Сенат; все остальные учреждения были или равны Тайной канцелярии, или находились под ней, и во всяком случае только от Сената (частью от кабинета) и зависела Тайная канцелярия хотя сколько-нибудь; от всех же других учреждений она стояла совершенно независимо, отдельно, наравне с коллегиями.

---

[399] Г. А. VII. № 80.
[400] См., напр., там же. № 29. Карт. 1.
[401] Там же. № 33.
[402] Там же. № 47.

Глава восьмая
Внутренний строй Тайной канцелярии

I

Постараемся теперь проследить внутренний строй Тайной канцелярии в его частностях и деталях. При сухом, отчасти далее мелочном изучении этого внутреннего строя канцелярии, думается, удастся с еще большей точностью и наглядностью проникнуть в сущность рассматриваемого учреждения.

Если Тайная канцелярия принимала дело, то у всякого принятого дела должна была быть исходная точка, т. е. или доношение, или оговор, или устный донос о каком либо преступлении. Лишь только соответственные бумаги и колодники (или только бумаги, или только колодники) имелись налицо, в канцелярии начиналось «следование», т. е. допросы и очные ставки свидетелей, обвиняемых и доносчиков. Есть полное основание предполагать, что самые первые допросы делались почти исключительно без присутствия министров, одними только секретарями; допросные речи при этом тщательно записывались и сопоставлялись, а в случае противоречий, делались здесь же нужные очные ставки.

Когда получался такой первоначальный следственный материал, то, по-видимому, должно было следовать уже приказание со стороны «министров» о дальнейших допросах, которые почти всегда сопровождались пытками. Трудно установить какие-либо правила того, как и когда пытки применялись и когда их применение было законно; во всяком случае, кажется, разрешение всякого сомнения, вопроса и недоумения «следователя» совершалось при посредстве пыток и, конечно, личный произвол всецело царил при этом. «Не надобно ему исчислять застенков, сколько бы их ни было, — пишет Толстой Ушакову про одного колодника, — почаще его пытать, доколе или повинится, или издохнет, понеже явную сплел ложь»[403].

При такой директиве со стороны первенствующего министра ясно, какое вообще отношение к пыткам должно было существовать в Тайной канцелярии: смерть колодников от пыток поэтому была явлением нередким и проходила совершенно бесследно, принималась как нечто должное и естественное. Конечно, иногда обходилось и без пыток[404], но это бывало очень редко. Впрочем, иногда и не прибегали прямо к пытанию, а сначала «в застенке спрашивали

[403] Г. А.. VII. № 8. Карт. 16.
[404] Напр., там же. № 55.

с пристрастием[405] («а не пытан», как говорится далее в том же тексте про того же колодника). Надо думать, это пристрастие заключалось, например, в том, что одну колодницу «трижды поднимали» на дыбу («а не пытали» — оговорено далее)[406], колодники же «Кудряшев и Городецкий вожены в застенок и устращиваны розыском, а Кудряшев и раздеван», «а Кудряшеву сказано, что подымут и будут розыскивать им, и положены были руки в хомут»[407].

Пытки производились в присутствии министров, но несравненно чаще при одних секретарях, только по «ордерам» министров. Вообще в первичной стадии дела большую роль играли именно секретари, хотя они спрашивали детально «репортами» «указов» министров. В 1723 году, например, Ушаков письмом извещает одного из секретарей в Москве, что Тайная канцелярия определяет, чтобы он вел в Москве розыски колоднику Муравщику. Исполняя определение канцелярии, секретарь этот тщательно доносит о ходе пыток и о признаниях, сделанных при этом колодником, и кончает рапорт фразой: «и оным, государь, Муравщиком что чинить, о том требую повелительного от вашего превосходительства ордера»[408]. Иногда, впрочем, министры сами руководили и первичным розыском, например: «1725 января в 9-й день при присутствии их сиятельства и превосходительства Тайной канцелярии господ судей рострига Ив. Прокофьев приведен в застенок и поставлен в ремень и поднят на дыбу и розыскивано им впервые»[409].

Когда собирался достаточный материал из пыточных речей в их связи с допросными, то составлялась секретарями по данному делу «выписка», которая и докладывалась собранию присутствовавших министров. После этого доклада ставилось «определение», которое отнюдь не всегда являлось приговором, часто им только указывались дальнейшие шаги «следования». Во время чтения «выписок», перед тем как ставить приговор, иногда министры делали проверочный допрос обвиняемым или важнейшим свидетелям, допрашивали их «в подтверждение»[410]. Дальнейшие шаги следования, если министры находили нужным их делать, заключались в большинстве случаев или в вызове новых свидетелей, а также вновь оговоренных, или в присуждении дальнейших розысков для большего выяснения дела, или

[405] Г. А. VII. № 30. Л. 8.
[406] Там же. № 103.
[407] Там же. № 44. Л. 6.
[408] Там же. № 166. Л. 21–22 и др.
[409] Там же. № 187. Л. 85.
[410] Там же. № 198. Л. 139.

в передаче всего дела какому-либо другому учреждению по принадлежности. В первые из этих случаев, т. е. когда находили нужным выслушивать новых свидетелей, то за ними обычно посылали солдата или сержанта, которые приводили свидетеля; после снятия допроса свидетелей часто отпускали из канцелярии «на росписку» за чьими-либо поруками в том, что они беспрекословно по первому зову — или даже каждый день — будут являться в Тайную канцелярию, такие «росписки» имеются во многих делах[411]. Когда же из допросов выясняется какой-либо новый обвиняемый и о его приводе канцелярия делает определение, «слушав выписки», то тогда или посылался соответственный указ губернатору, если было точно известно местопребывание искомого, или канцелярия сама посылала солдата (или офицера с солдатами) за этим новым обвиняемым, причем обычно давалась посылаемому сержанту точная, в пунктах изложенная «инструкция», как он должен был в деталях выполнить свое поручение; иногда в эту же инструкцию включался пункт о производстве обыска[412].

Если же «определение» находило нужным вести дальнейшее следование, дальнейшие розыски для выяснения неясных мест «допросных речей», то опять пытали, опять разыскивали колодниками, опять выступал на сцену тот основной базис, на котором строился весь процесс, т. е. «розыск», допрос с пытками и очными ставками.

Когда же наконец вслед за всеми поправками и дополнениями процесса составлялось окончательное определение — приговор канцелярии — и когда этот приговор вступал в законную силу, то преступнику делалось его «объявление» с указанием вины. За этим следовало и самое исполнение приговора, причем это исполнение обычно удостоверял один из подканцеляристов Тайной канцелярии, присутствуя и наблюдая за исполнением. Так в его главнейших и типических чертах протекал обычно процесс в Тайной канцелярии.

Мы уже выше заметили, что основным базисом этого процесса являлся розыск в разных его видах и формах, под этим понятием тогда вообще подразумевались допросы с пытками. Допросы без пыток хотя и играли роль в начале всякого процесса, однако решающее значение им придавалось очень редко, безусловное, главное значение имел всегда за собой «розыск». Мы уже говорили, что пытать можно было без всяких стеснений, хотя, кажется, вообще существовал обычай более трех раз не разыскивать и утверждаться на третьем показании, и можно определенно заметить, что более трех

[411] Г. А. VII, № 198. Л. 139.

[412] См. напр., там же. № 121. Л. 28; Там же. № 169. Л. 65 и др.

раз обычно не пытали, хотя, с другой стороны, это было правило со многими исключениями, как видно отчасти из приведенной выше фразы Толстого. Допросу, сопряженному с пыткой, было присвоено название «розыск», а допрашивать с пыткой обозначали глаголом «розыскивать».

Еще в XVII веке битье кнутом на дыбе являлось обычной и почти исключительно употребляемой формой пытки, так именно было и в практике Тайной канцелярии. Как будто даже под розыском чаще понимался допрос с пыткой именно в виде битья кнутом на дыбе, как можно заключать из только что приведенных цитат. Почти во всех делах после изложения допросных пыточных речей колодников прибавлялась стереотипная фраза: «дано ему (столько-то) ударов». Число даваемых ударов бывало обычно двузначно, но, кажется, никогда не превышало 70–60, чаще всего колебалось в пределах около 15–30, иногда, впрочем, не достигало и 10.

Отдельные указания в делах дают основание полагать, что пытки иногда носили более изысканный характер: после битья кнутом иногда пускали в дело огонь, т. е. жгли или каленым железом — щипцами, или горящими вениками, об этом имеем точные указания: «было им в тех розысках: Федоре — 32, Авдотье — 36 ударов, а потом оне, бабы, и огнем жжены»; «было ему в оном розыску 60 ударов и после розыску жжен огнем, а с огня говорил». Про одного колодника было решено, что его надлежит «пытать втретьей» и «жечь огнем». «Петр Онучин пытан и жжен клещами», жгли горящими вениками: бабами Федорой, Авдотьей «розыскивано, жжены огнем вениками»[413]. Более никаких форм пыток не встречается в делах, что отнюдь не говорит о невозможности их существования.

Надо заметить, что и при содержании колодников главным образом руководились «розыскными» целями. О здоровье колодников, повидимому, заботились очень: и доктор Севальт, и лекарь Волнерс были постоянными врачами, лечившими колодников Тайной канцелярии. Когда Ушаков письмом жаловался Блументросту на неаккуратность врачей, то Блументрост отвечал, что лекарь Волнерс «к больным арестантам, кои в крепости содержатся, определен», а при тяжелых случаях он обязан призвать доктора «господина Севальта и с его совету пользовать»[414]. Но все эти заботы об арестантах носили очень односторонний характер: при болезни одной важной колодницы призывали докторов, чтобы они ее лечили «с прилежанием

[413] Г. А. VII. № 173. Л. 20; Там же. № 106; Там же. № 174. Л. 19.
[414] Там же. № 35.

неослабно», «понеже до нее касается важное царственное дело»[415], т. е. просто боялись, что она умрет и нельзя будет у нее выпытать всего, что надо было для окончания розыска; а когда колодники не были нужны, о них даже забывали до того, что они, не имея чем питаться, «умирали с голоду», и тогда только было велено давать по 4 деньги в день на человека[416]. Если же колодник умирал от пыток, то это принималось как самая обычная вещь: только о таких смертях обычно доносил караульный сержант, что такой-то арестант «в ночи умре без исповеди», «и тело его зарыто в землю за Малою рекою Невою на Выборгской стороне»[417]. А о побегах колодников из Тайной канцелярии нам не встречалось ни одного указания, хотя, видимо, караул иногда за взятки допускал к колодникам посторонних лиц и передавал письма[418].

Наряду с допросами и «розыском»» употреблялись также и другие вспомогательные приемы для отыскания истины. Конечно, пользовались в полной мере обысками и выемками у подозреваемых и обвиняемых лиц. Очень часто в инструкциях сержантов, посылаемых для привоза обвиняемых, включался пункт о производстве обыска с опечатыванием подозрительных вещей для их препровождения в Тайную канцелярию. Это опечатывание вещей, а иногда и помещения (например, кельи; см. Г. А. VII, № 148), являлось обычным приемом действования[419]. Если дело происходило в Петербурге, то тогда обыски на опечатывание поручались подканцеляристу канцелярии вместе с офицером, состоявшим при канцелярии. До нас дошел следующий документ: «По указу Его Императорского Величества отбывающему в Канцелярии тайных дел на карауле Шлиссельбургского полку поручику Якиму Левицкому да подканцеляристу Семену Шурлову: прибыв Вам на Васильевский остров ген.-фельд. кав. св. кн. А. Д. Меншикова у бывшего крестового попа (что ныне рострига) Никиты Терентьева двор его на помянутом острову подле двора его светлости деревянной, собрав всякий багаж, что есть, в удобные места, запечатать и поставить караул, и о том в Канцелярии тайных дел рапортовать. Секретарь Иван Топилской»[420].

Когда же ни обыски, ни пытки, ни допросы не давали достаточно определенных данных, а между тем кто-либо из преступников» в это

---

415 Г. А. VII. № 103. Л. 74.
416 Там же. № 83.
417 Там же. № 87. Л. 64.
418 Там же. № 130.
419 См. также: там же. Л. 11.
420 Там же. № 7. Карт. 13. Ч. III.

время, обычно изнуренный «розыском», был недалек от смерти, в таком случае призывался священник, которому ставили задачу на предсмертной исповеди добиться у обвиняемого искреннего сознания или точных, правильных показаний; это практиковалось не особенно редко. При такой исповеди, бывали случаи, присутствовал и секретарь канцелярии[421].

Более успешному следованию служили также те награждения, которые Тайная канцелярия почти всегда выдавала доносчику за «правый донос»[422]. Сумма таких награждений колебалась, но в большинстве случаев находилась в пределах 5–30 рублей, смотря по важности доноса.

Такими мерами и средствами пользовалась Тайная канцелярия при розысках-следованиях поручаемых ей дел. И несмотря на жестокую определенность и решительность этих мер, отнюдь не всегда они достигали своей цели: раскрыть истинную картину преступления не всегда удавалось и такими средствами; иногда оговоры до того запутывали дело, противоречия даваемых под пытками показаний доходили до таких размеров, что окончательно являлось невозможным разобрать, где и в чем истина. Хорошей иллюстрацией к этому служит «новгородское дело», даже министрам оно представляется мудреным, а уже тут в пытках не стеснялись. Более или менее опытный преступник мог с успехом оговаривать и подводить под пытки кого ему заблагорассудится[423]. Тайная канцелярия чем тщательнее расследовала в подобных случаях, тем более попадала в лабиринт бесконечных взаимных оговоров, в которых опытные «следователи» канцелярии подчас, очевидно, совершенно не могли разобраться. «Сомнением Вашим, Государь мой, — пишет Толстой Ушакову, — по Новгородскому делу я весьма согласуюсь, и что распопа Игнатий при смерти скажет, на том можно утвердиться и по тому его последнему допросу и бабам указ учинить, чего будут достойны»[424]. Так был найден выход — несколько искусственный — из тех «сомнений», из которых в конце длинного следования и незаконченных пыток все-таки не могли выбраться опытные в деле розыска министры канцелярии.

Таков был ход процесса в Тайной канцелярии. Прибавим, что дела канцелярии ближайшим образом в их собственно канцелярском ведении распределялись по «повытьям», как и в других коллегиях и канцеляриях.

---

[421] Г. А. VII. № 103. Л. 78–80.
[422] Там же. № 38, 54, 174, 180 и др.
[423] См., напр., там же. № 53.
[424] Там же. № 103. Л. 267.

У канцелярии были довольно значительные денежно-имущественные хозяйственные дела по конфискуемым имуществам и проч. Производство по такого рода делам было выделено и велось особыми на этом специально стоящими канцеляристами, назначенными «к приходу и расходу» и обязанными вести всевозможные по установленным формам записи. Имеющиеся у нее деньги канцелярия, во-первых, давала в долг (беспроцентный) другим государственным учреждениям (коллегиям и проч.)[425], а во-вторых, раздавала под проценты частным лицам, в большинстве случаев — гвардии офицерам. Учреждения, очевидно, не всегда аккуратно платили свои долги. Гвардии офицерам деньги раздавались в размерах, впрочем, сравнительно небольших: по 100, 200, 500 рублей, причем бралось обычно 12 % годовых[426]. По всему видно, что операция эта не была совершенно случайной для Тайной канцелярии. Таково в общих чертах было делопроизводство Тайной канцелярии в его движении. Теперь мы обратимся к рассмотрению тех внешних форм, в которых отражался и запечатлевался этот делопроизводственный процесс, эта внутренняя деятельность канцелярии.

II

Мы уже имели случай говорить об указах императора, о их роли и значении в делах Тайной канцелярии. Мы уже останавливались на формах их занесения на бумагу. Какова бы ни была эта форма, она всегда находила себе место в «книге именных указов». От 1718 года до нас дошла такая книга в хорошем кожаном переплете, в которую были подшиты все подлинные указы Петра по Тайной канцелярии; однако в дальнейшем этот порядок, видимо, был признан неудобным, подлинные указы стали браться к делу, а заведена была особая книга: «копии именных указов», куда и вносились в копиях все указы обычно за скрепой Ушакова и секретаря Топилского. Так образовалась одна из важнейших делопроизводственных форм Тайной канцелярии. Каждый год составлялась одна такая книга с копиями указов, тщательно переплетаемая и хранимая канцелярией; можно предполагать, что копии вносились в эту книгу собственноручно секретарем канцелярии, т. е. вторым лицом канцелярии после министров.

Мы уже видели, что определения и приговоры Тайной канцелярии обычно делались и могли делаться только министрами — судьями. В делопроизводстве эти определения играли роль лишь ступенью меньшую, чем царские указы, и являлись стоящими, таким образом, на втором по значительности месте в делопроизводстве канцелярии.

---

425 Г. А. VII. № 82; 150. Карт. 2.

426 Там же. № 150.

Если императорские указы не подчинялись и не могли подчиняться никаким делопроизводственным формам, то «определения» имеют в формах своих некоторую историю.

С 1718 года, с самого начала существования канцелярии, ее приговоры и определения приобретают сразу более или менее прочную форму, выливаясь в следующий шаблон: «1718 г. ноября в 30 день по указу великого государя тайный советник и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой, генерал-поручик Иван Иванович Бутурлин, от лейб-гвардии Преображенского полку майор Андрей Иванович Ушаков, от гвардии от бомбардир капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, слушав вышеписанного (или "сея выписки") ...приговорили...» (идет самый приговор с глаголами в неопределенном наклонении). Если сравнить эту форму приговора с формами, бывшими в майорских розыскных канцеляриях (кн. П. Голицына, Матюшкина и др.), то увидим, что формы эти совершено тождественны. Таким образом, перед нами опять некоторая преемственность майорских канцелярий и Тайной канцелярии, опять намек на их близкую кровную связь.

Определения по такой форме оставались неизменными до 1722 года, а в самом начале этого года происходит какой-то перелом, вследствие которого форма определения совершенно изменяется. Впрочем, еще в ноябре 1721 года встречаются следующие определения: «1721 г. ноября во 20 день по указу Его Императорского Величества и по определению Тайной канцелярии вышеписанного... послать его в Сибирь» (спешу заметить, что все определения всякого вида всегда подписывались наличным составом министров). Последнего вида определения встречаются в ряде дел от ноября 1721 года[427], однако они вскоре исчезают, и еще 23 декабря того же года мы имеем определение, писанное по старой, первой форме[428]. Тут, видимо, происходят какие-то колебания в формах, и в результате, определение от 15 февраля 1722 года имеет уже следующий вид: «по указу Его Императорского Величества, Тайная канцелярия, слушав сии выписки, определила...» (идет самое определение)[429]. С этих пор до самого конца существования канцелярии определения и приговоры ее имеют неизменно данную форму.

Трудно при столь скудных данных уловить значение этих видоизменений форм, но можно полагать, сопоставив эти две формы, что первая из них имела в виду более лица, вторая же — более учрежде-

[427] Г. А. VII. № 97, 98, 99 и др.
[428] Там же. № 102.
[429] Там же. № 80. Ч. I. Л. 277.

ние, и такая перемена формы, быть может, свидетельствует, что к 1722 году Тайная канцелярия стала больше учреждением в сознании ее министров, чем личным поручением, как оно было раньше. Этим свидетельствуется дальнейшей шаг в переходе Тайной канцелярии из личного установления в государственное учреждение.

Первое впечатление при рассмотрении определении и приговоров может повести к заключению, что в такой вид обычно облекались распоряжения министров, касающиеся присуждения к наказанию и пыткам колодников, т. е. собственно судебные приговоры канцелярии. Это верно только отчасти: определения хотя и в меньшей степени, но все-таки касались и других, сторон деятельности канцелярии. Мы уже видели, как разнообразны были занятия министров при их присутствованиях в канцелярии. Конечно, главнейшее количество времени шло на судебное разбирательство и на постановление приговоров, облекаемых в форму определений, однако у Тайной канцелярии в заведовании были имущества и конфискованные суммы; у нее был свой бюджет, который требовал тоже наблюдения и распоряжений; и сколько удается проследить, все в этой области делалось исключительно тоже определениями, с таким же точно изменением форм их во времени, как мы уже видели выше. Видимо, ни один далее мелкий расход не делался без соответствующего определения[430]. Таким образом, сколько удалось наблюдать, в делах собственно суда и в делах денежных министры обычно действовали чрез свои «определения», бывшие всегда за их подписями и с 1722 года шедшие от имени Тайной канцелярии.

Однако в «определения» не укладывалась деятельность «министров», и это повело к установлению новой делопроизводственной формы. Еще до ее установления находим в делах канцелярии полуофициальную форму: тетрадь с заголовком: «Записка приказам Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого»; внутри этой тетради записано в хронологическом порядке, по дням, когда Толстой бывал в канцелярии, скорописью набросаны тут все его более мелкие приказания по содержанию колодников, по исполнению бумаг и проч. Тут же есть и отметки о пребывании государя в Тайной канцелярии. Тетрадь эта, несомненно, не имела официального значения делопроизводственной формы[431], и эту запись всей совокупности распоряжений и занятий правящих канцелярией вызывала к жизни практика, под влиянием которой, по-видимому, к 1724 году эти записки частного характера принимают вид определенной делопроизводственной

[430] Г. А. VII. № 150.
[431] Там же. № 7. Карт. 13.

формы, получившей название «протоколы». Эти «протоколы», переплетенные в кожаные переплеты, дошли до нас от 1724, 1725, 1726 годов. Протоколы велись в двух видах: во-первых, «протоколы... года» и, во-вторых, «протоколы... года по секретным делам». «Протокол» такого-то года заключает в себе в расширенном виде то, что включалось в «записке», о которой мы только что говорили. Это повседневные записи всего, что делалось в Тайной канцелярии, главным образом во время присутствования там министров, с отметками, когда и кто из них бывал в канцелярии. Тут же говорится о посылаемых бумагах: о содержании ответов на бумаги, как это содержание устанавливает министр, об учинении новых «розысков», об исполнении (в деталях) приговоров; здесь же находим отметки об учинении наказаний и т. д. — словом, не только записывались более мелкие приказания министров, но и вообще вся жизнь канцелярии в ее существенных явлениях вносилась в «протоколы»; здесь же отмечались и болезни колодников, смерти, приводы новых арестантов и распоряжения по конфискованным имуществам.

В «протоколах по секретным делам» имеются распоряжения министров (и секретаря) исключительно по делам секретного характера: будучи помещаемы в общий протокол, они бы нарушали «тайность». Характер этих протоколов совершенно одинаковый с общими протоколами, только содержание другое. Как тот, так и другой вид «протоколов» обычно скреплялся подписями «министров», и наиболее часто А. И. Ушакова. Такими двумя формами регистрировалась в Тайной канцелярии деятельность ее «министров» — «судей».

Совокупная деятельность как бы всей канцелярии, всех ее деятелей, выливалась в основную делопроизводственную форму более общего вида, которая является господствующей в Тайной канцелярии. Лишь только в канцелярию поступало какое-либо обвинение или доношение, канцелярия учиняла «следование» об этом, и совокупность всех производимых по этому поводу действий, заносимых на бумагу, и образовала собой эту основную делопроизводственную форму — то, что ныне принято называть «дело»; такое же название существовало и в то время. Озаглавливались дела обычно именем обвиняемого, о ком шло следование, например: «о Ефиме Санине», «О Березине»; иногда же, когда дело было сложное, то оно получало название по какому-либо другому признаку, например, по месту действия. Так было «Новгородское дело», «Ревельское дело». Самый способ ведения дела обычно обуславливал и форму его.

Первую часть всякого «дела» составляют те бумаги, в силу которых дело началось, это обычно или письма Макарова, или промемория из какого-либо присутственного места, или просто отметка

о соответственном приказе какого-либо из министров канцелярии; почти постоянно при этом доставлялись в канцелярию и колодники, прикосновенные к данному делу. Вторую часть дела обычно составляют допросные и пыточные речи, т. е. записки того, что обвиняемые и свидетели говорили на допросах и пытках, при этом речи эти закреплялись подписями допрашиваемых и пытаемых. Почти постоянно из этих «речей» делался краткий экстракт — выписка, которая обычно и докладывалась министрам во время слушания ими дел. Третью часть дела составляет определение Тайной канцелярии, причем в его тексте обычно встречается выражение: «слушав сей выписки», т. е. именно той, о которой мы только что говорили. Вслед за определением-приговором канцелярии обычно помещается объявление преступнику о его вине и о присужденном ему наказании. Наконец, в самом конце дела часто помещается заметка об исполнении приговора.

Таковы основные части в их последовательности каждого «дела» Тайной канцелярии. Очень немного дел выдерживают в чистоте такой тип, непременно в каждом «деле» имеются первые три части. Часто входят элементы, расширяющие и усложняющие состав дела: например, иногда после выслушания допросных речей канцелярия делает постановления о дальнейших шагах для продолжения допросов и розысков, или о вытребовании новых лиц, или об изменении самого процесса (например, о передаче всего дела в ведение другого учреждения), или о наведении каких-либо справок в других учреждениях. Тогда дело сильно разрастается. Наличность в деле последних частей отнюдь не обязательна, они очень часто отсутствуют. Зато довольно часто тут же прилагаются письма министров и секретарей друг к другу с обменом, мнений их по поводу данного дела. Конечно, всегда прилагаются также к делу все документы, если таковые имеются, к нему относящиеся, как то: инкриминируемые бумаги обвиняемых, письма и проч. Этим ограничиваются, по-видимому, существенные дополнения и изменения, которые встречаются в форме «дел» Тайной канцелярии.

Большое денежное хозяйство канцелярии требовало тоже известных делопроизводственных, форм, и они, видимо, существовали. Приход и расход Тайной канцелярии был более или менее выделен в особое делопроизводство; обычно по этой части делопроизводство вверялось исключительно одному из канцеляристов, который и вел самостоятельно весь приход и расход. Как мы уже заметили, расходы, даже незначительные, производились обычно на основании «определений»

канцелярии. Все такого финансового характера «определения» переплетались — вместе с приложением всей вызываемой ими переписки — в общие книги, отрывки которых дошли до нас. Кроме того, велись еще многочисленные записки и ведомости приходу и расходу в виде таблиц, обычно приурочиваемых к месячному сроку. Образованию этой последней формы способствовала необходимость присылки ежемесячных ведомостей в Ревизион-контору при Сенате. Эти ведомости звались тогда «счетные выписки Канцелярии тайных дел денежного приходу и расходу»[432]. Более первичными формами, по которым и составлялись эти «счетные выписки», являлись ведомые приставленными к этому делу канцеляристами, во-первых, «тетрадь записная расходу», во-вторых, «тетрадь записная приходу» за такой-то год, куда тщательно заносился всякий приход и расход, делаемый кассой Тайной канцелярии[433]. Таким образом, денежное делопроизводство Тайной канцелярии выливалось в трех формах: 1) книги «определений» с исполнениями по ним; 2) тетради (или книги) расходу и тетради приходу, и 3) «счётные выписки».

Но кроме этих чисто денежных дел у Тайной канцелярии были дела хозяйственным, конечно, тоже связанные с денежными операциями. Это были, во-первых, чисто хозяйственные дела учреждения (забота о помещении, о колодниках, выдача прогонов, забота о канцелярских принадлежностях и проч.), во-вторых, ведение дел по конфискованным у преступников имуществам. Дела чисто хозяйственные тоже обычно соединялись в особые отделения книги, куда входило производство по выдаче кормов колодникам, по выдаче прогонов посылаемым офицерам и приказным от Тайной канцелярии, по продаже и оценке конфискуемых вещей, по выдаче разных предметов канцелярского обихода и проч. И в этих делах без «определений» министров расходов и никаких более существенных действий не производится. Что касается до дел по конфискованным имуществам, то их производство было тоже выделено. До нас, по крайней мере, дошли (хотя и в обрывках только) книги, в которые переплетены дела исключительно по конфискованным имуществам. Подавляющее количество этих дел возникало по челобитьям разных лиц, связанных с владельцами конфискованных имуществ какими-либо имущественными обязательствами; вообще всякие имущественным отношения преступников входили тоже в эту отрасль делопроизводства Тайной канцелярии[434].

---

[432] Г. А. VII. № 50.
[433] Там же. № 150, Ч. I, II.
[434] Там же. № 6. Карт. 5, 7.

Таковы существеннейшие делопроизводственные формы, которые можно заметить в делопроизводстве Тайной канцелярии. Деятельность Тайной канцелярии начала выкристаллизовываться в некоторые устойчивые формы ее выражения.

III

Мы уже имели случай заметить, что в самые первые годы деятельности Тайной канцелярии состав ее «приказных людей» считался чисто временным, ни о каком постоянном штате не могло быть и речи, дьяки и подьячие набирались из разных мест, «на время», в том числе в каком они требовались для данного количества дел в данное время. По мере окончания дел приставленные к этим делам приказные отсылались обратно к старым местам своей службы. В 1719 году Тайная канцелярия определяет даже и жалованье подьячим канцелярии выдавать из тех мест, откуда они были взяты «для того, что оные подьячие взяты в помянутую канцелярию на время»[435]. Многие примеры ясно свидетельствуют, что штат «приказных людей» канцелярии был в принципе своем неустойчив и совершенно случаен. Однако по мере того, как круг ведения канцелярии начал более точно определяться, когда с 1722 года Тайная канцелярия как будто приняла значение учреждения с определенными до известной степени функциями, вместе со всем этим постепенно устанавливается некоторый более устойчивый штат приказных людей, и в этом штате проводятся некоторые границы прав и полномочий каждого из видов приказных.

До нас дошел штат 1723 года, т. е. как раз времени наступления сравнительной устойчивости в строе Канцелярии. По этому штату в Тайной канцелярии имеется приказных служителей, секретарь Иван Топилской; канцеляристы: Гуляев, Русинов, Кириллов, Шурлов; подканцеляристы: Вителев, Басов[436]. Всего приказных людей было тогда в канцелярии семь человек. Во главе их стоял «секретарь», бывший как бы правителем дел всей канцелярии; следующей по рангу была должность канцеляриста, и на третьем месте уже стояли подканцеляристы.

Секретарь является, безусловно, самым важным лицом в канцелярии после министров. Достаточно поверхностного просмотра дел канцелярии, чтобы ясно убедиться, что секретарь являлся единственным докладчиком министров по всем делам и притом фактически руководил составлением докладных, выписок и экстрактов, предлагаемых в доклад

---

[435] Г. А. VII. № 8. Ч. IV. Карт. 18; Там же. № 29. Карт. 2. Л. 8, 3, 36.
[436] Там же. № 84. Карт. 18.

министрам. «По канцелярии тайных дел, что принадлежит ко исправлению, о том до Его Превосходительства предложил он, секретарь, экстракты и выписки»[437]. Такую запись находим в одном деле, запись, кратко характеризующую вообще отношение секретарей к министрам и их роль в делопроизводстве канцелярии. Мы уже видели, кроме того, что основные допросы и розыски колодникам производились главным образом секретарями. Если не все, то большая часть поступавших бумаг проходила через руки секретаря, резолюции которого на бумагах можно встретить довольно часто в делах, да и, кажется, все первоначальное направление дела в сильной степени зависело от секретаря; «записать в книгу, а колодников принять под крепкий караул и содержать за особыми порознь часовыми, чтоб ни с кем разговора не имели»[438], — так пишет Топилской на одной вновь присланной с колодниками в канцелярии бумаге; такого тона и содержания резолюция ясно свидетельствует о влиянии и значении ее писавшего[439].

Играя большую роль в делопроизводстве, секретарь юридически являлся простым исполнителем велений министров — и только. Насколько эта точка зрения определенно видна из сего делопроизводства канцелярии, совершенно ясно из следующих фактов. В июне 1722 года Топилской писал бывшему в отсутствии Ушакову: «ежели откуда будут присылать колодников, кои станут сказывать за собой государево слово или дело важное, таковых мне здесь принимать ли? буде принимать, что с ними чинить? и которые колодники будут просить пищи, кормовы деньги давать ли? о том о всем требую указу»[440]. Вообще без указа со стороны министров секретари не могли (или почти не могли) принимать дела и колодников. Топилской в одном письме 1722 года писал, что некоторые «изветы и расспросные речи в Канцелярии тайных дел без повеления Вашего Превосходительства принять их не смею»[441]. И когда однажды тот же секретарь Топилской принял и даже допросил колодника без прямого на это указа министра, то он немедленно, донося о допросе, приносит в этом повинную: «а что, государь мой, к вопросу оного Корноухова дерзновенно и не рапортовав Вашего Превосходительства учинил, в том прошу милостивого прощения»[442].

[437] Г. А. VII. № 79.
[438] Там же. № 185. Л. 1.
[439] См. также: там же. № 123.
[440] Там же. № 29. Карт. 2.
[441] Там же. № 124. Л. 2.
[442] Там же. № 132. Л. 3.

Секретари не имели права приступать к пыткам без особого в каждом отдельном случае приказа со стороны министров, но, кажется, если колодник принимался, то секретарь сам производил ему первый допрос, вслед за этим, однако, уже не мог действовать без санкции министров, И если министры были в отсутствии, то, посылая им (или одному из них) докладную записку о первом допросе, секретарь спрашивал, «впредь о том, что чинить»[443]. Из всего этого ясно, что если фактически положение секретаря и было сильно, то юридически секретарь являлся бессильным и ничего не значащим сам по себе в Тайной канцелярии.

На втором месте в иерархии приказных людей канцелярии стояли канцеляристы. В руках каждого из канцеляристов находилась «повыть», т. е. то, что теперь называется столом или отдельным делопроизводством. Один из канцеляристов обычно назначался быть у приходу и у расходу, т. е. вел денежные дела канцелярии, был как бы ее казначеем. Деятельность канцеляристов нельзя различить в общей массе делопроизводства; надо думать, они были заслонены секретарем. Получали канцеляристы, кроме хлебного жалованья, в год 80 рублей деньгами, причем получения (бывавшие обычно по третям года) происходили, очевидно, крайне неаккуратно. До нас дошло несколько прошений канцеляристов, направленных министрам, где они просят о выдаче им жалованья, а то уже две трети года, как они его не получали. Тайная канцелярия определила выдать им просимое жалование «для их сущей бедности и пропитания»[444]. Однако, когда кто-либо из канцеляристов просил об отпуске, то это разрешалось — и, видимо, с некоторым трудом — властью только министров[445].

Подканцеляристы употреблялись чаще всего просто для переписки.

Таков был состав приказных людей Тайной канцелярии.

Но Тайная канцелярия почти очевидно не была учреждением, прикрепленным к одному месту, во-первых, а во-вторых, в Москве всегда существовала как бы часть канцелярии, как бы ее отделение, как это наблюдается в устройстве почти всех коллегий и канцелярий Мы уже видели, что в августе-сентябре 1718 года Палехин был по настоятельной просьбе Ушакова отставлен от заведования делами Тайной канцелярии и отправлен в Москву, чтобы там быть ему «в правлении всех дел» рекрутской канцелярии ведения Ушакова. Еще

443 См. напр., Г. А. VII. № 79. Л. 138.
444 Там же. № 150.
445 Там же. № 111, Л. 2.

раньше мы видели, что в Москве с самого начала розыска царевича, во главе делопроизводства по нему, когда оно велось в Москве в Преображенском на потешном дворе, стоял тот же Палехин. Так тесно Палехин был связан с тайными делами. И лишь только в конце 1718 года этот опытный и доверенный человек опять попадает в Москву, то сейчас же Ушаков и Толстой начинают из Тайной канцелярии к нему обращаться по поводу производства разных следований и розысков по важным делам канцелярии, производство которых в Москве являлось более удобным.

Уже в начале декабря 1718 года мы встречаем известие, что Палехин в Москве ведет розыск по приказам Ушакова из Тайной канцелярии. Он разыскивает, допрашивает, и пытает колодников, следуя ордерам министров, и обо всем доносит докладными выписками. При этом Палехин сидел в канцелярии Ушакова на потешном дворе и, конечно, пользовался этой канцелярией при ведении поручаемых ему тайных дел. Вот почему, вероятно, в его докладных выписках он и пишет всегда, что он все действует «из канцелярии с потешного двора от тайных дел»[446]. А дела, которые в части или даже целиком удобнее было следовать в Москве, довольно часто попадались в производстве Тайной канцелярии. Например, в январе 1719 года Ушаков пишет Палехину, чтобы он сыскал и произвел допросы в Москве одному замешанному в ревельском адмиралтейском деле, что Палехин и исполняет, забирая колодника «в канцелярию на потешный двор к тайным делам», где и ведет все следование. Потом, в 1721 году, Толстой поручает Палехину произвести аресты, обыски и допросы в Москве замешанных в одно раскольничье дело; также Ушаков пользуется Палехиным как своим доверенным агентом еще в одном деле 1721 года. В 1720 году Палехин ведет предварительное следствие в Москве по указаниям из Тайной канцелярии об одном игумене Симоне, у которого были найдены таинственные гадательные тетради. Следов такого участия Палехина в разных делах канцелярии можно найти еще достаточно[447]. При этом необходимо заметить, что всегда Палехин исключительно действовал только по прямым конкретным приказам министров, ни малейших следов какой-либо самостоятельности Палехина совершенно не встречается.

Таким образом, в канцелярии на потешном дворе в Москве, что была под ведением А. И. Ушакова, образовался особый отдел тайных

[446] Г. А. VII. № 10.
[447] Там же. № 40, 80, 82, 92, 93.

дел, который вел секретарь Палехин, но он вел его не один: одним из секретарей канцелярии на потешном дворе был в то время Василий Казаринов, видимо, тоже имевший отношение к тайным делам, как и другой секретарь той же канцелярии Козьма Филиппов[448]. Так в делопроизводство Ушаковской канцелярии на потешном дворе, в это время главным образом ведавшей рекрутные дела, вошло особым отделом особое делопроизводство по тайным делам.

В 1721 году Палехин назначается обер-секретарем Синода и покидает канцелярию на потешном дворе, переселяясь в Петербург по новой своей должности[449]. Его заместителем является его бывший сотрудник Василий Казаринов, на которого отныне возлагаются обязанности быть во главе московского отделения Тайной канцелярии. «По Тайной канцелярии дела особливо на меня положены», как писал Казаринов в одном письме Топилскому[450]. А этот Казаринов был отправлен из Петербурга из Ближней канцелярии, где он был дьяком, с Ушаковым в Москву еще с теми «ратушскими делами», коих расследование Петр поручил Ушакову в 1715 году. Таким образом, Казаринов был в Ушаковской канцелярии с самого ее образования[451] и при нем помощником оставался Филиппов, и прибавился еще Васильев — все, видимо, той же канцелярии секретари[452]. Казаринов оставался во главе Московского отделения Тайной канцелярии до самого ее фактического уничтожения в 1726 году.

Приступая к описанию деятельности этого как бы московского отделения Тайной канцелярии, необходимо отметить, что во все время его существования оно было слито с канцелярией рекрутного счета, в которой только существовал как бы особый отдел по тайным делам. Уже в 1724 году, как и ранее при Палехине (как мы только что видели), Казаринов и другие московские секретари писали в своих бумагах в Тайную канцелярию «из канцелярии рекрутного счета, обретающейся в Москве от дел Тайной розыскной канцелярии», или: «в канцелярии рекрутного счета по делам Тайной канцелярии»[453]. Во главе этого отдела после Палехина стал В. Казаринов. Он ведет всю переписку с министрами, он скрепляет, дела и приговоры, он посылает в Петербург доношения и выписки к докладу. Впрочем — очень редко — как будто выступают на сцену и другие секретари: Филиппов

[448] См. Г. А. VII. № 108; Там же. № 40. Л. 18 или № 76.
[449] Там же. № 8. Ч. I.
[450] Там же. № 8; Там же. № 5. Карт. 19.
[451] Г. А. XXVI. № 191. Карт. 1.
[452] Г. А. VII. № 187; Там же. № 85 Карт. 19.
[453] Там же. № 156. Л. 5, 7.

и Васильев. Однако главенствующее положение Казаринова едва ли подлежите сомнению и может быть сопоставлено с таковым же Топилского в Петербурге. Соответственно этому определяется и власть Казаринова: она была чисто и исключительно исполнительная. Эта власть, как и все положение московского отдела канцелярии, видимо, зиждилась на убеждении Ушакова и Толстого в том, что многие дела можно решать и в Москве «через ордеры наши» (т. е. министров), и должно так поступать в соответственных случаях, так как при посылке дел в Петербург иногда происходит «точно убыток деньгам и турбация людям». Все это Ушаков излагает в одном письме к Казаринову (1723 год), выражая свое недовольство, что Казаринов начал все дела и колодников прямо пересылать в Петербург[454]. Таким образом, решение дел в Москве посредством ряда приказов министров из Петербурга по докладным присылаемым ими выпискам, являлось основной задачей деятельности московского отделения. Как же выполнялась эта задача?

Еще в 1720 году, в бытность в Москве Палехина, Ушаков из Петербурга по определению Тайной канцелярии приказываете Палехину, Казаринову и Филиппову произвести следование по одному делу по «слову и делу», что Палехин и выполняет. Продолжение такого порядка наблюдаем и далее. В вышеприводимом случае в определении канцелярии роль Палехина в деле выясняется довольно подробно и определенно: «Чаплыгина расспросить в Москве дьяку Тимофею Палехину; буде он в чем станет упираться и не сказывать, то его Чаплыгина — в застенок, и при пытке спрашивать; ежели покажет на кого из тамошних, то оных сыскивать и содержать в крепком аресте и поступать с ними так же, как в Преображенском приказе бывало по таким делам; и тех расспрашивать, и какой к чему будет след, так и чинить»[455]. Эта схема, в которой давались полномочия московскому отделению, в общем, видимо, сохраняет силу и значение нормы для всего последующего периода деятельности московских дьяков по тайным делам. В 1723 году, например, в Москву к тайным делам были присланы колодники из Малороссии, обвиняемые в хулительных, словах, о Петре. Казаринов, сняв со всех них первые допросы, посылает об этом в Петербург докладную выписку. Тайная канцелярия по этой выписке постановляет пытать виновного до признания им своей вины трижды, и об этом посылается ордер Казаринову, который исполняет постановление, и об исполнении опять доносит: «озна-

[454] Г. А. VII. № 76. Л. 5 и далее.

[455] Там же. Л. 5.

ченным Муравейщиком розыскивал я трижды, а с розысков сказал: в первом и во втором говорил он... (идет подробно переданное показание) ...а в третьем розыску сказал... (опять идет показание) ...было ему во всех трех розысках 106 ударов, а свидетели войт Дейника да Ерема волошанин в застенке, стоя у дыбы на очных ставках, с клятвою говорили... (идет показание) ...и оным, Государь, Муравейщиком, что чинить, о том требую повелительного от вашего превосходительства ордера»[456]. На это канцелярия опять шлет подробные «указы»; таким образом дело доводится до конца.

До нас дошел целый ряд писем от Казаринова к министрам и ответ министров к Казаринову, в которых идет деятельная переписка по многим делам, следовавшимся в Москве, совершенно таким же способом», как в двух только что выше приведенных случаях. Обычно Казаринов точно и подробно передавал ход розыска, почти каждое письмо заканчивая требованием дальнейших ордеров со стороны министров, а министры в своих письмах обычно тоже достаточно подробно сообщали секретарям, как надо вести следствие, что у кого из колодников спрашивать и проч. Секретари при своих письмах постоянно прилагали докладные выписки и расспросные речи[457].

При всех своих «розыскных» операциях московские дьяки пользовалось, конечно, рекрутной канцелярией ведения Ушакова, в которой они сидели, как учреждением, в котором велось и это делопроизводство по тайным делам; при той же канцелярии содержались и все колодники по этим тайным делам[458].

Иногда Тайная канцелярия поручала московским секретарям и сыскивание преступников, причем обычно брался для этого один гвардейский сержант с несколькими солдатами, сержанту давались указы и инструкции к розыску[459]. Если одного привоза колодника и его вещей было недостаточно, если требовалось на месте произвести некоторые следственные действия, то для этого иногда Тайная канцелярия посылала и самых секретарей. Например, в 1724 году было велено Козьме Филиппову ехать в один монастырь, где произвести допросы некоторых лиц; Филиппова сопровождал сержант и несколько солдат: от Синода был в монастырь по этому поводу дан «послушный» указ[460]. И тогда же московскому отделению давались

---

[456] Г. А. VII. № 166. Л. 21–22.
[457] Там же. № 164.
[458] Там же. № 8. Карт. 19.
[459] Там же. № 103.
[460] Там же. № 187.

более мелкие поручения; например, в 1720 году Ушаков пересылает в Москву в канцелярию несколько указов Тайной канцелярии к воеводе Ярославской провинции, с приказанием переправить эти указы далее по назначению[461].

Если случались какие-либо дела по отделению в Москве, то секретари немедленно сами их улаживали, донося обо всем подробно после в Петербург, хотя такого рода происшествия были редки и не носили характера более или менее значительных. Например, в 1721 году «в канцелярии на потешном дворе содержавшийся колодник... Тарабунин пришел в судейскую палату, дьяку Козьме Филиппову говорил, чтобы ему дать от тайных дел подьячего написать ему доношение по тайным делам. И того ж числа оный рекрут в судейской палате перед дьяками Казариновым и Филипповым спрашиван наедине тайно», какое имеет дело; дело оказалось «царственное», тогда дьяки решили отправить его в Преображенский приказ, где он и был принят[462]. В 1722 же году однажды караульный урядник «пришед в судейский стол к секретарю Василию Казаринову», донес, что один колодник желает «нечто еще донести» секретарям, и того же числа колодник был «взят в судейский стол и во оном спрашиван и сказал»[463]. Конечно, обо всем этом идет подробный доклад в Петербург.

Такова была роль и деятельность московского отделения Тайной канцелярии при канцелярии рекрутного счета. Во время пребывания одного или нескольких министров в Москве это отделение превращалось прямо в настоящую Тайную канцелярию. Когда во второй половине 1722 года Скорняков-Писарев приехал на время в Москву, то там он решал именем Тайной канцелярии все дела, бывшие на следовании в Москве и представленные Скорнякову Казариновым и его товарищами; при этом Казаринов обычно скреплял все дело. И в то время, если шла по делам какая-либо переписка, то ее вела не канцелярия рекрутного счета по тайным делам, а Тайная канцелярия: тогда и ответы адресовали из разных мест тоже в Москву, в «Тайную канцелярию»[464]. Также и Казаринов пишет в это время Ушакову, что присланы колодники в Москву «в Тайную канцелярию»[465]. В начале же следующего, 1723, года в Москве был Толстой и тоже решал дела, ему предлагаемые Казариновым. До нас дошло дело об одном лож-

[461] Г. А. VII. № 72.
[462] Там же. № 108. Л. 1.
[463] Там же. № 116. Л. 8.
[464] Там же. № 8. Ч. 2, 5.
[465] Там же. № 167.

ном и несколько запутанном извете, которое целиком следовалось в Москве, и решительное определение по нему было учинено тоже в Москве в Тайной канцелярии при секретаре Казаринове министром. П. А. Толстым[466]. Имеем возможность наблюдать еще один характерный случай. Когда в самом конце 1722 года, в бытность Скорнякова-Писарева еще в Москве, началось там в Тайной канцелярии одно дело, то первые по нему определения подписывал Скорняков-Писарев, но он как раз в начале 1723 года уезжает из Москвы; дело остается неоконченным, однако вскоре приезжает Толстой, вступает в дела канцелярии и, очевидно, кончает это дело, так как последние по нему определения идут — конечно, от имени Тайной канцелярии — уже за подписью Толстого[467].

[466] Г. А. VII. № 167.
[467] Там же. № 8, 2.

Глава девятая
Последнее время существования Тайной канцелярии и ее упразднение

В январе 1725 года умер Петр Великий, а через год с небольшим Тайная розыскных дел канцелярия фактически перестала существовать, слившись с отживавшим тогда уже свой век Преображенским приказом. Если передача Тайной канцелярии в заведование Ромодановскому осуществилась только в середине 1726 года, то гораздо ранее начался процесс ее постепенного умирания.

По другому поводу мы уже имели случай упомянуть об эпизоде, который произошёл в 1719 году между Ушаковым и Ромодановским. Я позволю себе привести целиком письмо Ушакова, с которым этот последний обратился тогда к князю Ромодановскому. Письмо это помечено 10 июля 1719 года и приложено к делу: «Государь мой князь Иван Федорович, — писал Ушаков, — в нынешнем 1719 году в июне-месяце царское величество указал по именному своему величества указу, как изволил быть на Котлине острову, по докладу действительного тайн. сов. кав. П. А. Толстого по канцелярии тайных розыскных дел, ежели впредь будут вновь какие дела касаться о здоровье его высокомонаршей чести и другие подобные тому и оные, чтоб примать вашему сиятельству и, что принадлежит, исполнять по правам его царского величества. А сего июня 10 дня прислано из Казани от вице-губернатора господина Кудрявцева с капитаном Осипом Ивиным 2 человека доносителей: дому казанского архиерея подьячие Петр Степапов, Федор Золотарев, да других колодников 11 человек, до которых касаются важные царского величества дела о умысле на его царское величество, которых, как людей, так и присланные от их письма благоволи принять и указ учинить по его царского величества указу. Вашего сиятельства раб Андрей Ушаков»[468]. В это время Ромодановский находился в Петербурге. Из приведенного письма ясно, что в июне 1719 года последовал какой-то указ Петра «по Тайной канцелярии», которым все дела о здоровье и чести царской передавались из ведения Тайной канцелярии в Преображенский приказ; однако в приводимом изложении Ушакова указ этот неясен и туманен. В сентябре того же 1719 года кн. Ромодановский уезжает из Петербурга и передает это дело опять Тайной канцелярии опять «по именному царского величества указу» «для розыска

[468] Г. А. VII. № 29. Карт. 1 (№ 12).

и учинения указу»[469]. Позволим себе предполагать, что тут проглядывает попытка Толстого сбросить с Тайной канцелярии всякие мелкие дела о здоровье и чести, которые начали в нее стекаться из провинции скорее обычаем, чем вследствие какого-либо указа или распоряжения об этом. Та к впервые мелькает желание Толстого развязаться с Тайной канцелярией в том ее виде, который мало-помалу она начала приобретать, все более занимаясь незначительными делами против двух пунктов. И если в этом году Толстому не удалось провести до конца своего намерения, то мысль о нем, очевидно, его не покидает.

В других условиях начал работать Толстой в Тайной канцелярии: государственной, первостепенной важности дела проходили тогда через канцелярию и составляли основной предмет ее ведения; слишком привык Толстой к большому, широкому размаху в своей деятельности, чтобы он мог после этого заняться и удовольствоваться розысками по незначительным делам о непристойных словах разных сумасбродных и пьяных людей: для этого существовали Преображенский приказ и кн. Ромодановский. Когда в сентябре 1723 года Ромодановский опять проводит некоторое время в Петербурге, Ушаков опять не принимает колодников в Тайную канцелярию, присланных Дивиером, и отправляет их Ромодановскому, мотивируя тем, «что таковых надлежит отсылать в Преображенскую канцелярию»[470], т. е., видимо, выдвигая на сцену вышеприведенный указ 1719 года. В тот же год, с другой стороны, когда кн. Ромодановский добился, чтобы дьяк Вас. Казаринов и у него в Преображенском приказе был «у важных дел», то, пользуясь таким случаем, Тайная канцелярия «определяет» (определение подписывают Толстой и Ушаков): все дела, следованные Казариновым в Москве по Тайной канцелярии, тоже передать в Преображенский приказ[471]. Таким образом, и здесь Толстой стремится уклоняться по мере возможности от дел, передавая их Ромодановскому. Однако, как мы знаем, в 1722 году Тайная канцелярия была как бы сравнена с Преображенским приказом, именно в возложении на нее, равно с Преображенским приказом, розыска всех возникавших в России для против первых двух пунктов дел в огромной своей массе очень малозначительных. Значит, нами выше констатированные попытки Толстого настоящего успеха не имели; между тем как благодаря указу 1722 года, наоборот, началось усиленное заполнение делопроизводства Тайной канцелярии именно теми самыми делами,

[469] Г. А. VII. № 29. Карт. 1 (№ 12).
[470] Там же. № 179.
[471] Там же. № 164.

от которых Толстой всячески старался отделаться. Так дело шло до 5 января 1724 года. Волей-неволей Толстому и Ушакову приходилось возиться в Тайной канцелярии с разными мелочными делами: дел настоящей государственной важности в ней уже не было, мелкие, ничтожные дела всецело заполнили ее делопроизводство. С этого, видимо, времени определенно и окончательно Тайная канцелярия стала для Толстого обузой, от которой он теперь просто стремится совсем избавиться.

15 января 1724 года последовал следующий указ Петра: «всепресветлейший державнейший Петр Великий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая и прочая, будучи в зимнем Его Величества доме в Вышнем суде, указал по именному своему величества указу: следующиеся в Тайной розыскной канцелярии дела важные решить, а вновь, подобно прежде бывшим, колодников и дел присылаемых ниоткуда не примать, понеже оставшие за решением дела отослать в Правительствующий Сенат и с подьячими; а секретарю Топилскому быть при прежних рекрутных делах, откуда он взят был». Под этим указом скрепа: «от гвардии майора Ушакова»[472]. Таким образом, была наконец достигнута цель: Тайную канцелярию велено ликвидировать и распустить. Тайная канцелярия этим указом предназначалась к немедленному уничтожению. Отвечая Ушакову на его извещение об этом указе, Толстой писал ему из Москвы 27 января того же 1724 года: «паки вам, мой государь, с великой моей радостью благодарствую, что изволил меня цидулкою уведомить об указе императорского величества, что в Тайную Канцелярию вновь дел и колодников принимать не велено и прежние важные дела решить, а оставшия и с подьячими отослать в Сенат; того ради вас, моего государя, прилежно прошу оный его величества указ немедленно исполнить... и которые важные дела решатся и останутся у нас, те, мнится мне, надлежит положить в Архив... а прочие с подлинною описью отослать в Сенат»[473]. Однако дело не идет так скоро, как того хочется Толстому. В письме от 4 февраля Ушаков отвечал: «об отсылке дел в Сенат, хотя у нас указ записан и многих присылаемых, колодников не принимаем, токмо еще из Сената к нам указу не прислано»[474]. Толстой на это писал Ушакову: «об отсылке дел в Сенат я уповаю, что вы, мой государь, потрудитесь скорейше от той тягости свободить меня и себя... а ежели на бессчастие наше скоро канцеля-

[472] Г. А. VII. № 6. Карт. 3; Кн. имп. ук. № 1.
[473] Г. А. VII. № 103. Л. 267–268.
[474] Там же. № 8(5).

рия наша с нас не сымется, то, мнится мне, не безопасно нам будет оного (одного оставшегося дела) не следовать»[475]. Из подчеркнутых, фраз Толстого с чрезвычайной ясностью видно, как в это время Толстой относился к своему положению главы Тайной канцелярии, а потому он и стремился всячески от нее отделаться возможно скорее. Однако надо было ждать. Ушаков писал, что «о неприятии в Правительствующий Сенат не решенных здесь по Тайной канцелярии дел и колодников доношение подано; и хотя о том старание имеем, однако же ничего там не учинено на наше требование; прикажи, государь, в Сенат справиться, записан ли у них именной указ, а Павлу Ивановичу (т. е. Ягужинскому) Его Императорское Величество именно о том приказывал[476]. Толстой отвечает, что «о том я справливался; и хотя указ именной записан, но неясно: токмо чтоб при Сенате учинить для тайных розыскных дел контору, а именно о нашей Тайной канцелярии ниже о колодниках не упомянуто; однако ж я о том сенаторам прилежно говорил, чтобы той канцелярии с наших рук сняли, и обещают то учинить; а ныне буду домогаться, чтоб дела по Тайной канцелярии, которые имеются в Москве, велели бы принять в Сенат и там бы уже начало приему учинили; о колодниках, которые в Москве и в Санкт-Петербурге, также об Орлове и Попове буду стараться, чтоб их с наших рук сняли[477].

Таким образом, дело затягивалось. Сенат, умышленно или неумышленно, но, очевидно, тянул всячески. Толстой в последнем приведенном письме совершенно верно указывает, что именной указ записан неясно, что о Тайной канцелярии в этой записи нет ничего, кроме упоминания ее в заглавии. Позволяю себе привести целиком эту запись, как мы ее находим в подлинных сенатских книгах именных указов. Озаглавлен этот указ так: «О конторе при Сенате Тайной канцелярии и майорских»; самый же указ записать так: «чтоб при Сенате учинить контору розыскных дел, также особливую палату, где для случающихся дел чрезвычайных — и первое, когда какой розыск будете в Сенате, то дела оные там будут; а другое место — для таких дел, как Шафирово случилось; по сему месту быть без служителей, но когда случай позовет, тогда на время брать». Указ этот помечен 13 января 1724 года[478]. Нельзя прежде всего не обратить внимания на то, что даты не сходятся: указ, данный Ушакову о ликвидации дел

[475] Г. А. VII. № 8(5). Л. 19.
[476] Там же.
[477] Г. А. VII. № 8(5).
[478] С. А. Кн. имп. ук. № 26. Л. 59.

Тайной канцелярии, был дан 15 января, а запись сенатского указа датируется 13 января; получается впечатление, что тут в сущности был не один, а два разновременных указа. А с другой стороны, очевидна сразу большая неполнота и неловкость сенатской записи. Толстой же в своем письме, очевидно, говорит, именно об этой записи, так что есть основание полагать, что указ в сущности был один, но записанный разными лицами (Ушаковым и Ягужинским), записанный у Ягужинского явно неточно, а у Ушакова, очевидно, неполно, слышанный, вероятно, этими лицами в разные дни (13 и 15 января); это-то в результате и возбуждает то недоумение, которое заставляет предполагать существование двух указов. Попытаемся же на основании всех вышеизложенных данных и соображений возможно реконструировать, что, собственно, Петр имел в виду сделать в этом своем указе 13–15 января 1724 года.

Несомненно, одну часть указа составляло именно то, что было записано Ушаковым, т. е. было повелено Тайной канцелярии бывшие уже у нее в производств важные дела оканчивать, новых дел боле не принимать, а все остающиеся вместе с подьячими отправить в Сенат, секретаря же отправить обратно к рекрутским делам, т. е. была определенно указана ликвидация деятельности канцелярии с передачей дел в Сенат; а в Сенате (и эту-то только часть указа записывает Ягужинский) повелено было основать для таких дел «контору розыскных дел» с «особливой палатой», о которой, к сожалению, трудно себе уяснить, что она должна была собой точно представлять. Кроме того, еще должно было быть устроено «другое место» «для таких дел, как Шафирово». Что это за «другое место», остается из записи тоже совершенно неясным. Итак, очевидно, был как-никак формулирован и начал приводиться в исполнение по воле Петра план реорганизации — в части по крайней мере — преследования государственных преступлений. По этому плану все дело по преследованию передавалось в руки Сената, при котором специально для этого и образовывалось особое учреждение «Контора розыскных дел» и какая-то «особливая палата»; вместе с этим Тайная канцелярия должна была ликвидировать свои важные дела, а остаток дел и приказных людей (кроме секретаря) передать в Сенат, очевидно, в эту вновь при Сенате установляемую «Контору». О Преображенском приказе при этом, кажется, забыли.

Насколько же все это, однако, представлялось смутным и неопределенным с самого начала современникам и исполнителям, мы только что сейчас видели. Очевидно, только одно было ясно и желательно

для Толстого: возможность поскорее избавить себя от Тайной канцелярии. А у Сената, видимо, не было никакой охоты разбираться в этих неясностях и неточностях и задавать себе новую работу с организацией этой самой «конторы», потому дело вперед не двигалось, несмотря на понукания со стороны Толстого: ему обещали «прилежно стараться», и этим пока ограничивались.

Однако жизнь шла, не останавливаясь, и волей-неволей Сенату скоро приходится вновь столкнуться с вопросом о делах «важных и тайных», с вопросом о том, кто же и где их должен быть следовать.

В начале 1724 года кн. Голицын присылает из Москвы дела и колодников по «слову и делу» в Тайную канцелярию. Эта последняя «определяет» 19 марта того же года дел не принимать, а все отослать в Сенат согласно указу 15 января 1724 года Определение это подписывает Ушаков. Итак, все дело попадает в Сенат во второй половине марта. По смыслу нами приведенного записанного в книгу указа дело это должно было поступить в предположенную к учреждению «контору розыскных дел». Однако выходит совсем не так. 27 апреля из Сената Тайной канцелярии шлется длинный указ по этому делу. Изложив вкратце само дело, Сенате далее рассуждает так: он сопоставляет три указа — один 1722 года об отсылке всех дел из провинции по «слову и делу» в Тайную канцелярию или в Преображенский приказ, другой указ — «апреля 29 дня», чтобы быть в Преображенском между прочим и «государственным делам», и третий — новый указ Тайной канцелярии: ниоткуда никаких колодников не принимать — и Сенат решает из этого сопоставления все данное дело «отослать для исследования и учинения указа в Преображенский приказ»[479].

Только три месяца назад изданный именной указ Петра, занесенный в книги, уже забыт или нарочно пренебрежен и обойден, несмотря на прямое напоминание о нем, сделанное в приводимом «определении» Тайной канцелярии. Эта забывчивость в связи с упорством Сената в непринятии дел от Тайной канцелярии свидетельствует, что Сенат просто не желал брать на себя лишнюю обузу в виде конторы розыскных дел, всячески весьма резко уклонялся от этого указа и делал вид, что забывает о его существовании. При таком положении дела совершенно понятно, что ликвидация дел Тайной канцелярии безнадежно затягивалась.

Между тем практика, которую предписал Сенат своим указом, видимо, принимается Тайной канцелярией к исполнению, именно

[479] Г. А. VII. № 189.

когда в том же 24-м году полковник фон Ден присылает в Тайную канцелярию на имя Ушакова подпрапорщика «о важном Его Императорского Величества деле», то Тайная канцелярия «определила» не принимать этого дела, указывая, что надо эти дела отправлять в Преображенский приказ по решению Сената. Мы знаем, что такая практика была совершенно в духе Толстого, как мы видели, уже давно стремившегося передавать все дела в Преображенский приказ. Как бы то ни было, но принимать дела далее Тайная канцелярия совершенно отказывается, каждый раз составляя особое «определение» об отказе в приеме вследствие указа 15 января 1724 года[480].

Так продолжается весь год. Однако дело не обходилось без исключений. В сентябре 24-го года Ушаков получает следующее письмо от Румянцева: «Государь мой Андрей Иванович. Его Императорского Величества указом, будучи в Москве, отдан мне арестант города Серпухова житель... Шапошников, который и ныне содержится в полковой нашей канцелярии под арестом, и я об нем Его Величеству докладывал, и Его Величество изволил указать оного Шапошникова отдать к вам; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова принять в свое ведомство и при случае об нем Его Величеству доложить»[481]. Дело это несколько курьезно по своему содержанию: этот Шапошников поднес Петру в день его рождения в церкви два калача; Петр принял подарок и позвал его к себе во дворец, где Шапошников стал порицать нюханье табаку; Петр, рассердившись на это и заподозрив в Шапошникове раскольника, отправил его под арест и для исследования дело передал вышеприведенным письмом Тайной канцелярии[482]. Из этого нетрудно заключить, что дело лично занимало самого Петра. Конечно, от такого дела Тайная канцелярия отказаться не могла, точнее, не смогла, и провела следование по нему обычным порядком. В этом еще раз напоследок промелькнула тенденция Петра считать Тайную канцелярию личным учреждением для поручений.

Таким образом, в последний год царствования Петра положение Тайной канцелярии являлось чрезвычайно странным, неустойчивым, каким-то промежуточным. С одной стороны, был ясно и вполне определенно поставлен вопросе о ее уничтожении, решен в положительном смысле указом императора, и было велено приступить к постепенной ликвидации ее деятельности; с другой стороны, эту

---

480 Г. А. VII. № 190.

481 Там же. № 192, 112, 191 и др.

482 Там же. № 188.

ликвидацию всячески и настойчиво тормозил Сенат, да и Петр сам считал допустимым все-таки поручать канцелярии, хотя и редко, некоторые дела. Такова была неопределенность и невыясненность в положении Тайной канцелярии, когда в январе 1725 года неожиданно умирает Петр и на престол вступает Екатерина.

II

Со вступлением на престол Екатерины положение Тайной канцелярии первые месяцы остается таким же неопределенным; это уже прежде всего видно из того, что дела в ней то принимаются, то не принимаются со ссылкой в последнем случае на указ 1724 года; подметить в этом какой-либо руководящий принцип трудно.

В 1725 году новгородский воевода пишет о неправильностях, которые были допущены при присяге купеческими людьми Новгорода. Тайная Канцелярия начинает дело, пишет запрос в Главный Магистрат. Магистрат подробно отвечает, доказывая, что никаких неправильностей не произошло. Рассмотрев объяснение Магистрата, Тайная канцелярия решает, что присяга была принесена правильно, и делает замечание воеводе, что он неосмотрительно поступил и только доставил канцелярии напрасное «утруждение»[483]. Немного спустя Синод присылает в канцелярию доношение из Астрахани об одном попе, который будто радовался смерти Петра Великого. Канцелярия протокольным постановлением решает отправить указ астраханскому губернатору, чтобы тот все это дело исследовал и со своим мнением прислал все следствие в Тайную канцелярию. Мы знаем, как подобный порядок производства дел был несвойственен Тайной канцелярии при жизни Петра. Астраханский губернатор поступает согласно указу канцелярии, присылая в канцелярию весь следственный материал и свою предположительную резолюцию о наказании попа. Тайная канцелярия в протокольной форме утверждает эту резолюцию, и шлется указ в Астрахань об исполнении наказания[484].

Таким образом, несомненно, Тайная канцелярия иногда принимает обычные дела так, как это было до указа 1724 года, однако, с другой стороны, иногда эти дела канцелярия продолжала не принимать, ссылаясь на указ 1724 года. Когда в ноябре 1725 года были присланы из Старорусской ратуши пакеты и колодники «по тайным делам», то канцелярия их не принимает, подробно мотивируя, что «понеже в прошлом 722 году апреля в 28 числе по именному указу блаж. веч.-дост.

---

[483] Г. А. VII. № 188.
[484] Там же. № 207.

пам. Его Императорского Величества хотя и повелено злодеев и прочих по делам их колодников из городов присылать, не расспрашивая, в Тайную канцелярию или в Преображенский приказ за крепким караулом, но потом в 1724 году генваря 15 дня Его же Императорское Величество именным указом в Тайную канцелярию колодников и дел, присылаемых из губерний, принимать не велено, а отсылать бы их в Преображенскую канцелярию»[485]. Когда в 1726 году Артемий Волынский присылает из Пензы солдата-наветчика, Тайная канцелярия опять отказывает в приеме этого дела, ссылаясь на указ 1724 года и еще на указ Сената от 27 апреля, нами приведенный выше[486].

Если дело поступало по личному желанию и повелению императрицы, то тут Тайная канцелярия принимала и «следовала», конечно, беспрекословно; а такие случаи в 1725 году бывали; при этом как бы забывался указ 1724 года о ликвидации дел канцелярии, что представляется совсем неудивительным со стороны Екатерины, как мы имели случаи видеть, что и сам Петр как бы забывал о своем же указе. В 1725 году так поступает в канцелярию дело о полковнике Ергольском. Кабинет-секретарь Макаров прислал «указом Ея Величества» маленькую записку, в которой извещал, что Ергольский в Москве при двух сенаторах осмелился сказать: «с чего-де мне то взять, как писать титул Ее Императорского Величества». Следование об этих словах Макаров по указу поручал Тайной канцелярии. Ергольский содержится в заключении, а канцелярия ведет допросы разных свидетелей начиная с присутствовавших при этом сенаторов (гр. Матвеев и Дмитриев-Мамонов). Показания складываются для Ергольского очень благоприятно, и Тайная канцелярия определением обычной формы (за подписью Толстого и Ушакова) признает Ергольского невиновным[487]. Около того же времени бывший в России некий капуцин Хризолог возбудил какие-то подозрения в Екатерине, и Ягужинский запиской объявляет Тайной канцелярии указ императрицы об арестовании Хризолога со спутниками и об учинении обыска и следствия над ними. Канцелярия спешит исполнить непосредственный указ верховной власти и приступает к следованию, но лишь только выясняется, что ничего в этом дел интересного нет, Толстой спешит под благовидным предлогом сбыть его со своих рук, и, вероятно, по докладу императрицы делается «определение» Тайной канцелярии о передаче всего дела в Синод архиепископу Феофилакту, чтобы этот

---

[485] Г. А. VII. № 201.
[486] Там же. № 83.
[487] Там же. № 210.

последний и доложил о нем императрице по полном окончании следствия. Однако Феофилакту и Синоду, видимо, это совсем не понравилось, и по докладу Феофилакта дело опять было повелено «отослать в Тайную канцелярию», как это излагает Синод в указе своем Тайной канцелярии. Делать было нечего, приходилось дело принять вновь и продолжать его следствием. Все дело это, кажется, началось с доноса какого-то архимандрита Афанасия, который обвинял неких католических, монахов в склонности к великому князю Петру Алексеевичу и в желании с ним тайно видеться. Совершенно понятно, что подобного рода сведения должны были волновать Екатерину и обращать на себя внимание. Продолжив следование немного далее, Тайная Канцелярия (вернее, Толстой) опять определяет указом дело отправить в Синод, который, в свою очередь, кое-что расследовав, вновь возвращает Тайной канцелярии, которая уже теперь прямо делает определение о высылке капуцинов «за рубеж немедленно», чем дело и кончается[488]. Из этого дела можно заключить, что, хотя Толстой и имел прямой указ императрицы, он все-таки настойчиво стремился под благовидным предлогом сбыть дело это в какое-либо другое учреждение.

Однако у нас есть одно дело, которое Тайная канцелярия приняла по указу Сената в марте 1725 года без всяких препирательств и «следовала» с большим усердием. Никаких стремлений к уклонению подмечать тут не приходится. Канцелярия Синода прислала в Москву в Сенате о «важном деле» монаха Самуила по поводу некоторых непристойных слов. «Оставшие члены» Сената в Москве запросили о направлении этого дела у Сената в Петербург, и Сенат решил дело это передать Тайной канцелярии (3 марта 1725 года). Эта последняя без всяких пререканий определяет дело принять и начать розыск. По делу обвинялся некто Выморков в том, что называл Петра антихристом, бранил его и далее в письме одном, у него найденном, с бранью проклинал Петра. Дело запутывалось многочисленными оговорами Выморкова, идут энергичные, бесчисленные допросы, очные ставки и пытки. В результате из дела была сделана «выписка» и представлена Ушаковым императрице для постановления приговора[489].

Остается не совсем ясным, что побудило в данном деле Толстого столь ревностно взяться за «следование»; начато оно было не по прямому указу императрицы, а с указом Сената ведь и спорить было можно, или, по крайней мере, попытаться от себя передать дело

488 Г. А. VII. № 205.
489 Там же. № 204.

куда-нибудь в другое место, как то было при следовании дела о капуцинах. К сожалению, причины такого исключительного выделения данного дела из общей тенденции остаются неясными.

Надо заметить во всяком случае, что общее число дел, поступивших в Тайную канцелярию в царствование императрицы Екатерины I, крайне ничтожно (3–4 дела). Кроме того, все эти дела все-таки вступали особенным образом, а не обычным порядком (по указу 1722 года), т. е. как будто опять подорвались те зачатки правильности функционирования учреждения, которые начали определенно проглядывать в деятельности Тайной канцелярии к концу Петровского царствования, и вновь поручение начало выступать на первый план.

В общем делопроизводство канцелярии в царствование Екатерины мало изменяется в своем существе; однако все-таки происходят некоторые перемены, более или менее значительные для учреждения. Императрица сама не присутствовала никогда в Тайной канцелярии; теперь уже верховная власть не входила в дела канцелярии так близко и непосредственно, как то делал Петр, того личного контроля, который постоянно имел Петр, по отношению к канцелярии и ее министрам, теперь не существовало, и, конечно, министры от этого почувствовали себя уже полными и окончательными хозяевами и вершителями дел в Тайной канцелярии. При Екатерине устанавливается порядок доклада ей дел посредством «экстрактов», иногда докладываемых лично одним из министров; по-видимому, это был единственный способ взаимоотношения императрицы и Тайной канцелярии. До нас дошло несколько таких экстрактов дел канцелярии, представленных императрице. На одном из них мы имеем указ за подписью (вернее, скрепой) Толстого, очевидно, в этом случае Толстой экстракт докладывал лично[490]. Результаты таких докладов записывались в таком виде: «1725 году июля в 30 день Ее Величество (титул» изволила слушать три экстракта, сочиненные в тайной розыскных дел канцелярии: 1) по делу ростриги Степана Выморкова... (подробности дела); 2) о письме неизвестному... (подробности дела)[491]; 3) по делу же Выморкова (подробности дела), и из оных по первому Ее Императорское Величество указало учинить: Выморкова казнить; Антипу Щеглова, Захария Игнатьева по наказанью с выниманием ноздрей послать в вечную каторжную работу в Рогервик, Ивана Щеглова — в старцы и в крепкий монастырь; по второму пункту экстракт оставлен в кабинете Ее Величества; по третьему — следовать».

[490] Г. А. К. П. II. Кн. 81. Л. 52–54.
[491] Г. А. VII. № 198. Л. 388.

Подписано это: «от гвардии майор Ушаков»[492]. Впрочем, иногда по-старому отсылали дела для резолюции в Сенат; например, следственный материал по делу новгородского архиепископа Феодосия канцелярия «предлагает для рассуждения» Сенату[493].

Ко времени царствования Екатерины относится небезынтересный эпизод из отношений канцелярии с Сенатом; в этом эпизоде можно видеть определенное и ясно сознанное уже существование той тенденции, которая через каких-либо десять-пятнадцать лет сделала из Тайной канцелярии чуть не самое могущественное в известном смысле учреждение правительственного механизма тогдашней России. В конце 1724 года генерал-фискал вошел в Сенат с представлением, чтобы ему было разрешено требовать к себе на рассмотрение дела «по фискальским и доносительным доношениям», хотя бы дела эти и были «вершены». Следуя этому представлению, Сенат дает соответственный указ Тайной канцелярии. Мы уже имели случай видеть, что отношение в то время Тайной канцелярии к Сенату было отношением явного подчинения. Между тем в ответ на этот сенатский указ Тайная канцелярия решает, что «понеже в канцелярии тайных розыскных дел имеются, кроме интересных дел по доношениям фискальским и доносителевым, государственные важные секретные вершеные дела, приличные к первым двум пунктам, и таковых вершеных и невершеных дел к генерал-фискалу Тайная канцелярия отдавать не смеет, понеже о секрете и о важности оных многим ведать не подлежит, отчего, по мнению оной канцелярии, может не без вредности государственной быть, и о том из Сенату требовать указу: а интересные вершеные дела, какие имеются, по требованию его, генерал-фискала, к нему отдавать, и о том в Правительствующий Сенат подать репорт»[494].

Так канцелярия начинала считать важным и никому не могущим быть доверенным — даже такому большому лицу, как генерал-фискал — секрет производства по делам о государственных преступлениях. С этого времени ясно и уже вполне определенно такого рода дела стали облекаться особой таинственностью, особым значением. Так к концу деятельности Петровской Тайной канцелярии выкристаллизовалась та тенденция, которая отныне будет лежать в течение XVIII века в основе всякого учреждения, ведающего государственные преступления, и будет управлять всей деятельностью учреждения,

[492] Г. А. К. П. II. Кн. 81. Л. 56.
[493] Г. А. VII. № 198.
[494] Там же. № 203. Л. 3.

ставя это последнее до некоторой степени выше и вне всего общего строя государственных учреждений. А между тем прошел всего год, и самой Тайной канцелярии уже не существовало: она была присоединена к Преображенской канцелярии указом 28 мая 1726 года.

Если еще при жизни Петра Толстому не удалось сбросить с себя эту «тягость», если его попытки в этом направлении тогда разбились о нежелание других, то теперь, когда Толстой стал влиятельнее, сделанная им вновь попытка удалась, так как и способ при том он избрал более простой и удобный: всю канцелярию просто передать в ведение кн. Ромодановского.

28 мая 1726 года последовал следующий указ императрицы:

«Указ тайному действительному советнику господину графу Толстому.

Понеже Тайная канцелярия блаженной и высокославной памяти при Его Императорском Величестве нашем вселюбезнейшем супруге и государе в прошлом 1718 году учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел и хотя тому подобные дела и ныне случаются, однако не так важные, и больше бывают такие дела у тайного действительного советника господина князя Ромодановского, того для по получении сего нашего указу вышеупомянутую тайную канцелярию, которая и ныне еще в вашем ведении, с делами и с приказными служителями отдайте в ведение помянутому тайному действительному советнику князю Ромодановскому. У подлинного Ее Императорского Величества именного указа подписано собственною Ее Величества рукою тако: “Екатерина”»[495].

Этот указ записан в указной книге канцелярии в копии с припиской внизу: «подан 30-го дня мая 1726 году»[496]. Протокол же последнего до нас дошедшего дела по Тайной канцелярии помечен 29 мая[497]. Таким образом, можно с известной положительностью утверждать, что в первых числах июня 1726 года деятельность Тайной канцелярии заканчивается. Если же принять во внимание, что доклад о полной, окончательной ликвидации всех оставшихся вершеных дел был уже 17 июня утвержден императрицей[498], то можно полагать к первому июля 1726 года Тайную канцелярию фактически исчезнувшей из ряда государственных учреждений тогдашней России, а юридически окончательно присоединенной к Преображенскому приказу.

---

[495] Г. А. VII. № 130. Л. 150.
[496] Там же. № 6. Ч. II.
[497] Там же. № 214.
[498] Там же. № 6. Ч. II.

Остановимся немного подробнее на указе 28 мая. Он дан был на имя Толстого, могущество которого в это время как раз было в зените; поэтому, кажется, возможно допустить, что и этот указ в его формулировке был сочинен самим Толстым; таким образом в нем мы встречаемся до известной степени с выражением взглядов и мнений Тол-Толстого. Если принять эту возможность, то отсюда можно сделать некоторые небезынтересные выводы: во-первых, ясное и определенное уверение, что Тайная канцелярия являлась учрежденной «на время», т. е. была чисто временной мерой, предпринятой — как далее в указе и объяснено — «для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел»; во-вторых, если теперь Тайная канцелярия теряет свой raison d'être, то именно в силу того, что, «хотя тому подобные дела и ныне случаются, однако не так важные». Таким образом, в понимании человека, стоявшего во главе Тайной канцелярии с самого ее основания и до ее уничтожения, учреждение это являлось только чисто временной мерой — и не более. Сознания все подавляющей «важности» подобных дел у Толстого еще не было, или, точнее, он полагал совершенно возможным и достаточным поручить эту важность Ромодановскому. Перед взором Толстого Тайная канцелярия еще не предстояла в виде такого нормального государственного, необходимого учреждения с неограниченными в известном отношении полномочиями, каким немного лет спустя стала Канцелярия тайных розыскных дел в руках старого сотрудника Толстого «от гвардии майора» Ушакова.

Мы уже упомянули, что в середине июня 1726 года императрице был представлен доклад о распределении всех дел Тайной канцелярии, вершеных и невершеных. По резолюциям Екатерины на этом докладе дела канцелярии были распределены следующим образом. Во-первых, дела, примыкающие к делу царевича, — дело суздальское и кикинское — уже, конечно, вершеные, велено было «запечатать печатями» всех «министров», а также «нашею кабинетною печатью» и отдать «в архив в коллегию иностранную». Во-вторых, «секретные дела разные», которые уже исследованы и решены, отослать, также запечатав, «в архив в иностранную коллегию с реестром»; некое «особливо решенное дело» о синодском секретаре Герасиме Семенове повелено было «осмотря, сжечь». В-третьих, дело ревельское адмиралтейское было приказано отправить в Адмиралтейство; дело же об астраханском обер-коменданте Чирикове приказано отослать в Военную коллегию. В результате невершеных дел оставалось в Тайной канцелярии к данному моменту только одно секретное дело — о бывшем архимандрите Федосе — да еще, по-видимому, в подозрении были

сочинения архимандрита Кондоидия «о доходах церковных». Было повелено дело Федоса «отослать» к Ромодановскому, а «листы сочинения Кондоидиева прислать в Кабинет». Кроме всего этого не были завершены окончательно производством 12 дел «интересных и по прошениям», которые было повелено передать частью в Сенат, частью в Ревизион-контору[499]. Таким образом, нетрудно видеть, что в наследство Преображенскому приказу от Тайной канцелярии остался только один обрывок одного дела о Федосе — и больше решительно ничего. Этот факт, как и весь выше нами приведенный ход ликвидации дел Тайной канцелярии, достаточно свидетельствует, что тут фактически произошла не передача учреждения из ведения одного начальника, Толстого, в ведение другого начальника, Ромодановского, как то можно было ожидать согласно указу, а произошло просто полное уничтожение, полная ликвидация Тайной канцелярии как учреждения. И заключение это приходится принять окончательно, если обратить внимание на то, как были ликвидированы имущественные дела канцелярии. Наличные деньги, оставшиеся в канцелярии, было велено прислать в Кабинет; те же Кикинские лавки в Москве, которые были в заведовании Тайной канцелярии, должны быть проданы «с торгу охочим людям», а деньги, вырученные от продажи, присланы в Кабинет. А 19 сентября 1726 года Кабинет распорядился, чтобы все движимое и денежное имущество Тайной канцелярии передать Соляной конторе Петербургской и Московской, о чем и посылаются соответственные указы[500]. 12 сентября того же года рекрутная канцелярия (о связи которой с Тайной канцелярией мы говорили ранее) «и с служителями сообщена в военную коллегию» по указу императрицы[501]. И от 12 же сентября находим в делах Кабинета «доношение» из Тайной канцелярии о том, что надлежащие дела «положены обще в один сундук ради указного запечатания и для постановления в архив иностранной коллегии и ныне имеются в том архиве»[502]. Ликвидация, видимо, шла с достаточной быстротой.

Так в 1726 году закончила свое существование Канцелярия тайных розыскных дел, просуществовав немногим более восьми лет. Просмотр делопроизводства Преображенского приказа за время, непосредственно следующее после передачи (как мы видели, чрезвычайно условно понятой) дел канцелярии, убеждает в полной незаметности этой передачи для течения дел приказа. Сколько можно было

---

[499] Г. А. VII. № 6. Ч. II.

[500] Г. А. К. П. II. Кн. 81. Л. 129 об.

[501] Там же. Л. 75.

[502] Там же. Л. 73–74.

проследить по делопроизводству, решительно нигде и никаких следов нельзя уловить, чтоб с конца 1726 года к Преображенскому приказу было присоединено какое-либо новое учреждение. Значит, и с этой стороны получается нелепое подкрепление нами высказанной уже мысли, что Тайная канцелярия была подвергнута полной ликвидации, полному упразднению, и если говорить о какой-либо передаче ее в ведение Ромодановскому, то можно только говорить о передаче компетенции ее, о передаче правомочий Тайной канцелярии Ромодановскому. Так, по-видимому, был исполнен и понят указ 1726 года о передаче Тайной канцелярии кн. Ромодановскому. Самое же учреждение: «Канцелярия тайных розыскных дел» было совершенно упразднено.

Глава десятая
Переходное время и возрождение Тайной канцелярии

Итак, в мае 1726 года Петровская Тайная канцелярия закончила свое существование, формально будучи присоединена к Преображенскому приказу, а фактически совершенно уничтожена. Отыне, судя по указу 1726 года, все дела по первым двум пунктам передавались в исключительное ведение Преображенской канцелярии, которая оставалась как бы единственным учреждением с той поры ими ведавшим. Можно было бы полагать, что Преображенская канцелярия, почерпнув сил в таком новом влиятельное положении, займет, возродившись, прочное и высокое место среди других государственных учреждений России того времени. Однако этого не случилось: к 1726 году и князь Ромодановский, и канцелярия его ведения уже быстро начали клониться к упадку. Ромодановский, тогда больной и слабый человек, постоянно живший в Москве, вышел уже из круга тех лиц, которые держали в своих руках управление государством; политические события, связанные со смертью Петра, выдвинули на первый план других людей, немедленно ревниво взявших в свои руки в лице Верховного Тайного Совета управление Россией, людей, которым Ромодановский был чужд и не нужен. А стоявшая далеко в Москве Преображенская канцелярия с её все-таки и в то время разнохарактерными функциями не могла уже удовлетворять насущным, жгучим потребностям Петербурга, и если ей можно было поручать дела, то только «не такие важные»; как говорит указ 28 мая 1726 года. При таком положении дела Преображенская канцелярия, естественно, остается на заднем плане и продолжает далее постепенно умирать, а князь Ромодановский все менее является способным лично вмешаться и помешать процессу падения канцелярии.

Указ 1727 года прошедший через Верховный Тайный Совет о передаче части «дел государственных» Сенату был дальнейшим решительным шагом на этом пути падения. Сенат же является тогда уже окончательно сведенным на степень деловой канцелярии при Верховном Тайном Совете, который вместе с тем делается, как увидим, непосредственным начальником и Преображенской канцелярии, таким образом, становясь на все время своего существования во главе преследования преступлений против первых двух пунктов.

Верховный Тайный Совет был установлен в феврале 1726 года. Сейчас же вслед за его учреждением получило одобрение государыни

«мнение не в указ о новом учрежденном Тайном Совете. Пункт 10 этого мнения гласил: «Сенат и прочие коллегии остаются при своих уставах; но дела особенной важности, о которых в уставе нет определений или которые подлежат собственному решению Ее Императорского Величества, они должны с своим мнением передавать в Верховный Тайный Совет». К делам особенной важности тогда уже всегда относились дела против первых двух пунктов. Кроме того, доношения по «слову и делу» если не прямо подлежали «собственному решению Ее Императорского Величества», то в предыдущее царствование в большей своей части — и непременно в более значительных случаях — достаточно определенно почитались находящимися в непосредственном ведении самой верховной власти. С другой стороны, очень немногим позднее императрица выразила категорическое желание, чтобы все случаи присуждения к смерти, натуральной или политической, были представляемы ей через Совет; большинство же дел против первых двух пунктов влекло за собой для виновных именно такого рода наказание. Таким образом, все учреждения, имея дела «важные» (а значит, все дела против первых двух пунктов) должны были докладывать о них на решение Совета, благодаря чему все важнейшие дела по «слову и делу» (разве кроме более мелких, вроде ложных оговоров) целиком оказались в непосредственном заведовании Верховного Тайного Совета, и таким путем он, значит, стал в положение тоже непосредственного начальника Преображенской канцелярии как учреждения, почти исключительно ведавшего «важными» делами. При этом надо заметить, что ко времени полного конструирования деятельности Совета Тайная Петровская канцелярия уже не существовала.

Верховный Тайный Совет, став прямым начальником главнейшего и единственно до 1727 года оставшегося специального учреждения по делам против первых двух пунктов, этим становился в положение высшего установления в государстве по «делам государственным».

В течение второй половины 1726 года и начала 1727 года положение Верховного Тайного Совета по отношению к Преображенской канцелярии определяется так: Ромодановский личными докладами предлагал на рассуждение и решение Верховного Тайного Совета «краткие выписки» по «важным» делам, оказавшимся в канцелярии, решение коих он на себя брать не осмеливался и не хотел. Конечно, необходимо заметить, что никаких норм того, когда дело должно было вноситься в Совет и когда можно было решать его самой Преображенской канцелярии, видимо, не имелось; и это тем более, что никаких «определений в уставе» не было по поводу этих дел, так как

никакого «устава» Преображенская канцелярия ее имела, а классификация дел по «важности» их при большой неопределенности этого термина в результате сводилась к личному усмотрению Ромодановского как начальника канцелярии. Конечно, согласно понятиям того времени, ответственность за понимание «важности» всецело ложилась на того же Ромодановского, который при усмотренной неправильности такого понимания, мог быть — по крайней мере, теоретически — «жестоко штрафован», как всякий судья, вынесший неправильный, по мнению высшей инстанции, приговор. Вне сомнения, что по отношению к Ромодановскому все это в силу его влиятельности не имело приложения, и в силу того же произвольность, личное усмотрение только играли еще большую роль в его действиях. Итак, с учреждением Верховного Тайного Совета Ромодановский в личном докладе приносил на разрешение Совета дела, которые он считал особенно важными и влекущими за собой смертную казнь. «1726 года декабря 9 дня в Верховном Тайном Совете действительный тайный советник кн. Ромодановский доносил о колодниках, которые в Преображенской канцелярии держатся по важным делам в непристойных, словах... и предложил пять кратких выписок»[503]. Этот порядок так и оставался до конца, до самого уничтожения Преображенской канцелярии. Верховный Тайный Совет по таким выпискам делал постановления о делах Преображенской канцелярии, причем, как увидим, иногда не ограничивался этим, а давал приказания о дополнении следования, о его направлении и проч., вмешиваясь, таким образом, непосредственно в самую деятельность канцелярии, а не ограничиваясь рассмотрением только исключительно результатов этой деятельности в виде представляемых «докладных выписок». Уже с самого конца 1726 года представления по делам Преображенской канцелярии в Совет делает вместо Ромодановского Ушаков, а после удаления этого последнего в 1727 году из Петербурга эти доклады делали или секретари канцелярии, или выписки присылались в Совет без всякого от канцелярии докладчика. Однако при всех этих переменах порядок рассмотрения докладов в Верховном Тайном Совете оставался неизменным: «1726 декабря в 21 день в Верховном Тайном Совете генерал-майор Ушаков докладывал о колодниках по важным делам Преображенской канцелярии в непристойных словах, касающихся к превысочайшей чести Ее Императорского Величества, и предложил три краткие выписки, которые в Верховном Тайном Совете слушаны, и Ее Императорское Величество указала»[504] или: «1727 года января

[503] Г. А. VII. № 218.
[504] Там же. № 217.

16 дня в Верховном Тайном совете генерал-майор Ушаков доносил о колодниках по важным делам Преображенской канцелярии в непристойных словах, касающихся к превысочайшей чести Ее Императорского Величества и предложил три краткие выписки, которые в Верховном Тайном Совете слушаны; и Ее Имп. Величество указала»[505], идут приговоры.

Совершенно так же после Ушакова докладывал в Совете о делах Преображенской канцелярии «секретарь Преображенской канцелярии Степан Патокин» в заседаниях 6 июня, 9 и 20 июня 1727 года[506] и, наконец, есть ряд указов Совета, сделанных, видимо, прямо на основании только получаемых из Преображенской канцелярии выписок, без всякого по ним личного доклада чинов канцелярии[507].

Мы уже выше заметили, что при слушании этих выписок Верховный Тайный Совет не всегда ограничивался только постановлением на основании их того или иного приговора. Относительно одной Ушаковым доложенной выписки Советом было вынесено решение, которое непосредственно входило в самый процесс следования, направляя и исправляя его: «гороховцем фискалом Зуевым о подметных письмах розыскивать в Москве в Преображенском приказе, и, что явится, о том в Верховном Тайном Совете репортовать; а что он же... показывал» на другие учреждения, «то все до времени оставить»[508]. Однако в громадном большинстве случаев Совет ограничивался непосредственным вынесением приговора.

До 1727 года, до указа 22 мая, главное количество дел «важных» шло в Совет именно от Преображенской канцелярии, но и в то время поступали подобные дела также от других учреждений, хотя и в сравнительно ничтожном количестве. В июле 1726 года бригадир Вельяминов доносит, на имя императрицы из Малороссии о двух полковниках малороссийских, которые «явились в непристойных словах»; это дело было уже следовано Малороссийской коллегией, которая и прислала подробный экстракт всего произведенного следования (с допросами, пытками и проч.). На основании этого следования Верховный Тайный Совет шлет свой указ-приговор о ссылке этих полковников в Сибирь за их непристойные слова[509].

Около того же времени барон Унтерн-Штернберг допустил по отношению к императрице оскорбительные выражения; дело это

---

[505] Г. А. VII. № 220.

[506] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 63. С. 651, 677, 778.

[507] См. Г. А. VII. № 216, 224, 233–235.

[508] Там же. № 217.

[509] Там же. № 215.

следовалось, очевидно, в Военной коллегии, откуда поступил в Совет на резолюцию подробный экстракт, по которому, видимо, и состоялось решение Совета в виде манифеста от 9 июня 1727 года[510].

Иногда Совет, получив какое-либо доношение по двум первым пунктам, поручал произвести по нему следствие какому-либо вообще постороннему этим делом установлению и представить доклад опять Совету на резолюцию. Так, в начале 1727 года Совет поручает «учрежденному суду невского полку» расследовать о доносе кн. Болхонского на одного солдата, который будто говорил «непристойные слова». Исполнив поручение, суд представляет экстракт, результат следования, на усмотрение Совета, который, по нему ставит приговор о разжаловании Болхонского в солдаты за ложный оговор[511].

Таким образом, до майского указа 1727 года, когда остается в силе старый, петровский порядок в преследования преступлений по «слову и делу», Верховный Тайный Совет рассматривает, во-первых, в кратких докладах дела наиболее важные из Преображенской канцелярии, во-вторых, рассматривает дела по таким же докладам и из других учреждений, где таковые случаются, и, в-третьих, иногда, ознакомившись с началом дела, поручает от себя какому-либо установлению произвести следование и представить результаты Совету в виде краткого экстракта. Окончательные приговоры во всех этих случаях ставил исключительно сам Совет. Из всего этого несомненно, что непосредственно со времени своего учреждения Совет принял большое участие в делах против первых двух пунктов, принял их целиком и непосредственно в свою вышнюю дирекцию.

В мае 1727 года положение дела несколько изменяется, и едва ли не по почину опять-таки Совета. 22 мая через Верховный Тайный Совет последовал указ, чтобы, «ежели кто за кем знаете злое умышление на здоровье Его Императорского Величества, второе: о измене, третье: о возмущении или бунте, о тех из ближних к С.-Петербургу Новогородской, Лифляндской и Эстляндской губерний доносить в Сенат, а из дальних губерний и провинций в Москву к д. т. с. и генералу-губернатору князю Ромодановскому, а в Верховный Тайный Совет писать им о том для ведома немедленно»[512]. По неясным теперь для нас мотивам с этого времени Совет путем такого указа делит сферу деятельности Преображенской канцелярии между ней и Сенатом, притом оставляя за собой и даже подчеркивая свое постоянно

[510] Г. А. VII. № 219.
[511] Там же. № 228.
[512] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 63. С. 559.

надзирающее, высшее положение в этого рода делах. Через полгода (5 января 1728 года) это еще раз и еще определеннее подчеркивает Совет своим указом, которым повелевалось Сенату о делах «важных, со мнением докладывать» Совету[513], а не решать их самому.

С этого времени происходит заметное изменение в деятельности Совета по делам о первых двух пунктах. Хотя по-старому Преображенская канцелярия присылает в Совет на резолюцию свои экстракты, однако уже незаметно, чтобы другие учреждения сами вступались в дела по пунктам; теперь лишь только такое дело наметится в каком-либо учреждении, это последнее в большинстве случаев немедленно, без всякого следования отправляет колодника с доношением иногда даже непосредственно Верховному Тайному Совету[514]. С другой стороны, несомненно, расширяется практика передачи такого рода дел по их вступлении для розыска какому-либо, но всегда специальному лицу или учреждению уже от имени Совета, и вводится совершенно новая практика: ведение самим Советом всего дела, с начала до конца. Словом, Совет все более, все непосредственнее входил сам в производство «дел государственных», что как бы свидетельствует о возрастании их «важности» в глазах правительства того времени.

Не будем останавливаться на роли Совета как инстанции для Преображенской канцелярии, в этом, очевидно, никакой перемены не происходит и после 1727 года, и даже до самого уничтожения этой канцелярии в 1729 году.

Мы уже имели случай отмечать и ранее передачу Советом возникавших дел на подробное окончательное их исследование какому-либо нарочито для данного случая выбираемому установлению; например, такие передачи, пожалуй, участились с 1727 года, и в выборе установлений, которым дела поручались, можно подметить тенденцию со стороны Совета как бы избегать общих учреждений для этой цели, а обращаться к отдельным лицам или нарочитым временным установлениям, т. е. как бы стремление возвращаться к системе частного поручения. 16 августа 1727 года Иван Дмитриев-Мамонов писал «к поданию в Верховном Тайном Совете»: «по указу Вашего Императорского Величества, каков объявлен мне в Верховном Тайном Совете, велено: гв. капитана Бредихина о человеке его Иване Гаврилове, который в прошедшем июне месяце сказал за собой Е. И. В. слово, по какому делу он Гаврилов держится, и справясь о прежнем

[513] Филиппов. История Сената в правл. В. Т. Совета. С. 116.

[514] Хотя бывали и исключения, но теперь именно скорее исключения, а не одно из общепринятых направлений дел. См. Г. А. VII. № 246, 253, 258.

по доносу его деле с Тайной канцелярией, учиня экстракт, со мнением подать в Верховном Тайном Совете. И по тому Вашего Императорского Величества указу экстракт со мнением моим при сем всеподданнейшем доношении прилагаю. Иван Дмитриев-Мамонов»[515]. Далее в деле идет этот экстракт, а в конце его приложено «мнение» Дмитриева-Мамонова о наказании колодника. На основании этого материала Совет дает указ согласно «мнению» Мамонова. «1727 года октября в 30 день, — говорится в другом указе Совета, — Его Императорское Величество указал по доношению Никиты Перцева исследовать и разыскивать генералу-лейтенанту и подполковнику от гвардии Семену Салтыкову и нарочным определенным с ним, и о том ему дать указ из Верховного Тайного Совета». Исполняя повеление указа, Салтыков производит следствие и представляет его результаты Совету в виде «экстракта». В сентябре 1728 года военная коллегия излает Совету доношение об изменах и волнениях среди донских казаков. Совет поручает это дело разыскивать кн. Мих. Голицыну: этот последний точно исполняет указ, ведет весь розыск и присылает его Совету, который на его основании ставит свой приговор[516].

С мая 1727 года Сенат начинает присылать Совету экстракты по тем делам, которые без Совета решать не осмеливается. В ноябре 1727 года Сенат присылает в Совет ряд «выписок» по делам против первых двух пунктов, которые поступили в Сенат в силу майского указа. Эти «выписки» сопровождаются «доношением» «к поданию в Верховном Тайном Совете», в котором говорится, что Сенат препровождает те дела Совету потому, что «по тем делам... решения собою учинить не может, того ради» и доносит о них. Давая указ по этим делам, Совет в конце добавляет: «и впредь о таких колодниках, которые являться будут не в важных делах чинить решение по указам Сенату, а о важных — со мнением докладывать Верховному Тайному Совету»[517]. Так формально Советом установлен порядок и по отношению к Сенату такой, какой существовал в отношении Преображенской канцелярии.

В середине 1729 года Сенат присылает, в Совет «доношение» и экстракт по доносу на архиеп. Дашкова, что он царский указ назвал «чертовым». Донос оказывается ложным, и по экстракту сенатскому Совет ставит приговор о наказании доносчика[518]. Но иногда Сенат,

---

[515] Г. А. VII. № 230.
[516] Там же. № 232.
[517] Там же. № 240.
[518] Г. А. VII. № 237.

видимо, не решался сам далее и к следствию приступать без санкции Совета. В ноябре 28 года в Сенат из Ревеля были присланы солдаты, показавшие на одного капрала «непристойные слова»; и Сенат производит следование по этому делу только тогда, когда «по докладу через обер-прокурора Воейкова от собрания Верховного Тайного Совета приказано... оных расспросить в Сенате и доложить о том в... совет». В конце того же года опять сенатская контора вносит один донос на усмотрение Совета, и только тогда Сенат приступает к следованию, когда «по приказу Верховного Тайного Совета велено оным доносителем, разыскивать и пытать, а что с розыску покажется, о том доложить в Верховном Тайном Совете»[519].

Бывали случаи, когда Совет сам передавал Сенату какой-либо донос для учинения розыска. Так, в апреле 1728 года он передал Сенату дело «о раздьяконе, говорившем слово за собой... для расспросу и исследования»[520].

Таким образом, Сенат и Преображенская канцелярия по общему указу, другие установления по указам сепаратным в конце концов играли при Совете скорее чисто служебную роль исполнительного органа в делах против первых двух пунктов, в делах «особенно важных», а все направление и разрешение таких дел лежало непосредственно и окончательно теперь в руках самого Совета. Но вскоре Совет стал и сам принимать участие в розыске о следовании, сам непосредственно их производя. Нетрудно заметить, как это участие, в начале деятельности Совета отсутствовавшее, к 1729 году все более и более начинает иметь место в делах «важных». Мы позволим себе подробнее и внимательнее остановиться на этой стороне деятельности Верховного Тайного Совета, интересной и для обрисовки общих приемов действования этого учреждения.

Как уже заметил г. Филиппов, только при Петре II Совет начинает очень усиленно заниматься делами «по пунктам», впервые выступает в качестве первой инстанции, сам производя целиком по делам «следование» и ставя окончательные резолюции[521]. Однако это явилось не вдруг и не сразу, мы отмечали, что Совет уже вмешивался, хотя и редко, исправляя следствие, в дела Преображенской канцелярии. С другой стороны — в заседание Совета 30 октября 1727 года был приведен доноситель «мужик Никита Перцев, который сказал за собой слово, а никому не объявляет, который был приведен и спрашиван; но

[519] Там же. № 29. Карт. 3 (№ 58).
[520] Там же (№ 31).
[521] Там же (№ 35).

понеже сказал не самое важное, определено то дело отдать в комиссию ген.-лейт. Салтыкова»[522]. В заседании 14 октября 1728 года Совету был «представлен» и «от господ министров спрашиван» колодник Кашинцев, сказавший за собой «слово и дело» и присланный в. Совет Адмиралтейств-коллегией[523]. В том же году из Преображенского приказа была Советом слушана «выписка» о некоем Погребове, а в другом заседании (21 августа) этот Погребов был представлен и «спрашиван от господ министров, самих», и в заседании 28 августа опять сами «господа министры» допрашивали того же Погребова[524]. Таким образом, если с конца 1728 года и до конца своего существования Верховный Тайный Совет во многих делах государственных усиленно сам выступает в качестве первой инстанции, то это не оказывается чем-то сразу происшедшим, а только расширением и развитием прежней практики. Это развитие, конечно, могло так резко двинуться вперед благодаря возникновению очень благоприятствующих этому обстоятельств. Мы не имеем достаточных данных к точному и определенному выяснению этих обстоятельств. Можно только догадываться, что начавшееся постепенно к этому времени умирание Преображенской канцелярии с одной стороны, с другой — возложение поэтому части дел, ей подведомственных, на Сенат, неослабное наблюдение за которым всегда имел Совет, и, наконец, в-третьих, постоянное скорее возрастание, чем умаление «важности» таких дел в глазах правивших министров — все это в совокупности и послужило к такому изменению в направлении практики Совета в делах против первых двух пунктов.

В течение 1729 и 1730 годов, до уничтожения Совета, он очень много и очень упорно сам занимается «государственными делами». Дела эти поступали непосредственно к нему в виде «доношений» от разных провинциальных и столичных учреждений, в которых случался кто-либо сказавший за собой «слово и дело». Видимо, сами эти учреждения не производили расспроса, а непосредственно при «доношении» отправляли доносителей в распоряжение Верховного Тайного Совета.

Как только советская канцелярия получала доношение и колодников при нем, об этом секретари, не откладывая, по возможности доносили министрам. Например: «1729 мая в 28 день из Верховного Тайного Совета к господам министрам... (идет их перечисление) ...посылан секретарь Ан. Кривцов доложить о приведенных в Верхов-

[522] Г. А. VII. № 36.
[523] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 69. С. 600; или Г. А. XVI. № 92.
[524] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 84. С. 567.

ный Тайный Совет колодниках из Полицмейстерской канцелярии: Дмитровской полусотни о Иване Иванове да о дворцовом крестьянском сыне Иване Горбачеве, из дворцовой канцелярии — о пильщике Федоре Кобылине — он же Гога — которые, сидя в тех канцеляри-канцеляриях под караулом, сказали за собой Его Императорского Величества слово и дело по первому пункту; тех колодников позволят ли принять, и для спросу их сами изволят быть в Верховном Тайном Совете, и когда или изволят приказать расспросить тайному советнику господину Степанову»[525]. И господа министры согласно приказали тех колодников принять и расспросить тайн. сов. госп. Степанову, и по тем расспросным речам доложить»[526]. Таким образом, по поступлении дела в Совет секретари тотчас о нем доносили министрам, которые направляли дело, видимо, обычными и единственно существовавшими двумя путями: или сами же министры вели первый предварительный допрос, или поручали это сделать — а после им доложить — секретарю канцелярии советской Василию Степанову. Так же точно «1729 года мая в день 29 Верховного Тайного Совета господам министрам... (идет их перечисление) ...посылан секретарь Ант. Кривцов доложить о присланных колодниках в Верх. Тайный Совет от генерала графа ф. Миниха ингерманландского пехотного полку о солдате Александре Данилове, из Дедилова — о поповом сыне Андрее Степанове, которые сказали за собой: Данилов — слово и дело, а попов сын — слово Его Императорского Величества, и о тех колодниках им господам министрам докладывано сего ж мая 30 дня, и изволили согласно приказать помянутых колодников расспросить тайному советнику господину Степанову»[527].

Дело далее и не продолжалось (т. е. далее первого допроса колодника от самих министров), если сразу же при этом допросе оказывалось, что сказавший «слово и дело» на самом деле ни за кем его не знает; тогда министрами немедленно же ставился приговор об учинении за это «ложное сказывание» соответственного наказания. «Июля 2 дня 1729 году, — читаем в одном деле, — вышеописанный колодник... перед собранием Верховного Тайного Совета расспрашиван секретно, а по расспросу его такого важного дела... не явилось, а сказал другие непристойные слова, которых и записывать неприлично; того ради рассуждено: за сказывание его такого важного дела, которое он за собой объявил в Переславле-Рязанском ложно, учинить

[525] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 69. С. 390, 429.
[526] Г. А. VII. № 29. Карт. 3 (№ 47). Л. 720.
[527] Г. А. VII. № 29. Карт. 3 (№ 47).

наказанье: бить кнутом и послать в ссылку в Сибирь»[528]. «Дьячок Дем. Васильев июня 18 дня при собрании господ министров спрашиван секретно, и потом приказали записать, что по расспросу такого дела, что он объявил, за ним не явилось; и сказывал то, отбывая своей злой вины; и для того за ложное слово повелено его отдать в полицию и бить при колодниках кнутом»[529]. Тем в таких случаях процесс и заканчивался, писался соответственный указ за подписью обычно двух министров, и по нему чинилось исполнение. Однако так скоро и просто протекал процесс сравнительно редко. Чаще дело шло гораздо сложнее, оно бывало часто сложнее даже и при «ложном сказывании». Мы позволим себе подробно изложить одно дело (начала 1729 года), из которого с большой наглядностью и выпуклостью видна вся роль министров Верховного Тайного Совета, при «следовании» преступления самим Советом. Дело началось с присланного «доношения» Адмиралтейств-коллегией о том, что «свечник Михайло Волков... сказал... в Санкт-Петербурге за собой государево слово, касающееся к первому пункту». Первый расспрос был сделан Волкову т. с. Степановым, который «спрашивал, чтоб он (т. е. Волков) объявил подлинно, что донести имеет и за кем слово знает сущею правдою, понеже он ведает, что первый пункт состоит о дражайшем здравии Его Императорского Величества. И он свечник Михайло Волков сказал...» далее следуют показания Волкова, в которых он оговаривает нескольких человек, которые немедленно указом Совета и были вытребованы в Совет. Затем «января 31 дня перед собранием Верховного Тайного Совета колодник... Волков спрашиван, подлинно ли он утверждается на своем расспросе... на что она ответствовал, что он те слова слышал (слова, о которых он и доносит) и потом взят был оный ученик Ногаев и спрашиван, и сказывал он...» Затем идет ряд очных ставок, потом опять допросы отдельных лиц, обвиняемых и свидетелей — и все в присутствии самих господ министров. В результате этого сложного допроса «рассуждено его Волкова пытать из подлинных речей». И в тот же день «января 31 числа при присутствии господ министров государственного канцлера и кавалера Гав. Ив. Головкина да т. д. сов. кн. Долгорукова вышеозначенный доноситель Волков привожен в застенок и спрашиван... а на виске говорил паки...» (идет изложение его показаний); «было ему 32 удара»; этой записью кончается отчет о допросе Волкова министрами Совета 31 янв. 1729 года. Но в результате никаких точных данных добыть не удалось, и когда на простом допросе 3 февраля Волков опять сильно путается в своих

[528] Г. А. VII. № 29. Карт. 3 (№ 49).
[529] Там же (№ 45).

показаниях, то «того же февраля 3 дня сего 1729 году в присутствии господ министров... Головкина да... Долгорукова вышеозначенный же Волков привожен вдругоряд в застенок и расспрашиван, подлинно ль утверждается; было ему двенадцать ударов».

18 февраля в собрании Совета присутствует «барон Андрей Иванович Остерман», самый влиятельный из министров (присутствовал также и министр кн. В. Л. Долгоруков), и при них были снова допрошены — с очными ставками — все свидетели и обвиняемые по делу Волкова. Через десять дней главный заводчик всего дела, измученный Волков почувствовал приближение смерти: «февраля 28 дня 1729 года в присутствии в Верховном Тайном Совете господ министров... Головкина... Долгорукова... и Голицына л.-гв. сержант Александр Арбузов да Константин Ушаков доносили, что содержащийся колодник Мих. Волков требует священника для исповеди, о чем и министрам докладывано». Министры решили не упускать удобного момента и немедленно «изволили приказать к тому колоднику сходить т. с. В. Степанову да ст. сов. А. Маслову и спросить его со увещанием, подлинны ль те слова... говорить научали его... и того ж числа означенный тайный и статский советники оного Волкова спрашивали». Впрочем, еще раньше, 4 февраля, после пыток стал Волков «болен» и потребовал к себе священника для исповеди, о чем сержант Ушаков доносил «в Совет в небытность в собрании господ министров»; секретарь Богданов об этом доложил кн. Долгорукову «в доме его», «и его сиятельство изволил приказать священника для исповедования к нему допустить, и тому священнику приказать у него Волкова при исповедании спрашивать по духовности, правда ли он Волков на Федора» и других лиц «сказал, что показано от него Волкова в расспросе и с розыску... или он то затеял напрасно». Священник исполнил приказ Долгорукова и, пользуясь исповедью, занялся розыском, о результатах которого доносил в Верховном Тайном Совете, «что показанного Волкова он исповедовал и святых тайн сообщил, и при исповеди по вышеозначенному приказу его спрашивал», на что Волков отвечал, что он говорил «самую правду». Таким образом, верховники вводили в процесс и это старое средство, так часто употреблявшееся еще в Петровской тайной канцелярии. Но этим дело не кончилось: Волков все-таки остается жив, и процесс тянется далее.

7 марта опять «пред собранием господ министров спрашиван Волков паки с увещанием...», и в результате этого допроса Волкова «рассуждено пытать в третей». Дальнейшие пытки Волкова идут уже в присутствии Степанова и Маслова без министров, причем при третьей пытке он был еще «жжен огнем». В конце этого ряда всяческих

пыток, видимо, утвердились на последнем признании Волкова, что он все сочинил и ложно оклеветал[530].

Мы нарочно подробнее остановились на этом конкретном примере, чтобы яснее показать те способы и приемы, тот образ действия, которыми пользовались министры Верховного Тайного Совета, когда дело они считали необходимым следовать лично. Как нетрудно видеть, ничего нового, ничего особенного нет в этих приемах, все они уже хорошо были известны и ранее, и именно в таком порядке их применения. Обычный уголовный процесс того времени уже очень давно пользовался всем этим аппаратом следствия, Преображенская и Тайная канцелярии разве только с небольшим усилением применяли ту же систему в отношении «государственных дел». Ничего нового не дала в этом отношении практика Верховного Тайного Совета; пожалуй, можно только считать все-таки будто несколько сокращенным размах в применении Советом этого аппарата, однако точно и определенно это установить является затруднительным, тут скорее передается впечатление, которое выносится из сравнительного рассмотрения практики Тайной канцелярии, Преображенской канцелярии и Верховного Тайного Совета. Это впечатление подтверждается тем, что присутствовать при пытках министры не любили, да и сравнительно реже — в общем числе случаев — к ним прибегали.

Позволим себе привести в кратком пересказе еще одно столь же характерное дело того же 1729 года. «Августа 13 дня 1729 году в собрании господ министров в доме государственного канцлера и кавалера графа Гаврилы Ивановича Головкина присланный из Архангелогородской губернии монах Маркел спрашиван от самих министров, а в расспросе сказал...» Здесь идет его показание о том «слове и деле», которое он объявил за собой (непристойные слова), и под показанием подпись Маркела. Потом непосредственно: «того ж числа означенный иеродьякон Яков спрашиван, а в расспросе сказал...», под показанием опять подпись, «и того же числа дана им Маркелу и Якову очная ставка: а на очной ставке монах Маркел утверждался на прежних словах...», «а иеродьякон то ж говорил, что и в расспросе своем...», «того ж числа стряпчий Митрофан спрашиван, а в расспросе сказал...» (идет показание за подписью); «и того ж числа дана им Маркелу и Митрофану очная ставка...» Митрофан «того ж числа при доносчике Маркеле спрашиван...», «и по приказу господ министров велено его Маркела спросить со увещанием господам тайному советнику Степанову да статскому советнику Маслову, и ежели в том утвердится, то,

530 Г. А. VII. № 29. Карт. 3 (№ 39).

расстригши, пытать»; «и августа в 14 день по приказу господ министров при тайном советнике да статском советнике же Степанове и Маслове...» расспрашивали Маркела с увещанием. Так как он стоял на прежнем показании, то дошло до пытки: «и августа 18 дня по приказу вышеозначенных же господ тайного и статского советников показанный монах Маркел чрез требование присланным из Синода той команды иеромонахом Симеоном... расстрижен...», «и того ж числа при вышеозначенных же тайном и статском советниках оный расстрига Михайло привожен в застенок и паки спрашиван со увещеванием, всеконечно в том он утверждается...», «и того же времени поднят на виску и паки спрашиван, и на виске говорил те ж речи, и потом бит кнутом, а с пытки говорил те ж речи; было ему 25 ударов».

27 августа 1729 года «в Верховном Тайном Совете докладывано», что Маркел чрез караульного потребовал к себе секретаря, и «по приказу» Маслова «ходил к нему секретарь Иван Богданов». Маркел заявил, что весь его оговор ложный, что все «сказал он напрасно». Совет решил для выяснения подлинности речей «пытать его еще дважды». 3 сент. Маркел был «привожен в застенок» и пытан: «на виске и с пытки говорил те же речи, что то все затеял... напрасно и приносит в том повинную». «При том розыске присутствовали господа тайный да статский советники Степанов да Маслов»; «октября 10 дня вышеозначенный расстрига Михайло в собрании господ министров спрашиван от самих, подлинно ль он все затеял напрасно и кто его научал: «на что ответствовал, что подлинно затеял, с безумства, а никто его не научал; рассуждено пытать его еще», «и декабря 3 дня означенный расстрига Михайло привожен в застенок», там пытан («и было ему пять ударов»), но он опять подтвердил ложность своего оговора, «при том розыске присутствовали господа советники тайный Степанов да статский Маслов». Вслед за этим 12 января 1730 года следует указ Совета о наказании: «бить кнутом нещадно и, вырезав язык, послать в ссылку в Сибирь на вечную работу»[531].

Для полноты характеристики процесса можно еще добавить, что в практику Совета в случае надобности входила и непосредственная посылка в провинцию — для доставления к следствию нужных лиц — сержантов гвардии, которые сообщали непосредственно Совету о ходе исполнения возложенного на них поручения. Например, в 1729 году сержант К. Ушаков послан был доставить в Совет

[531] Г. А. VII. № 254.

нескольких лиц, оговоренных одним доносителем, причем во время своей поездки Ушаков писал «доношения» непосредственно в Совет[532].

Таким образом, сам Верховный Тайный Совет следовал «государственные дела». Нельзя не заметить, что при решении дела, при постановлении приговора, очевидно, существовало всё-таки определенное стремление сделать этот приговор «согласным мнением» министров, что выражалось и в том, что один министр никогда не ставил приговор, а всегда происходил обмен мнениями. Насколько обмен этот являлся действительным и насколько только одной лишь формальностью, решить мы не можем, однако уже существование такого, хотя бы и по существу формального, обычая характеризует известное стремление к коллегиальности. Когда после расспроса колодника «перед собранием Верховного Тайного Совета» было ему присуждено наказание, то было тут же постановлено «то рассуждение объявить прежде действ. тайн. сов. барону Андрею Ивановичу Остерману, князю Алексею Григорьевичу Долгорукому, что на другой день, то есть 3 числа июля, також и о словах его донесено и выслушано; о учинении ему Карачану наказания и о ссылке в Сибирь мнение свое с прочими министрами объявить изволили согласно»[533]. А по другому делу, когда решено было затребовать об одном колоднике справок в других учреждениях, «князь Дмитрий Михайлович Голицын мнение свое приказал прочим господам министрам объявить: ежели того по справке не явится, то помянутого колодника, отрезав ему нос или ухо, послать в Сибирь»[534]. Бывало ли такое начало коллегиальности более или менее обязательно или оно проявлялось совершенно факультативно, только изредка, в некоторых случаях — для точного решения этого вопроса у нас прямых данных не имеется, но отсутствие единоличных распоряжений и приговоров в этой практике Совета, а с другой стороны, ясные указания чисто случайного характера, уже встретившиеся нам за небольшой промежуток времени и в небольшом делопроизводстве, дают некоторое основание предполагать существование коллегиального порядка в вынесении Советом приговоров достаточно прочно установившимся.

Так, «дела государственные» вел самолично Верховный Тайный Совет, высшее учреждение в государстве, роль которого, в то время особенно, была исключительно политическая, как в делах внешних, так и в делах внутренних. Отстранив от себя всякую чисто деловую

---

532 Г. А. VII. № 29. Карт. 3 (№ 60).

533 Там же (№ 49).

534 Там же (№ 47).

деятельность, сделавшись центральным установлением только с высшей направляющей политической силой, почему-то вдруг Совет, и это может показаться странным, принимает почти целиком на себя всю чисто деловую, черновую работу, лишь только дело касается до преступлений против первых, двух пунктов, преступлений зачастую крайне мелких и вздорных. Объяснение этому, видимо, можно найти только в том, что такого рода делам в их совокупности Совет придавал значение политическое, почему и считал себя обязанным самому входить в ближайшее их рассмотрение.

Однако все же бывали случаи, когда Совет после первого допроса, и хотя дело оказывалось «против первых двух пунктов», решал не следовать его самому, а поручить это произвести другому учреждению, оставляя за собой, однако, право учинить приговор. Пример, этого, имеющийся у нас, к сожалению, не позволяет видеть тех соображений, которыми руководился Совет в этом случае. В июле 1729 года Адмиралтейств-коллегия прислала в Совет колодника, сказавшего за собой «слово и дело». После расспроса, сделанного кн. Вас. Долгоруким этому колоднику, Совет постановляет «послать его Соколова (т. е. колодника) по-прежнему в адмиралтейскую коллегию, велеть оной коллегии... о всем том разыскивать без всякого замедления... и что по розыску явится, о том донести в Верховный Тайный Совет»[535]. Это единственный попавшийся нам пример такого рода за последние полтора года существования Верховного Тайного Совета. Такого рода практика, очевидно, приняла крайне ограниченные размеры, а еще вероятнее, не превосходила одного-двух случаев.

Таким образом, к концу своего существовала Верховный Тайный Совет, все ближе и непосредственнее входя в производство дел против первых двух пунктов, наконец почти всецело сосредоточил у себя как их «следование», так и решение. В этом, казалось бы, можно видеть окончательное (с этого времени мы колебаний более не замечаем) установление политического значения за делами против первых двух пунктов, а отсюда как бы заранее намечается и важность, и сила того учреждения, которое в будущем будет иметь в своем заведовании такого рода дела.

II

В то время как развернулась деятельность Верховного Тайного Совета, в то время когда Совет, как мы только что видели, взял в свои руки властно и непосредственно «дела государственные», однако же

[535] Г. А. VII. № 29. Карт. 3 (№ 51).

еще существовала Преображенская канцелярия, а с 1727 года часть «дел государственных» Совет поручал Сенату. Таким образом, в рассматриваемый период, если Верховный Тайный Совет стоял во главе следования и решения дел против первых двух пунктов, то Преображенская канцелярия и Сенат разделяли с ним эту его роль в качестве подчиненных ему инстанций. К деятельности в этом направлении Преображенской канцелярии и Сената за данный период мы теперь и обратимся, чтобы с возможной точностью прийти к последнему моменту нашего исследования: к оказавшемуся неизбежным возрождению к концу рассматриваемого периода Петровской Тайной канцелярии в виде Канцелярии тайных розыскных дел 1731 года.

Как мы уже знаем, тотчас по учреждении своем Верховный Тайный Совет подчиняет Преображенскую канцелярию своему непосредственному наблюдению. С этого времени, как видим, по всем важным делам своим канцелярия подносить Совету докладные выписки. Самое первое время лично Ромодановский делал такие доклады по выпискам, а с осени 1726 года по всем делам Преображенской канцелярии в Совет является новый докладчик, человек до того времени как будто не имевший к Преображенской канцелярии непосредственная отношения. Это был Андрей Иванович Ушаков. Самого указа о передаче «ведения» Преображенской канцелярией Ушакову нам нигде не удалось найти; является далее вопрос: в какой форме этот указ был дан, но что он существовал, это вне сомнения. Когда в середине 1727 года Ушакова постигла опала и он был отослан из Петербурга «к другой команде», то он подал 8 мая 1727 года следующее «доношение» «в Верховный Тайный Совет»: «по именному блаженной и вечнодостойной памяти Его Императорского Величества указу ведал я Преображенскую канцелярию, а ныне по указу отправлен в Ревель к команде ген.-лейтенанта Бона, и оную канцелярию кому указом повелено будет ведать. Генерал-лейтенант Ушаков»[536]. Кроме того, до нас дошло одно письмо Макарова Ромодановскому от 7 января 1727 года, где Макаров писал, что в ноябре 1726 года архангелогородский губернатор Измайлов писал Екатерине о некоторых колодниках, им отосланных в Преображенский приказ, «и какие дела до них касаются, — заканчивал Макаров свое письмо, — о том извольте сюды писать к Андрею Ивановичу Ушакову»[537]. Из сопоставления этих данных можно заключать, что в конце 1726 года, возможно, по частному случаю, Ушаков привлекается как посредник

[536] Г. А. XVI. № 29.
[537] Г. А. IX. № 6. Карт. 13.

между Петербургом и находящимся в Москве Преображенским приказом, так что ему тогда и было поручено «ведать» Приказ в Петербурге. Такое предположение подкрепляется еще тем, что первый раз в протоколах Верховного Тайного Совета упоминается о докладах дел приказа Ушаковым под 16 декабря 1726 года[538], т. е. именно около нами предполагаемого времени. Ранее, после указа 30 сентября (1726 года) и до ноября-декабря этого года (значит, в промежуток всего одного месяца) никаких указаний на доклады Ушакова в Верховный Тайный Совет не встречается. Если бы приказ был поручен Ушакову ранее, то тогда зачем бы Макаров писал Ромодановскому по частному делу о том, что и так было бы известно этому последнему, раз и тогда уже Приказ находился в «ведении» Ушакова. К тому же, мы имеем следующее известие: «1726 г. декабря 9 дня в Верховном Тайном Совете действительный тайный советник князь Ромодановский доносил о колодниках, которые в Преображенской канцелярии держатся по важным делам в непристойных словах... и предложил пять кратких выписок»[539]. Из этого как бы выходит, что до передачи «ведения» приказом в Петербурге Ушакову, Ромодановский сам приезжал в Петербург с докладами по своей канцелярии. Не надо забывать, что, вероятно, уже к этому времени болезни сильно одолели кн. Ромодановского, и поездки в Петербург стали для него тяжелы; быть может, и этот мотив играл роль в поручении Ушакову «ведать» приказ.

Таким образом, с наступлением нового царствования, с 1726 года, в положении и управлении Преображенского приказа происходит крупное изменение: приказ фактически попадает под начало к Верховному Тайному Совету, в котором докладывает по делам приказа постороннее лицо, «ведающее» приказ в Петербурге, а именно — А. И. Ушаков. Как ни велика была эта перемена, мало она отразилась — внешне по крайней мере — на деятельности приказа в Москве; почти невозможно уловить никаких существенных изменений в делопроизводстве и его формах, нельзя только не заметить, что в постановлениях приказа с 1726 года меняется их форма: ранее эта форма была: «в... (число) ближний стольник князь Иван Федорович Ромодановский, слушав... (изложение дела) ...приказал... (приговор), а в 1726 году эта форма заменяется новой: «в Преображенском приказе определено...» (изложение дела и приговор). Это изменение едва ли, впрочем, можно ставить в связь с изменением в положении приказа, так как никакой непосредственной связи тут заметить нельзя, тем

[538] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 56. С. 569.
[539] Г. А. VII. № 218.

более что кроме этого никаких перемен не заметно, и как ранее, так и до самого последнего указа, до самых последних дней деятельности приказа, во главе его стоит по-старому исключительно один Ромодановский; никаких других хозяев не видно, только кое-когда появляются в делопроизводстве указы, присылаемые за рукой Ушакова. Это все еще раз подтверждает наше предположение, что «ведал» Ушаков Преображенским приказом только в Петербурге, как бы заменяя в то время уже там не бывавшего Ромодановского, при сношениях приказа с Верховным Тайным Советом.

Первый раз, как мы видели, в протоколах Верховного Тайного Совета упоминается о докладе дел Ушаковым по Преображенской канцелярии под 21 декабря 1726 года. С такого рода докладами «выписок» дел Преображенской канцелярии Ушаков обычно являлся в Верховный Тайный Совет вплоть до времени своей опалы. Отметки о таких докладах Ушакова встречаются в протоколах, и журналах Верховного Тайного Совета в следующие заседания: 16 января[540], 30 января[541] и, наконец, 24 апреля[542] 1727 г.; манифестом же 26 мая 1727 года было повелено: «Андрея Ушакова определить к другой команде, куда надлежит»[543]. После этого, как мы видели, уезжая в Ревель, Ушаков просит назначить лицо, кому бы он передал «ведение» приказом. На это «доношение» Ушакова какая резолюция последовала, мы не знаем. Однако можно думать, что «ведение» это не было более никому поручаемо, и потому что в дальнейшем — до самого уничтожения Преображенского приказа — дела его или просто присылались в Совет в «выписках», или докладывались секретарем приказа Патокиным.

Роль Ушакова в ведении приказом сводилась, видимо, к представлению им Совету докладов по частным делам канцелярии. Однако иногда Ушаков докладывал по делам общего характера; об указе руководящего значения он входил даже непосредственно с докладом к самой императрице и уже потом «предлагал» Верховному Тайному Совету резолюцию Екатерины. Так, 16 января в заседании Совета «из Преображенской канцелярии» была подана «форма указа», чтобы не извинять непристойные слова, если даже они были произнесены кем-либо в пьяном виде, и «по предложению тогда же г.-м. Ушакова оную же форму Ее Императорское Величество изволила слушать и указала

---

540 Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 56. С. 40.

541 Там же. С. 74.

542 Там же. Т. 63. С. 464.

543 Там же. С. 603.

быть в той силе», а 30 января Советом уже подписан указ об опубликовании вышеназванного указа через Сенат[544].

Свои доклады Совету Ушаков делал до самого своего отправления «к другой команде». Мы встречаем указ, данный Советом о делах Преображенской канцелярии по представлению Ушакова уже в мае 1727 года[545].

В мае 1727 года Ушаков был удален из Петербурга и перестал «ведать» Преображенский приказ. Мы уже говорили, что с этого времени, видимо, более никто им не ведал в Петербурге, а просто или присылались соответственные «выписки» и прочитывались Совету, который ставил свои резолюции, или иногда приезжал в Петербург с докладами секретарь канцелярии.

Наконец в 1729 году кн. Ромодановский, томимый подагрой и каменной болезнью, просит освободить его от дел, и тогда ему была дана отставка, а Преображенской канцелярии повелено не быть.

Мы выше уже видели, что «ведение» дел против первых двух пунктов вменено было Сенату в прямую обязанность указом 22 мая 1727 года, однако еще до этого указа в ведение Сената, возможно, случайно, попадали подобные дела. 9 сентября 1726 года в заседание Верховного Тайного Совета был «допущен» обер-прокурор Сената Бибиков и докладывал «о дьяконе, содержащемся в непристойных словах». По решению Совета, «оное доношение отдано ему Бибикову попрежнему, и притом приказано, чтоб о том велели розыскивать и следовать в Москве сенатскому члену графу Мусину-Пушкину»[546]. После же вышеупомянутого майского указа 1727 года, представляя в Верховный Тайный Совет доношение о ряде дел по первым двум пунктам, Сенат прямо указывает, что эти дела поступили к нему именно в силу этого указа. Тут же есть очень характерная фраза, что Сенат потому передает выписку об этих делах Совету, что «по тем делам... решения собою учинить не может»[547]. И Совет одобряет и подтверждает на будущее время эту практику, чтобы Сенату самому не решать в делах «важных», а «со мнением докладывать Верховному Тайному Совету»[548]. И 27 октября этого же, 1727, года сенатор Нелединский «доносил словесно о трех колодниках, которые держатся в показании от них непристойных слов; рассуждено (было в Совете) ими еще из подлинных речей

[544] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 63. С. 39. П. 75.

[545] Г. А. VII. № 222.

[546] Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 56. С. 8.

[547] Г. А. VII. № 237.

[548] Там же.

розыскивать»[549]. Другой сенатор — Новосильцев — в заседании Верховного Тайного Совета 3 ноября того же года доносил «по кратким выпискам о колодниках, которые показались в непристойных словах», и Совет ставил приговоры[550]. Доношение того же сенатора по такому же делу (о колоднике, за собой сказавшем «слово и дело») было слушано в заседании Совета в мае 1729 года[551]. Однако, надо думать, именно только особо «важные» дела, только те дела, в которых Сенат признавал невозможным сам учинить решение, шли на резолюцию в Верховный Тайный Совет, как того и требовал указ майский 1727 года. Если же дело являлось не столь важным, если далее по расследовании в нем никакой «важности» не оказывалось, то Сенат решал его самостоятельно, не доводя до сведения Совета. Например, в 1729 году Тобольская губернская канцелярия присылает следованное уже ею дело для указа в Сенат. Дело это началось по доношению фискала канцелярии о том, что некий живописец Буткеев доносил на секретаря Баженова, что тот, увидев портрет Петра II, нарисованный доносителем, заметил, что «персона» государя «написана-де она в дураческом платье», в чем, видимо, Буткеев усмотрел «поношение особы Его Величества». Сенат ставит окончательный приговор по этому делу (23 июля 1727 года) своей властью, не обращаясь за утверждением его к Совету. «Слушав» этого дела, Сенат усмотрел, что «он Баженов те слова говорил не к поношению Его Императорского Величества персоны, а об оном живописцев неисправном мастерстве»; почему и указал Буткеева (доносчика) бить плетьми, «дабы впредь другие, на то смотря, так продерзостно чинить... не дерзали». Все дело велось целиком в Сенате, который, видимо, в этом случае решил, что важности особенной нет, потому и счел возможным сам учинить указ[552].

При ведении дел Сенат сам непосредственно входил в самое производство, а не предоставлял это канцелярии своей, с оставлением за собой только чтения приговоров по представляемым докладным экстрактам. По крайней мере, в одном деле мы имеем ясные на это указания: тут читаем, что «ноября 29 дня в Сенате оные солдаты (т. е. свидетели и обвиняемые) перед собранием расспрашиваемы порознь», и далее идут их показания, данные, значит, ими перед сенатским собранием; «а ноября 30 дня помянутые иноземцы и солдаты перед собранием спрашиваны ж порознь», а «потом помянутый

549 Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 69. с. 591.
550 Там же. С. 702–703.
551 Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 94. С. 523.
552 Г. А. VII. № 242.

Данилов паки призван и спрашиван»[553]. Таким образом, все дела против первых двух пунктов, попавшие в Сенат, разбивались на две части: одна часть (дела менее важные) решалась в окончательной форме Сенатом, другая часть (дела большей важности) с «мнением» Сената в выписках представлялись на резолюцию в Верховный Тайный Совет. Если, как мы видели, такого рода дела хотя бы случайно, но и ранее, до 1727 года, попадали в Сенат, то можно поставить вопрос, как и кто их, собственно, «ведал» в Сенате, не было ли, иначе говоря, среди сенатских контор и канцелярий какой-либо выделенной как бы канцелярии, в которой можно было бы усмотреть установление, специально занятое подготовлением для Сената такого рода дел. Исследователь истории Сената этого именно времени говорит, что, «как распределялись дела сенатской канцелярии между отдельными лицами, входившими в состав её, сказать вполне определенно мы не можем, так как в архивных делах Сената об этом не сохранилось почти никаких сведений»[554]; с другой стороны, тот же исследователь отмечает, что «конторы и особые отделения сенатской канцелярии еще более случайно, чем при Петре В., возникают и столь же быстро и неожиданно исчезают»; «можно наглядно видеть» на судьбе двух таких контор (Мануфактур- и Ревизион-), «как изменчива и непостоянна была политика Верховного Тайного Совета в подобных вопросах. То же самое можно отметить и по отношению к другим учреждениям», удостоверяет тот же исследователь[555]; не только не замечается образования мало-мальски заметной канцелярии или конторы для дел по первым двум пунктам, но даже «контора розыскных дел», учрежденная в 1724 году, ближайшая по компетенции, исчезает» бесследно в рассматриваемый период[556]. Итак, в период колебаний и шатания не создалось и, пожалуй, не могло создаться даже какого-либо хотя бы относительно прочного учреждения при Сенате для подготовки дел по первым двум пунктам. Однако какие-то не совсем определенные, туманные намеки на зачатки все-таки чего-то подобного в канцелярии Сената у нас имеются, как будто как раз после майского указа 1727 года, после формального и точного возложения на Сенат части дел по первым двум пунктам, по просьбе Сената, на усиление его канцелярии ему были отданы из канцелярии Верховного Тайного Совета бывшие приказные Тайной канцелярии,

[553] Г. А. VII. № 29 (№ 31).
[554] Филиппов. История Сената. С. 247.
[555] Там же. С. 249–250.
[556] Там же. С. 251 и далее.

видимо, и в канцелярии Совета составлявшие нечто вроде особого отделения. Таким образом, возможно, что в 1731 году, формируя свою канцелярию при Сенате, Ушаков уже нашел для нее более или менее приготовленные специальные кадры приказных, далее, возможно, с зачатками организованности в их среде.

Такова была роль и значение Сената в решении и следовании дел по первым двум пунктам, в эпоху существования Верховного Тайного Совета. Но в начале 1730 года этому последнему было велено «не быть»; Сенат воспринимает свое прежнее значение и силу, становясь вновь первым учреждением государства. Дела, бывшие в Верховном Тайном Совете, переходят большей частью Сенату, переходят Сенату и все «дела государственные», бывшие в Совете. Вместе с этим Сенат становится основной, решающей инстанцией для таких дел, и в то же время в нем сосредоточивается производство большинства главнейших дел такого рода. В июле 1729 года «генерал-майор и обер-комендант Урусов присылает в Верховный Тайный Совет доношение о непристойных словах одного колодника; дело, видимо, началось в Совете, но уже кончено указом Сената (30 апреля 1730 года), куда оно поступило из Совета по её уничтожении[557]. Так же точно уже Сенат в марте 1730 года решает дело о колоднике, сказавшем за собой «слово и дело» и присланном кн. М. М. Голицыным еще в Верховный Тайный Совет[558].

Когда Верховному Тайному Совету повелено было «не быть», то роль его как высшего судилища по преступлениям против первых двух пунктов перешла в полном объеме Сенату, необходимо помнить, что Преображенской канцелярии в то время уже не существовало, т. е. не осталось более ни одного учреждения, специального ведавшего «государственные дела». Указом 10 апреля 1730 года для дел этих устанавливался следующий порядок: принималось, как основное, общее правило, что кто по важным делам «подлинно ведает и доказать может, тем самым доносить на Москве письменно или словесно в нашем Правительствующем Сенате, как скоро уведает, без всякого опасения в боязни, а именно того ж дни». Далее из этого делается исключение, точнее отступление, хотя и незначительное и не меняющее почти роли Сената в таких делах, а именно: «которые будут в уезде», тем доносить уже не Сенату непосредственно, а губернаторам и воеводам, а эти последние должны доносителей предварительно расспросить «секретно», и «буде (доносители) скажут, что знают

---

[557] Г. А. VII. № 250.
[558] Там же. № 259.

и доказать могут по первому пункту, то их самих и на кого они доносят присылать немедленно к Москве в наш Правительствующий Сенат»; если же донос будет по второму пункту, то воеводам и губернаторам вменяется в обязанность, не теряя времени, на месте вести весь розыск и прибегать к пытке в случае надобности, но при этом обо всем «в наш Правительствующий Сенат рапортовать, не опуская времени», так что и тут все остается под ближайшим контролем исключительно Сената[559].

Итак, в 1730 году Сенат с его канцелярией берет всецело в свое непосредственное следование и решение дела по первым двум пунктам. Но задача оказалась невыполнима по своей сложности, без резкого ущерба для всей деятельности Сената. Такова была, по крайней мере, официальная мотивировка в указе 24 марта 1731 года. Верна ли эта мотивировка по существу или за ней крылось что-либо другое, это остается неясным, но для нас в данный момент это и безразлично, нам только важно отметить несомненные факты, факты, проливающие свет на значение Петровской Тайной канцелярии, факт, что Петровская Тайная канцелярия возродилась, возродилась в прежнем виде своем, с прежним названием своим, с прежним министром своим во главе. Именным указом Сенату от 24 марта 1731 года повелено было: «важные дела», стекавшиеся в Сенат, «ведать... Ушакову», и «когда он востребует к решению оных дел канцелярских служителей и прочая... в том по предложениям его Ушакова решение учинить в Сенате 6 апреля того же года «Пр. Сенат приказал... именовать оную Канцелярию тайных розыскных дел», и отныне все важные дела отовсюду «отсылать к нему господину генералу Ушакову».

Так с того времени во все XVIII столетие ведение дел против первых двух пунктов окончательно вручается особому учреждению, возрожденной Тайной канцелярии Петровского времени. Так временное, как бы случайное установление Великого Преобразователя становится отныне выражением одной из сторон государственного строя России XVIII века.

---

[559] П. С. З. № 5528. Т. VIII.

Заключение

Мы окончили историю Петровской Тайной канцелярии; мы возможно полнее старались охватить весь недолгий период ее существования. Мы позволили себе начать наше исследование ранее возникновения канцелярии и посмотреть, что сделалось уже после ее уничтожения. И только маленький, далекий уголок Петровской эпохи, так богатой событиями, столь знаменательными для дальнейшей истории России, оказался в пределах нашего рассмотрения. Что же в результате? Стоило ли тратить время и труд, чтобы говорить о таком частном, мимолетном явлении Петровского царствования?

В эпохи, значительные своим содержанием и для будущего, и по отношению к прошедшему, очень часто мелкие, на первый взгляд незначительные и скоропреходящие явления оказываются достаточно значительными как симптомы и предсказания для будущего. В эти эпохи зарождается и формируется — часто почти неприметно — то, что только в будущем развернется в надлежащем значении своем. В эти эпохи можно особенно удобно наблюдать возникновение какой-либо стороны общественного или государственного строя, наблюдать далее наиболее яркий и определенный момент ее окончательного установления, окончательного занятия ей прочного и ясного положения в общем строе установлений государства.

С такой точки зрения рассмотрение истории Петровской Тайной канцелярии может являться важным и ценным. Изучая её историю, мы изучали один из главнейших моментов в истории установления в строе России XVIII века той стороны его, которая с того момента явится играющей определенную и ясную роль во всей истории этого века. Мы не ограничились рассмотрением только Тайной канцелярии, мы позволили себе, как уже говорили выше, начать ранее ее возникновения и кончить позднее ее уничтожения; а этим самым наряду с главнейшим, основным моментом мы попробовали захватить и другие моменты, хотя более второстепенные, но тем не менее важные для понимания в его целом процесса в развитии данной стороны государственного строя России XVIII века. Мы думали дать таким образом своим изложением предварительный очерк того, каким путем «слово и дело», войдя в строй русской государственности, заняло там вполне ясное и определенное место к 1731 году. Попробуем теперь несколькими штрихами резюмировать результаты такой нашей работы.

Уже в самом начале XVII века «слово и дело» было, очевидно, хорошо известно правительственной практике Московской Руси; уже

тогда мы находим в общих чертах установившимся весь процесс «слова и дела», который имеем впервые запечатленным и установленным в Уложении 1649 года. Если процесс, там устанавливаемый по этим делам, пока еще находится в ведении обычных органов правительственной власти, однако уже определенно замечается стремление вести такие дела тайно, по возможности без большой огласки; но сознание «важности» таких дел еще отсутствует в течение всего XVII века. В то же время царь Алексей Михайлович попробовал применить тогда господствовавшую систему поручений и к тем делам государственного управления, которые почему-либо привлекали его особое внимание: он начал поручать такие дела рассмотрению особых доверенных лиц при непременном самом близком своем участии, изъемля их из общего делопроизводственного порядка (из этого образовался между прочим Приказ тайных дел; таким же путем, есть основания думать, шли и некоторые дела по «слову и делу»).

Стрелецкие смуты конца XVII века, колебания престола, борьба за власть, которую пришлось выдержать Петру, идейные противники, с которыми ему пришлось столкнуться, тяжелые моменты в борьбе, которые ему пришлось пережить, показали Петру с полной ясностью, какая опасность может крыться для царской власти под внешностью словесных оскорблений этой власти; а дело сына его, царевича Алексея, еще раз разверзло пропасть у ног Петра. Отныне определенно каждый «поносивший хулительными словами Его Царское Величество» являлся в глазах Петра уже совершенно ясно скрытым врагом государственного строя, то, что только скорее чувствовалось, чем сознавалось в XVII веке, теперь вскрылось окончательно и достаточно рельефно, «важность» «слова и дела» установилась с той поры незыблемо. Это впервые ясно проявилось в указе 1715 года с столь известными отныне двумя первыми пунктами: царь лично счел нужным принять участие в делах «важных». А при такой необходимости уже отец Петра прибегал к системе особого поручения, и Петр воспользовался отцовским опытом: минуя всякие государственные учреждения, приближенным доверенным лицам своим стал он поручать дела, в которые хотел непосредственно входить сам лично; а около таких доверенных лиц стали образовываться для ведения поручаемых дел особые канцелярии, и попутно канцелярии эти стали почти преимущественно работать в области трех пунктов указа 1715 года. И вот против первых двух пунктов оказался преступен царевич Алексей, старший сын Петра и наследник престола. Дело о таком преступлении, дело громадной, уже поистине государственной важности, Петр поручает Толстому, поручает так,

как это и ранее делалось с подобными (но, конечно, отнюдь не равными по значению) делами. Поручением этого дела из многих канцелярий выдвинулась тогда канцелярия П. А. Толстого, отныне «канцелярия тайных розыскных дел». Блестяще выполнила она это поручение, трудное и тонкое, удовлетворенный ее деятельностью Петр не переставал и далее давать ей подобные дела против первых двух пунктов — наиболее важные из них — понемногу специализируя канцелярию Толстого в этой области ведения, на что Петр указал положительно и в общей форме указом 1722 года.

Так из розыскной канцелярии при Толстом выросла Канцелярия тайных розыскных дел, но не сформировалось это установление в настоящее учреждение, не успело сформироваться, ибо переросло оно в практической деятельности своей сознание его создававших о необходимости подобного именно учреждения (а не временного установления только) в общем строе государственном.

Какова бы, однако, ни была точка зрения Петра и Толстого на Тайную канцелярию, как бы ни думали и ни хотели они ее считать только чисто случайным, временным установлением и соответственно этому к ней относиться, несомненно только, что впервые в царствование Петра пришлось подчинить производство «дел государственных» особым учреждениям и, во-вторых, создать впервые учреждение, исключительно этим делам посвященное, и тем более это является замечательным, что произошло все это даже как бы помимо воли как Петра, так и лиц, ближайше ведавших канцелярию.

Действительно, личная воля этих последних в результате даже как бы настояла на своем: Тайная канцелярия должна была под суровой рукой Петра, впоследствии под усилиями Толстого уничтожиться, исчезнуть; история ее кратковременного существования может иметь вид только случайного эпизода, и таковым она была действительно для Петровского царствования. Но было тут что-то более сильное, более мощное, чем даже непреклонная воля Петра и его сподвижника, это «что-то», более властное, чем сам могучий Петр, заставило простой эпизод его царствования приобрести определенное место в ходе истории России XVIII в.

С одной стороны, волей Петра и Екатерины, распорядительностью и энергией Толстого в 1726 году Тайная канцелярия исчезает с горизонта, заменяясь отчасти Преображенским приказом, который тоже торжественно уничтожается в 1729 году. С другой стороны, ровно через 3 года после уничтожения Тайной канцелярии и через год (если не менее) после упразднения ее преемника Преображенского приказа (позднее — канцелярии) Тайных розыскных дел канцеля-

рия вновь создается, создается по образу и подобию канцелярии Петровского времени, с одним из министров Петровской канцелярии во главе, и создается как прочное постоянное государственное учреждение с определенным кругом компетенций и деятельности.

Таким образом, то, что Петр стремился считать лишь случаем, эпизодом своего царствования, на деле оказалось органической потребностью строя России XVIII в., в создании которого такую огромную роль сыграл именно Петр. В этом и состоит большое симптоматическое значение, остающееся за Петровской Тайной канцелярией, из этого-то и проистекает интерес ее изучения: в ее истории можно видеть и найти зачатки всего того, что далее в будущем, в глубь XVIII века, генетически стало уже выражением одной из сторон государственного строя России того времени. Попробуем наметить в кратких чертах эти зачатки будущего, поскольку они выяснились в совокупности деятельности Тайной канцелярии за Петровское время.

Мы уже отметили, что в царствование Петра впервые государственные преступления поручаются особым учреждениям, а из них первым является Тайная канцелярия, в конце концов специально и исключительно занятая преступлениями по «слову и делу». Мы наблюдали, как постепенно складывался круг ведения Тайной канцелярии, и как в 1724–1725 годах он сложился окончательно именно в этом виде. Отсюда намечается существеннейший результат случайного эпизода Петровского царствования: вырабатывается фактически совершенно особенное учреждение государственное, неизвестное предшествующей эпохе. Имеется, кажется, возможность пойти далее; можно видеть, что в Петровское время в основных чертах были уже выработаны главнейшие основы этого учреждения. За время деятельности Петровской канцелярии оказывается возможным подметить те правовые необычные нормы, которые образовались постепенно во время деятельности канцелярии и которые легли в правосознание будущей деятельности Канцелярии тайных розыскных дел. Мы в свое время стремились отметить, как нарастало и формировалось в канцелярии понятие о «важности» в связи с требованиями таинственности и в связи с возникновением нового понятия о «вредности государственной». Если вся эта идеология являлась еще крайне туманной, не вылившейся в более или менее точно определенные формы, если эта определенность была уже делом будущего, однако основные зачатки всего этого уже находятся в истории Петровской Тайной канцелярии. С другой стороны, мы имели случай говорить о том высоком, несколько исключительном положении, которое заняла — или,

точнее, иногда занимала — Тайная Петровская канцелярия в конце Петровского царствования. Канцелярия тайных розыскных дел 1731 года в этом отношении только довела до конца и твердо проводила в своей деятельности то, что в Петровское время лишь только зародилось: а именно, это особенное положение среди других учреждений и ближайшее положение относительно верховной власти, и поэтому некоторая изолированность из общей системы государственных установлений России — все это уже начавшее проглядывать в деятельности Петровской Тайной канцелярии — в позднейшей канцелярии тайных розыскных дел составляло ее существеннейшие черты.

В результате всего этого сфера компетенции Петровской Тайной канцелярии воспринимается сполна тоже Тайной канцелярией, и во главе этой последней становится старый фактически начальник Петровской канцелярии, а для XVIII столетия разрешается вопрос, только поставленный и окончательно назревший в начале этого века.

Так временная розыскная канцелярия П. А. Толстого переходит в постоянное государственное учреждение и находит себе непременное место в среде государственных установлений России XVIII века, являясь выражением одной из сторон русского государственного строя того времени.

На этом моменте мы и позволим себе закончить наше исследование.

Приложение

В приложение к своему исследованию я позволяю себе поместить несколько групп из тех документов, которыми пришлось пользоваться в исследовании. Печатать более или менее обширный материал, который бы мог до известной степени как бы оправдать делаемые мной выводы, а также показать наглядно мой способ обращения с архивными документами, к сожалению, я не могу по обстоятельствам чисто внешнего характера: количество этих документов слишком велико. Предлагая же здесь только отрывки из этих документов, я стремлюсь хотя бы поверхностно познакомить с имевшимся в моем распоряжении материалом и ввести этим, хотя бы немного более в понимание истории Тайной канцелярии рассматриваемого периода.

Все мной тут печатаемые документы разбиты на пять отдельных групп.

В первой группе я поместил в хронологическом порядке несколько более характерных указов Петра по Тайной канцелярии, указов, характеризующих отношение Петра к канцелярским делам, а также и те формы канцелярские, в которых запечатлевались эти отношения.

Во второй группе помещены три письма Макарова и Ушакова, которыми они обменялись как представители с одной стороны Царского Кабинета и с другой стороны Тайной канцелярии; это характерно, как та посредственная форма отношений, которая существовала между Петром и канцелярией.

Третья группа документов представляет собой отрывки более содержательные из переписки между собой министров канцелярии. Переписка эта крайне разрозненна, письма по отдельности разбросаны по разным «делам» канцелярии, так что их приходилось выбирать из дел поодиночке. Приводимые письма расположены в хронологическом порядке и по возможности подобраны связанные друг с другом по теме; в этих документах, уже не имеющих характера чисто официального, особенно живо отражается жизнь учреждения с разных ее сторон.

В четвертой группе помещено несколько писем из переписки министров канцелярии с секретарями московского ее отделения, характеризующих положение этого отделения Тайной канцелярии.

Наконец, в пятой группе помещен ряд совершенно независимых друг от друга документов, точнее и полнее выясняющих некоторые отдельные места текста исследования. При каждом таком документе имеется ссылка на страницу текста исследования, к которой он относится по содержанию.

Все печатаемые документы извлечены из VII разряда Государственного архива Министерства иностранных дел, и при каждом из них имеется номер того дела этого разряда, откуда данный документ почерпнут. Номер этот стоит в скобках в конце каждого документа и напечатан жирным шрифтом. Там, где было возможно, кроме номера дела (рядом с ним простым шрифтом) отмечен и лист дела, на котором имеется печатаемый документ.

I. Указы Петра по Тайной канцелярии

1. 1719 г. ноября в 13 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал: по именному своему великого государя указу дьяка Дмитрия Овинова отослать в Юстиц-коллегию к делам по-прежнему, а что он Овинов доношение от доносителя Картмазова и выписку и ответствие обер-фискала Нестерова отдавал Негановскому для смотрения, того ему в вину причитать не указал. Сей указ приказам записать генерал-лейтенант и лейб-гвардии подполковник Иван Иванович Бутурлин (**47**, 9).

2. 1721 марта в 9 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, будучи в канцелярии тайных розыскных дел, слушав дел, указал: по именному своему величествия указу подлинное дело по доношению дьяка Болшева на Алексея Нарышкина, при котором и его Нарышкина да Спасского Ефимьева монастыря, что в Суздале, монаха Воронова и Никиту Квашнина-Самарина да фискала Ивана Ветлицкого отослать в канцелярию Сената, и по тому делу, что в Сенате приговорят, так там и учинить. У подлинного приписано так: Петр Толстой. От гвардии майор Ушаков. Григорий Скорняков-Писарев (**80**, 98).

3. 1721 г. марта в 9 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, будучи в канцелярии тайных розыскных дел, указал: по именному своему величествия указу подлинное дело по доношению подьячего Курзанцова на подьячего же Шагарова в непристойных словах про Его Величество и про благоверную государыню, царицу и великую княгиню Екатерину Алексеевну, и при том деле его Курзанцова и доношению его, запечатав, отослать в Сенат, и им Курзанцовым разыскивать, и по тому делу указ учинить, чего надлежит; а подьячего же Семена Калугина по тому же с Курзанцовым делу, что он некоторое важное донощение велел списывать и держал у себя в доме многое время, а о том не доно-

сил, и за то его Калугина бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать на каторгу в вечную работу. У подлинного приписано так: Петр Толстой. От гвардии майор Ушаков. Григорий Скорняков-Писарев (**79**, 97).

4. 1723 апреля в 9 день всепресветлейший державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, указал по именному своему величествия указу по делам, имеющимся в канцелярии тайных дел о нижеописанных людях учинить следующее: Троицкого собору, что в Санкт-Петербурге дьякона Степана Федосеева за непристойные слова, что он говорил, пустить до Санкт-Петербургу, послать его дьякона в каторжную работу на три года; иноземца Питера Вилкина, который говорил про Его Императорское Величество непотребные слова, бить батоги нещадно и освободить; крестьянского сына Ефрема Байкова, который показал Свирского монастыря на архимандрита Кирилла о непраздновании во дни тезоименитств Его Императорского Величества и Ее Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и о других причинах отослать его с расспросными речами в Синод для следования и указного решения; а ежели оный архимандрит или другой кто из духовных персон явится в вышеописанном виновен и оных, обнажа священства и монашества, в помянутую канцелярию прислать к розыску; сей Его Императорского Величества именной указ в канцелярии тайных дел объявил господин генерал майор Ушаков, Петр Толстой. От гвардии майор Ушаков (**158**, 10).

5. 1723 апреля в 12 день всепресветлейший державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая указал: по именному своему величествию указу по извету володимерского пехотного полка первой роты солдата Ивана Дулова, того ж полку третьей роты на солдата Зота Щербакова о непристойных словах, а Щербаков в том винился, и за тот извет Дулова написать из солдат в капралы; ему ж выдать Его Императорского Величества жалованья денег десять рублей из канцелярии тайных дел; а Щербакову за непристойные слова учинить наказанье, вместо кнута бить батоги при свидетелях, которые от него те слова слышали, и послать его на каторгу на год; сей Его Императорского Величества именной указ в канцелярии тайных дел объявил господин генерал майор Ушаков. Петр Толстой. От гвардии майор Ушаков (**160**, 28).

II. Из переписки министров с А. В. Макаровым

1. Государь мой милостивый! Понеже Его Величество для слушания розыскных дел канцелярии вашей изволил определить один день

в неделе, а именно понедельник, и для того изволите о том быть известны; и чтобы как сами, Ваше Превосходительство, так и прочие ваши товарищи в понедельник ранее в город изволили приезжать, а именно четыре часа пополуночи, и понеже сей недели понедельник миновался, того для Его Царское Величество изволит к вам быть для слушания дел завтра (то есть в четверток), для чего изволит також поранее быть. А в прочие недели изволит быть подлинно по понедельникам, что донесши и остаюсь ваш моего милостивого государя покорный слуга Алексей Макаров день в 25 ноября 1718 (**6** (часть I)).

2. Благородный господин бригадир и от гвардии майор! Писал к Его Царскому Величеству из Нижнего вице-губернатор Юрья Ржевской, что послано Казанского гарнизона с сержантом Никифором Кудрявцевым для определения в вечную каторжную работу колодников тринадцать человек; и против того для определения в каторжную работу отосланы те колодники в канцелярию полицмейстерских дел, а в ведении из той канцелярии написано, что у помянутого сержанта явилось налицо и принято только восемь человек, а пяти человек от того сержанта в приеме не явилось, который показал допросом своим что те колодники будто в бытность их на Москве и с караульными солдатами сбежали безвестно, и тот его допрос прилагается при сем подлинной. И Его Царское Величество указал вам о том освидетельствовать, чего для оной сержант и остальные присланные с ним солдаты посылаются к вам. Слуга ваш Алексей Макаров в 9 января 1720 г. Из Петербурга (**66**, 1–2).

3. Государь мой Алексей Васильевич! Присланные от вашей милости Казанского гарнизона сержант Никифор Кудрявцев и солдаты Михайло Фадеев, Сидор Малежин, Пахом Серебряков, Филипп Дружинин в канцелярии тайных розыскных дел в отпуску раскольщиков пяти человек расспрашивав, и винным солдатом, который тех колодников в бытность в Москве отпустил в Андроньев монастырь для взятия книг без ведома того сержанта, розыскивано, а с розыску он не винился, а говорил, что он то учинил один в небытность того сержанта, как он ходил для взятия подвод, и без ведома его сержантского, собою, простотой своею, а не для скупу; а какое им решение учинить, о том доложу его царского Величества, изволь меня уведомить.

Такое письмо за приписанием бригадира и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова января 19-го дня 1720 года (**66**, 9).

III. Из переписки министров Тайной канцелярии

1. Государь мой милостивый Петр Андреевич! Просил меня докучно подьячий Тихон Гуляев, чтоб его отпустить в Казань для взятья жены своей июля с первых чисел, а обещевается он сюды возвратиться в ноябре-месяце нынешнего 721-го году, в чем и подпишется того ради сам. Государю моему доношу: поволишь ли его Гуляева для взятья помянутых его домашних отпустить, понеже в небытность нашу правления дел никаких здесь иметься не будет.

Таково письмо за подписанием... Андрея Ивановича Ушакова послано мая 5-го дня 1721 году (**111**, 1).

2. Государь мой милостивый Петр Андреевич. В бытность здесь кабинет-секретарь господин Макаров при письме прислал к нам в канцелярию тайных розыскных дел раскольщиков 10 человек, которые привезены сюда из Нижнего от вице-губернатора Ржевского для отсылки на каторгу, у которых и ноздри вырваны; а жили те раскольщики потаенно в подложном расколе и не записаны, и от окладу укрывались; из них же явились два человека, бывшие в солдатстве, и чтобы их у нас в канцелярии расспросить вдогонку и что по розыску покажется, о том бы доложить его царского величества или отписать в поход, а о прочих, которым надлежит быть в каторжной работе, учинить по первым примерам, и послать их в Ревель или куды заспособнее, и держать, рассажая в разных казармах, а не вместе; и потому его господина Макарова письму Иван Иванович Бутурлин и я по расспросам их определили: и вышепомянутых восьми человек, которые не были в солдатстве, семь человек, кои от расколу не обратились, посланы в Ревель в вечную галерную работу, и держать их там в разных казармах и за крепким караулом, а не вместе; а о достальных двух человеках, кои были в службе, старец Макарий обратился, а Никита Киселев не обращается, да третий человек Клим Матвеев, а в службе не был, обратился и со оными обратившими и с третьим, который не обратился, а в службе был, что чинить, о том бы он господин Макаров доложил Его Царского Величества; а прежние у нас примеры о обратившихся, как вашему превосходительству известно, отсыланы в невский и соловецкий монастыри для исправления, а из их раскольнических расспросов для известия послал я при письме к Алексию Васильевичу экстракт таков же, каков при сем сообщаю для известия вашему превосходительству, а с другими пятнадцатью человеки, которые

присланы из Москвы от дьяка Шилехина, в том числе и князь Ефимом Мещерским определили розыскивать, и что покажется, доносить буду.

Таково письмо за подписанием Андрея Ивановича Ушакова с отпуском читал Петр Витилев; послано мая 6 дня 1721 году (**111**, 2).

3. Государь мой Андрей Иванович! Письма вашей милости, отпущенные из Санкт-Петербурга, первое от 30 апреля, в котором изволите писать о прошении подьячего Тихона Гуляева об отпуске для домашних его нужд в Казань, на что вам ответствую: изволите для докучной его просьбы по желанию его отпустить; прочие же два письма от 5 мая, в которых изволите писать о архимандрите и о раскольниках, и по оным я его царскому величеству не доносил, а когда донесу и какая резолюция будет, о том не оставлю вас без известия. Слуга вашей милости Петр Толстой, из Риги мая 11 дня 1721 году (**111**, 3).

4. Государь мой Андрей Иванович! Указал царское величество справиться с поместной канцелярией, что есть за Михаилом Чириковым деревень, в которых уездах, и сколько в которой крестьянских дворов, и четвертные пашни, и прочего; и тою роспись прислать сюда немедленно, о чем изволишь учинить по сему его величества указу; однакож до времени сего не изволь публиковать, но содержать при себе. В прочих делах, в тайной розыскной канцелярии что чинятся, прошу меня уведомить токмо о нужнейших делах, как же и в Сенате что учинено по делам Алексея Нарышкина и подьячего Курзанцова, прошу меня уведомить же. Вашего благородия покорный слуга Петр Толстой. Из Риги мая 6 дня 1721 году (**111**, 4).

5. Государь мой милостивый Петр Андреевич! Вашего превосходительства, государя моего, ныне о делах по тайной канцелярии не утруждаю, понеже Иван Иванович обстоятельно к вашему превосходительству на сей же почте писал, всепокорно прошу не оставить в своей милости. За подписанием... Андрея Ивановича Ушакова мая 29 дня 721 году (**111**, 15).

6. Государь мой милостивый Петр Андреевич! По отправлении последних господина бригадира и гвардии майора Ушакова и моих писем, что вновь в тайной канцелярии учинено, того при сем для известия нашему превосходительству, государю моему прилагаю экстракт, по которому о чем надлежит по своему благоразумному рассуждению хотя и его царского величества доложить, и какой будет указ и о прочем, что чинить, прошу покорно вашего превосходитель-

ства ко мне отписать, по тому будем исполнять, ежели не вскоре с Котлина острова в путь поедем. За подписанием... Ивана Ивановича Бутурлина мая 29 дня 1721 году (**111**, 16).

7. Да мая же в 29 день в письме к его превосходительству действительному тайному советнику кавалеру и от лейб-гвардии капитану Петру Андреевичу Толстому, за подписанием генерал-лейтенанта и лейб-гвардии подполковника Ивана Ивановича Бутурлина писано, при котором послан по тайной канцелярии о делах экстракт, а в нем между прочим написано:

Бывший подьячий Иван Курзанцов по присылке из Сената еще не казнен того ради, что ко исповеди по многому увещанию отца духовного не пошел, а говорил ему и потом в тайной канцелярии, чтобы ему Курзанцову объявить именной Царского Величества указ за подписанием собственной Его Величества руки, по которому велено ему учинить смертную казнь, и при том же сказал, чтобы ему дать бумаги и чернил, имеет-де он к доказанию нечто новое; и по многому размышлению принуждены дать бумагу и чернила, и он писал, а что, при сем с оного копия; токмо, по-видимому, то, что писал, не касается к тайной канцелярии, и по всем его показанным причинам след есть в других местах, а наше мнение, чтобы то Курзанцова доношение за объявлением ему смертной казни весьма надлежит отставить и в дело не производить, ибо он тут больше писал из злости на князя Голицына и Шагарова, а о прочих прежде не доносил, и по тому доношению что чинить? (**64**, 116)

8. Государь мой Иван Иванович! Вашего превосходительства высокосклонное писание прошедшего мая от 29-го числа и с приложенными получил я здесь в Ревеле исправно, за что вам, моему милостивому государю, благодарствую, и на оное сим ответствую; в начале о Курзанцове, мнится мне, что трудить докладом Царского Величества не для чего, понеже он, отбывая смертной казни, может и часто такие бездельные доношения подавать, продолжая жизнь свою, и как вы изволили свое мнение объявить, чтобы то его доношение отставить, тому вашему мнению и я согласуюсь; также и о раскольниках вашему мнению согласуюся же, чтоб их совсем отослать в духовный синод а о Мещерском с товарищи, которых отослать в духовный синод заблагорассудить не изволите, то мне мнится, чтобы оные дела следовать розыском, дабы к приходу царского величества в Санкт-Петербург к решению были готовы; в прочем с достойным респектом пребываю слуга ваш Петр Толстой. Из Ревеля июня 5 дня 1721 года (**64**, 117).

9. Государь мой милостивый Петр Андреевич! Вашего превосходительства государя моего письма, отправленные из Ревеля от 31 июля и от 5 дня сего месяца, получил и за оные всенижайше благодарствую, на которые доношу: Курзанцову по мнению вашего превосходительства и нашему экзекуцию будем чинить; правда, государь мой, благоразумно изволили вы в своем письме объявить, что он, продолжая свою жизнь, требовал писать и сказывать якобы о новых делах принужден, ибо между тем время б продолжить, а заслуженного не избегнет же, токмо мне о том вашему превосходительству не донести было нельзя; раскольники два человека (присланные из Нижнего), обратившиеся в Синод, отосланы.

Мещерский с товарищи вторично розыскиван будет, чего ради я отсюда принужден ехать в Санкт-Петербург; к сему ж доношу: по Новгородскому важному известному вашему превосходительству делу баба вдова Акулина Григорьева дочь сыскана в Нижнем и привезена к нам в канцелярию, и оную расспрашивать будем, а по тому делу розыскиваны распопа да старуха, взятые из Новагорода, а за уведомлением из первого письма при торжестве светлого дня, то есть рождения его царского величества нашего всемилостивейшего государя о напоминании нас по своей милости всепокорно благодарствую, паки благодарю и за известие прибытием вас к нам. За подписанием генерал-лейтенанта и лейб-гвардии подполковника Ивана Ивановича Бутурлина. С Котлина острова июня 13 дня 721 году (**111**, 29).

10. Государь мой милостивый Петр Андреевич! Вашего превосходительства государя моего милостивого письмо от 5 дня получил, за которое всепокорно благодарствую, а особливо радуюсь и желаю благополучного к нам прибытия вашего превосходительства, а письмо к его превосходительству генералу-лейтенанту Ивану Ивановичу Бутурлину я видел, и из оного усмотрел ваше государя моего о делах канцелярских мнение, тою материю, как в письме Ивана Ивановича предъявлено, исполнять будем, и больше сего о другом ваше превосходительство государя моего трудить не могу, понеже от Ивана Ивановича писано. Вашего превосходительства раб Ушаков Андрей. Котлин остров июня 13 дня 1721 году (**111**, 36).

11. Государь мой милостивый Петр Андреевич! О состоянии здешнем доношу: за помощию Вышнего все благополучно. Из Москвы отправил я двух курьеров до вашего превосходительства с выписками по Левину делу, и оные до вашего превосходительства прибыли ль, я о том не известен и зело сомневаюсь, живы ль они, о чем я вашему превосходительству предлагал в 1 числе сего месяца. В канцеля-

рии здесь вновь важных дел нет, а имеются посредственные, по которым тако ж, яко и прежде я доносил, что кнутом плутов осекаем, да на волю отпускаем. Только мне зело мудрено Новогородское дело, ибо Акулина многовременно весьма больна, что под себя испражняется, а дело дошло, что надлежало было ее еще розыскивать; а для пользования часто бывает у нее доктор, а лекарь — беспрестанно. Колодников имеется по делам ныне сим 22 ч. За подписанием генерал-майора и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова ноября 26 д. 722 году (**103**, 165).

12. Государь мой Андрей Иванович! Письмо ваше государя моего отпущенное из Санкт-Петербурга 11 и при том выписку о деле, которое в канцелярии тайных дел было в прошлом 719 году, по доношению Переславля-Залесского подьячего Ивана Борисова, которое подал дьяк Большой о фискале Санине и о киевских подьячих, получил я 16 дня сего декабря исправно, на которое доношу: в означенной выписке ей объявлено, что о следовании по решению тех дел, о которых помянутый Борисов показал, посланы в Сенат доношения, а в юстиц-коллегию и в канцелярию генерал-майора князя Юсупова указы. А что по оному доношению и по указам учинено, того в оной выписке не показано, и того ради доношу: ежели по означенным первым по доношению решения, а по указам ответствования не получено, изволь, государь мой, приказать вторичные отправить, понеже первым в продолжение пришло уже время довольное. При сем же доношу, что по прежним вашим ко мне письмам и при оных по предложенным в Сенат доношениям из Володимира-Рожествена монастыря о архимандрите Гедеоне да о подьячем Попове я предлагал, и они по оным доношениям без императорского величества решения не учинили, и того ради, когда его величество в присутствии своем в Сенате изволит быть, то по оным доношениям его величеству я доложу, чего ради те также и о Чубарове доношения внесены у меня в реестр, который о нужных делах. За рукою генерал-майора Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева декабря 18-го дня году 722 (**139**, 11).

13. Мой государь Андрей Иванович! Вашего благородия писание от 19-го сего месяца я здесь исправно и с приложенными при оном получил, на которое ныне за неимением времени при походе его императорского величества отсюда к Кроншлосу с большими кораблями не мог к вам ответствовать, а мы здесь на некоторое время остаемся, и для того, о чем надлежит, на будущей почте о всем к вашему благородию писать буду и пребываю вашего благородия покорный слуга Петр Толстой. С ревельской реды июля 23-го дня 1723 года (**29**, 6).

14. Государь мой Андрей Иванович! Письмо ваше, моего государя, от 20 сего генваря получил я вчерашнего числа в целости, за которое и за уведомление по оном благодарствую и сим моим ответствую. Сомнением вашим, государь мой, по новгородскому делу я весьма согласуюсь, и что распопа Игнатий при смерти скажет, на том можно утвердиться и по тому его последнему допросу и бабам указ учинить, чего будут достойны, и тем оное дело окончить; паки вам, мой государь, с великою моею радостию благодарствую, что изволил меня цидулкою уведомить о указе императорского величества, что в тайную канцелярию вновь дел и колодников принимать не велено, и прежние важные дела решить, а оставшие и с подьячьими отослать в Сенат, Того ради вас, моего государя, прилежно прошу оный его величества указ немедленно исполнить, а важных дел в тайной канцелярии, сколько я могу упомнить, видится ныне только что помянутое новгородское дело да другое Санина, о котором, чаю, надлежит доложить императорского величества, понеже изволил его величество мне повелеть, чтоб Санина казнить умедлить для того, что его величество изволил иметь тогда намерение сам его Санина видеть, о чем я, мой государь, тогда ж вашей милости сказывал; а кроме сих оных важных дел в тайной канцелярии я не помню, и все сие полагаю на мудрое ваше, государь, рассуждение; токмо прошу, чтоб изволили вы потрудиться и немедленно сие совершить, и которые важные дела решатся и останутся у нас, то, мнится мне, надлежит положить в архив к прежним тайной канцелярии важным делам; а прочие с подлинною описью отослать в Сенат, о чем можно уповать на искусство господина Топилского, что по приказу вашему все исправит добрым порядком; и что изволишь о сем учинить, прошу, государь мой, меня о том уведомить; в прочем всегда пребываю вашего благородия покорный слуга Петр Толстой. Из Москвы генваря 27 дня 1724 (**103**, 267–268).

15. Государь мой Андрей Иванович! Ваши, моего государя, два письма от 4-го сего февраля получил я здесь сегодня и с приложениями исправно, за которые при должном моем благодарении сим ответствую. Об отсылке дел в Сенат я уповаю, что вы, мой государь, потрудитесь скорейше от той тягости свободить меня и себя; что же, государь мой, о Богдане Писареве, зело бы изрядно было, если бы и то дело с прочими в Сенат отослать; а ежели за бессчастие наше скоро канцелярия наша с нас не сымется, то, мнится мне, небезопасно нам будет оного не следовать; однакож все сие вручаю в мудрое ваше рассуждение.

Прошу вас, государь мой, приложенное к сему приказать, не удержав, отдать Федору Матвеевичу, а ежели, государь мой, его сиятельство из Петербурга отъехал, то прошу оное паки ко мне при своих письмах прислать. С почтением пребываю ваш моего государя покорный и верный слуга Петр Толстой. Из Москвы февраля 11-го дня 1724-го года (**8**, карт. 19).

16. Государь мой Андрей Иванович! В сих днях получил я ваших, моего государя, три письма и с приложением, а именно: первое и второе от 3-го, а третье от 4-го сего марта, за которыя вам, моему государю, благодарствую и на оныя сим ответствую; на первое: о капитане Салове доношение в Сенат подал, и велено учинить о том выписку; на второе, что Ваше Превосходительство присланного от меня малороссиянина Валкеевича изволил отдать в вышний суд, за то благодарствую; что же о принятии в Сенат невершеных дел по тайной канцелярии и колодников, доношение от вас подано; и ничего по тому доношению не учинено; и чтоб мне справиться, записан ли именной указ, о том я справливался; и хотя указ именной записан, но не ясно: токмо, чтоб при Сенате учинить для тайных розыскных дел контору, а именно о нашей тайной канцелярии, ниже о колодниках не упомянуто; однакож я о том сенаторам прилежно говорил, чтобы тое канцелярию с наших рук сняли, и обещают то учинить; а ныне буду домогаться, чтобы дела по тайной канцелярии, которые имеются в Москве, велели бы принять в Сенат, и тем бы уже начало приему учинили; о колодниках, которые в Москве и в Санкт-Петербурге, также об Орлове и Попове, буду стараться, чтобы их с наших рук сняли. На третье ваше, государь мой, письмо доношу: о парче с золотом и с серебром не изволь сомневаться; могу я в том вашему превосходительству услужить, токмо не знаю: к вам ли оную послать в Петербург или вас ожидать в Москву, о чем прошу меня уведомить немедленно; в прочем я всегда с достойным респектом остаюсь Вашего Превосходительства покорный слуга Петр Толстой. Из Москвы марта 12-го дня 1724 г. (**8**, часть 5).

IV. Из переписки министров Тайной канцелярии с секретарями

1. Государь наш Иван Иванович! По письмам от его благородия господина генерал-майора и от лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова повелено нам сыскать по великому царственному делу вдову Пелагею Ефремову дочь, которая преж сего бывала комнаты блаженной памяти Государыни Царевны Наталии Алексеевны за дворовым человеком, за Василием Арчаковским; да певчего Ивана Сахаревского,

да братьев его родных Петра да Андриана, да мать их Авдотью Алексееву дочь; и из оных сысканы здесь вдова Арчаковская, Петр Сахаровский да мать его Авдотья Алексеева дочь, также и достальные сыскиваются, а какое касается до оных дело, о том у нас никакого знатия не имеется, о чем мы его благородию господину генералу-майору доносили, и его благородие изволил приказать нам к вашей милости отписать, чтоб вы о вышеписанных людях, что какое до них касается дело, справясь подлинно, прислали к нам известие; того ради изволь то известие прислать к нам не умедля, понеже зело требует в том нужда, ибо из оных некоторые больны, и оное известие изволь запечатать в пакет и подписать к поданию на имя его благородия майора. Ваши Государя нашего рабы Василий Казаринов, Козьма Филиппов. Декабря 14 дня 1721. Москва (**103**, 62).

2. Превосходительный господин генерал-майор и лейб-гвардии майор, государь мой милостивый! В письме В. П. от 23, которое получил я 31 дня прошедшего октября месяца, написано, что Ваше Превосходительство изволил получить письмо мое, в котором писано о посланных из Москвы от гвардии с фендриком Остафьевым за колодниками по Левину делу; с Пензы подканцелярист и гвардии солдаты в Москву прибыли, и по тому ж делу капитана Александра Салова о глухоте был сыск, а кто что сказал, о том в том письме показано; и из того сыску учиненную выписку правительствующему Сенату предлагать ли, о том требовал я повеления, а о экзекуции на Пензе, что против инструкции, та экзекуция с надлежащим ли приуготовлением учинена, також о посланных от Вашего Превосходительства курьерах до его Императорского Величества со известием из помянутого о Левине дела, где оные ныне обретаются, о том я к Вашему Превосходительству не ответствовал, и чтоб по получении о вышеписанном о всем мне репортовать вскорости, понеже Ваше Превосходительство о том посведом, а о глухоте Салова учиненную выписку предложить Григорию Григорьевичу и о подании ее правительствующему Сенату требовать мне резолюции от него; и на оное Ваше Превосходительство милостивому государю моему доношу что означенный фендрик Остафьев в тайной канцелярии доношением объявил, что ту экзекуцию на Пензе учинил он по данной ему инструкции с надлежащим приуготовлением все исправно, и при той экзекуции те винные за собою никто из них слова и дела не показали, и по учинении той экзекуции у того столба поставлен караул от тамошних пензенских командиров, и сказан им указ с приложением их рук, чтобы тому караулу, как днем, так и ночью быть безотлучно; а о посланных от Вашего Превосходительства курьерах доношу, что,

где оные ныне обретаются, о том в тайную канцелярию известия никакого еще не прислано; точию, государь, которые уже после посылаемые из Сената курьеры в Москву возвращаются и сказывают, что те курьеры обретаются ныне в Астрахани. А о глухоте Салова учиненную выписку Григорию Григорьевичу предложу и о подании ее правительствующему Сенату резолюции от него требовать буду, и что учинится, о том до Вашего Превосходительства репортовать буду впредь немедля; а требование мое в том письме к Вашему Превосходительству о нем Салове было для того, что Григория Григорьевича в то время в Москве не было. Вашего Превосходительства Премилостивого моего Государя всепокорный раб Василий Казаринов. Ноября 2 дня 1722 г. Москва (**8**, карт. 19).

3. Господин секретарь Казаринов! Видим мы из писем ваших, что вы некоторых колодников по тайной канцелярии сюда и с делами отправляете, а повеления о том письменного и словесного вам от Петра Андреевича и от меня не было, и оное вы, не отписався с нами, не хорошо учинили, точно убыток деньгам и турбацию людем сделали, а можно бы решение чрез ордеры наши и в Москве учинить; и по получении сего ордера ежели оные не отправлены, которых посылать не надлежит, удержи посылкою, а буде и посланы, да недавно, возвращай, что сделаешь, репортуй. От тебя получены выписки о Корольке, о Вешняковых, о рудометке Тавровой, на которые указ прислан будет впредь. Слуга ваш Ушаков Андрей. Санктпетербург май 27 д. 1723 году.

P. S. Слышал я, здесь требовано из рекрутной канцелярии в вышний суд известия о царедворце Илье Мещерикове в неуказных сборах, будучи в Переяславле Залесском, которую вскоре надлежит учинить и туда послать, а ко мне отписать (**156**, 5).

4. Превосходительный господин, господин генерал-майор и лейбгвардии майор, премилостивый государь мой! Письмо Вашего Превосходительства отпущенное из Санктпетербурга минувшего мая от 27, получил я 3 дня сего месяца, в котором изволите объявлять: понеже-де из писем моих ваше превосходительство изволили усмотреть, что я некоторых колодников по тайной канцелярии с делами отправляю в Санктпетербург, а повеления-де о том письменного и словесного от его превосходительства действительного тайного советника и кавалера Петра Андреевича Толстого, также и от вашего превосходительства мне не было и оное, не списався с вашим превосходительством, учинил я дерзновенно точно же убыток деньгам и турбацию людям сделал, а можно бы решение через ордер вашего превосходительства

и в Москве учинить, и по получении б оного ордера, ежели колодники не отправлены, которых посылать не надлежит, чтоб удержать посылкою, а буде и посланы да недавно, то обвратить и, что учиню, о том бы рапортовать; да во оном же вашего превосходительства письме написано о получности посланных от меня выписок о Корольке, о Вешняковых, о рудометке, на которые-де указ прислан будет впредь. И на оное вашему превосходительству премилостивому государю моему всепокорно доношу: колодников начал было я отправлять в Санктпетербург с позволения Его Превосходительства Петра Андреевича, понеже, государь, как его превосходительство изволил здесь в тайной канцелярии слушать выписок, то изволил приказывать мне словесно, чтоб по делу старца Варлама Левина, брата его поручика Герасима Левина, также Шереметьевых крестьян прислать для решения в Санктпетербург, однако же оные еще не отправлены за недачею из военной коллегии солдат, а ныне, государь, по вышеозначенному от вашего превосходительства ордеру тех колодников в Санктпетербург посылать не буду, а выписки об оных прилагаю при сем... За рукою секретаря Василья Казаринова июня 4 дня 1723 году (**158**, 7).

5. Превосходительный господин генерал-майор лейб-гвардии майор, премилостивый государь мой! На прошедшей почте доносил я Вашему Превосходительству, что минувшего мая 31 дня, по призыву в Преображенском приказе подполковник господин Козлов объявил мне именной Его Императорского Величества указ (с которого при письме Его Сиятельства князя Ивана Федоровича Ромодановского прислана в тот приказ копия, что повелено мне быть во оном приказе у Его Императорского Величества важных дел секретарем: и в слышании того указа я подписался; а от Вашего Превосходительства об увольнении от дел по тайной и по рекрутной канцеляриям ордера не имеется; и того ради по оным канцеляриям дела с прочими секретарями отправляю и поныне, в чем, государь, имею немалое сомнение и требую от Вашего Превосходительства повелительного ордера. Вашего превосходительства премилостивого моего отца и государя всепокорный и верный раб Василий Казаринов. Июня 11 день 1723. Москва (**164**, 1).

V. Отдельные документы

К 61 стр.

1. 1720 г. января в 10 день великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец

указал по именному своему великого государя указу розыскные дела, по которым следовало в Астрахани лейб-гвардии у капитана Богдана Скорнякова-Писарева принять и по тем делам решение чинить в канцелярии тайных розыскных дел. Сей Его Царского Величества именной указ приказал записать генерал-лейтенант и от лейб-гвардии подполковник Иван Иванович Бутурлин. У подлинного приписано тако: Иван Бутурлин (**59**, 73).

К 101–102 стр.

2. О Тихвинском архимандрите с служители 1718 г. декабря в 9 день известно царскому величеству учинилось, что тихвинский архимандрит привез с собою в Санкт-Петербург образ Пресвятой Богородицы Тихвинской и прославил от оного новые чудотворения, и для того многие приходили к нему архимандриту для молебствования, которым он архимандрит пред тем образом Пресвятой Богоматери и певал молебны тайно, по ночам, чего для его величество для подлинного о том ведения посылал к оному гардемарина Каблукова, который, пришед к нему архимандриту просил его, чтобы он архимандрит пред помянутым образом Пресвятой Богородицы отпел ему молебен тайно ж, и он архимандрит по прошению его тайно в ночи молебен и служил, и потом его царское величество изволил ко оному ездить сам, и вышеписанный образ Пресвятой Богородицы на квартире его взял, и оного архимандрита и при нем служителей указал забрать, которые забраны и присланы в канцелярию тайных розыскных дел, и указал его царское величество о вышеписанных чудотворениях, для чего оные разглашал и певал молебны тайно по ночам, а не явно, исследовать и розыскать в канцелярии тайных розыскных дел.

Декабря в 8 день гардемарин Данила Лукин сын Каблуков сказал: сего же-де декабря в 7 день посылал его царское величество к Тихвинскому архимандриту, чтоб он отпел молебен пред образом Пресвятой Богородицы Тихвинской тайно, и он к нему ходил и просил, на что-де оный архимандрит сказал, что в то число было ему не время, а пришел бы в другой день, и он Каблуков ему сказал, что он придет на другой день между заутренею и обеднею, и на другой день в помянутое время пришел к нему, а он-де архимандрит и начал петь молебен, и в то число царское величество изволил прийти, и образ Пресвятой Богородицы взять с собою и того архимандрита за караул. Гардемарин Данило Каблуков (**21**, 136–137).

К 167–168 стр.

3. О Иване Курзанцове с товарищи. 1721 г. апреля 24-го дня по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича

всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца тайному действительному советнику кавалеру и лейб-гвардии Преображенского полка капитану и коммерц-коллегии президенту Петру Андреевичу Толстому, да генералу-лейтенанту и лейб-гвардии Преображенского полка подполковнику Ивану Ивановичу Бутурлину с товарищи, по его Великого Государя указу и по сенатскому приговору велено: бывшему подьячему Ивану Курзанцову, который зловымышленным своим коварством составил воровски доношение на севского подьячего Василия Шагарова, будто ему Курзанцеву он говорил непристойные слова про Его Царское Величество и про благоверную государыню царицу и великую княгиню Екатерину Алексеевну, а по следованию того не явилось, и он Курзанцов с розыску в тайной канцелярии повинился, и его Шагарова в том очистил, и говорил, что он те вышеписанные зловымышленные слова на него Шагарова затеял из себя напрасно за ссору с ним Шагаровым по прежнему той канцелярии приговору августа 13-го числа 720-го году казнить смертью, отсечь голову, для того, хотя он по объявлении оной смертной казни Исаакиевскому протопопу Алексею, который призван ради исповеди его, сказал, что-де тайной канцелярия судьи ведут не так, как надлежит, а перед ними правительствующим Сенатом о том расспрашиван, что той тайной канцелярии судьи по тому делу вели не так, как надлежит, и он сказал: по тому делу надлежало было прежде допросить свидетеля Торопова и розыскивать им, да и повинные-де слова по тому делу говорил он, не стерпел розыску, а Шагаров-де такие непристойные слова подлинно говорил, а им не розыскивано; и потом в тех переменных речах для розыску привожен в застенок, и в застенке перед ныне же правительствующим Сенатом винился и сказал, что он говорил те переменные речи, отбывая смертной казни, и для оной экзекуции его, и подлинное о нем дело, и присланное письмо за печатью отослать в тайную розыскную канцелярию, а севского подьячего Филипова и белозерца Гвоздева, которые то воровское доношение набело переписывали, по-прежнему сыскивать из той же розыскной канцелярии, и по тому его Великого Государя указу оный Курзанцов и подлинное о нем дело с описью, и присланное письмо за печатью генерал-фельдмаршала кавалера светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова из Сената в тайную розыскную канцелярию послано: при сем Его Великого Государя указ и тайному действительному советнику кавалеру и лейб-гвардии Преображенского полка капитану и коммерц-коллегии президенту Петру Андреевичу Толстому, да генерал-лейтенанту и лейб-гвардии Преображенского полку подполковнику Ивану Ивановичу Бутурлину

с товарищи учинить о том по Его Великого Государя указу. Обер-секретарь Иван Позняков (**64**).

К 168 стр.

4. Правительствующему Сенату из канцелярии тайных дел. Доношение. В помянутой канцелярии имеется важное дело о доносителе Якове Орлове, который показывал, что он ведает за князем Иваном Ромодановским измену и о прочем; и по тому делу без главного рассуждения оная канцелярия решить не может, и через сие правительствующему Сенату предлагает и просит по тому делу решение; а о причинах, касающихся до помянутого Орлова из дела выписка и экстракт при сем сообщены, и на сие помянутая канцелярия требует указа. Октябрь 2 дня 1723 года. За подписанием т. д. с. кавалера, от лейб-гвардии капитана П. А. Толстого (**64**, 81).

К 177 стр.

5. 1722 генваря 24 дня в канцелярии тайных дел Шлиссельбургского полку сержант Василий Королев, который стоит в помянутой канцелярии на карауле, сказал: под ведомством его был под караулом раскольник и беглый солдат Никита Киселев, который против помянутого 24 дня в ночи умре без исповеди, и исповедоваться у священника он не желал, а сказал он, Киселев, что исповедоваться у священников не будет. И тело его зарыто в землю за Малою Невою рекою на выборгской стороне. К сей сказке Невского полку ротный писарь Семен Токарев вместо сержанта Василия Королева по его прошению руку приложил (**87**, 64).

К 188 стр.

6. 1720 г. марта в 14 день по указу великого государя действительный тайный советник кавалер и от лейб-гвардии Преображенского полка капитан Петр Андреевич Толстой, генерал-лейтенант и лейб-гвардии Преображенского полка подполковник Иван Иванович Бутурлин, бригадир и гвардии майор Андрей Иванович Ушаков, слушав присланного из Москвы от дьяков Тимофея Палехина с товарищи письма, в котором они объявили о наборщике Богдане Чаплыгине, о человеке вдовы Украинцевой о Гавриле Богданове, которые при объявлении им смертной казни показали за собою самые важные царственные дела, приказали: Чаплыгина расспросить в Москве дьяку Тимофею Палехину; буде он в чем станет упираться и не сказывать, то его Чаплыгина в застенок, и при пытке спрашивать: ежели покажет на кого из тамошних, то оных сыскивать и содержать в крепком аресте, и поступать с ними такожде, как в Преображенском приказе бывало по таким делам, и тех расспрашивать, и какой к чему будет след, так и чинить; а ежели на санкт-петербургских на кого

покажет, то оного Чаплыгина, оковав, за крепким караулом прислать в Санкт-Петербург на почтовых лошадях вскоре; а Гаврилу Богданова по следующим царского величества указам прислать в Преображенский приказ; буде же тамо за чем не примут, и над тем Богдановым чинить такожде, как и над Чаплыгиным, и о том в Москву к дьяку Тимофею Палехину писать; а что будет чинить, о том бы он Палехин писал. Петр Толстой. Иван Бутурлин. От гвардии майор Ушаков (**76**, 5).

К 199 стр.

7. Указ Его Величества Императора и Самодержца всероссийского из Сената Тайной канцелярии. В присланном ведении в Сенат из Санкт-Петербурга из конторы оставшего сенатского члена написано: марта же 20 дни сего 1724 году из тайной канцелярии при доношении подана промемория, присланная в тою канцелярию от генерала и кавалера князя Голицына, и при том допросы ямбургского полку драгуна Сергея Михайлова, который сказал за собою Его Императорского Величества слово, касающееся до превысокой Его Величества чести; також и обывательницы женки Авдотьи и в свидетельстве драгуна же Бердяева ко учинению указа; а в промемории показано, что оные содержатся под караулом; а в Санкт-Питербург при той промемории не присланы; и ежели же надлежит оных взять в Сенат, то способнее послать из Москвы, нежели из Санкт-Петербурга. А по справке в Сенате в состоявшихся Его Императорского Величества указах, которые писаны за собственной Его Величества рукою в прошлом 722 году, а именно в: 1) апреля 28 дня велено в городах и в селах и в деревнях являвшихся злодеев в злых словах, касающихся до превысокой чести Его Императорского Величества, в самой скорости имая, приводить в города к управителям, а им, приняв их и заковав в ручные и в ножные железа, не расспрашивая, прислать в Тайную канцелярию или в Преображенский приказ за крепким караулом; во 2-м: апреля 29 дня делам быть в Преображенском приказе следующим: которые в государственных делах, а именно в дурных словах или деле к возмущению и тому подобных дел; а понеже Тайная канцелярия в доношении своем объявляет, что по Его Императорского Величества указу вновь колодников и дел присылаемых ниоткуда в помянутую канцелярию принимать не велено, того ради по силе вышеписанных Его Императорского Величества указов Правительствующий Сенат приказали: оную присланную из конторы оставшего члена промеморию и подлинные допросные речи, также и по тому делу колодников, которые содержатся под караулом у генерала и кавалера князя Голицына, отослать для исследования и учинения указа в Преображенский приказ; да и впредь ежели такие дела присылаться будут

оные как из Сената, так и из тайной канцелярии, о том ведать и чинить по сему Его Императорского Величества указу: а в Преображенский приказ о том из Сената писано; и промемория, и подлинные допросные речи по оный приказ отосланы, а об отсылке колодников указ к генералу и кавалеру князю Голицыну послан. У подлинного указа подписано тако: обер-секретарь Анисим Маслов; секретарь Матвей Козлин. Актуариус Федор Неронов. Апреля 27 дня 1724 году (**189**, 12–13).

К 207 стр.

8) Доклад. По указу Ее Императорского Величества велено тайную розыскную канцелярию с делами и с приказными служителями отдать в ведение господину тайному действительному советнику князю Ромодановскому. А во оной канцелярии обреталися дела:	Резолюция на дела тайной канцелярии, куда которое отсылать.
1. Бывшия в 1718-м году Суздальское да Кикинское, и оные все вершены и оригиналы тех дел за печатями кабинета ее императорского величества да за государственною иностранной коллегии графа Толстого; а другие следования того же дела за печатями тайной канцелярии купно со оными обретаются в архиве иностранной коллегии.	1. Суздальское да Кикинское запечатать печатьми всех тех министров, коих у приговоров руки есть, и сверх того запечатать нашею кабинетною печатью, также и другие следования того ж дела; равным образом запечатать печатьми тех же министров, кои приговоры крепили, и нашего кабинетного, и отдать в архив в коллегию иностранную.
2. От 1719 году по нынешнее время по первым двум пунктам секретных дел было разных 280, и те все исследованы и решены.	2. Вершеные и секретные 280 дел отослать, тако ж запечатав, в архив иностранной коллегии с реестром, а таков же реестр сообщить в кабинет.
3. Да кроме оных особливо дело же о бывшем синодском секретаре Герасиме Семенове вершено.	3. Секретаря Семенова дело, осмотря, сжечь.
4. В той же тайной канцелярии по указам высокославной памяти его императорского	4. Отослать: ревельское масляное в адмиралтейство; Чирикова в воинскую коллегию.

величества были дела о следовании адмиралтейского ревельского провианта, о астраханском бывшем обер-коменданте Михаиле Чирикове, о раскольниках и другие тем подобные, и оные все вершены же.

5. Затем невершеных дел имеется: листы сысканные в письмах бывшего архиерея Федоса. Секретное. Сочинения архимандрита Кондоидия о доходах церковных

5. Сии невершеные дела отослать к тайному действительному советнику князю Ромодановскому, а какие — тому сообщить реестр в кабинет; а листы сочинения Кондоидиева прислать в кабинет же.

Интересных и по прошениям 12.

По астраханским делам, по которым надлежит взять 10 730 р., а недоправлено за крайнею бедностью тех людей, с кого оные правят, и все их имения распроданы, и кроме того с них взять более нечего.

По астраханским делам, по которым доимки 10 730 рублев, отослать в Сенат, и ежели есть на ком тою доимку взять, чтобы взыскивали, а ежели подлинно не на ком, то оную сложить.

Да в Москве взятое дело из Московского надворного суда в краже из собранных с отписных дворов и лавок 2502 рублев подьячими, которое в том суде следованием упущено, а ныне оное велено исследовать в рекрутной канцелярии секретарям.

О сей доимке с отписных дворов и лавок отослать в Ревизион-контору или куда заспособнее.

Да ныне при тайной канцелярии за расходы обретается наличных денег в Санктпетербурге 5059, да медаль золотая, взятая от Федоса чернца о коронации ее императорского величества, да за продажею вещей Федосовских в остатке на 164 р.; в Москве денег 1465. Итого в Санктпетербурге и

Наличные деньги прислать в кабинет.

в Москве денег 6524 р., и оные куда указано будет отдать?

Кикинские лавки продать с торгу охочим людям, кто больше даст; и те деньги, что по продаже возьмутся, прислать в кабинет; а ежели малую цену станут давать, то отослать их в ведение дворцовой канцелярии.

В Москве же под ведением тайной канцелярии отписных Кикинских лавок каменных и деревянных и мест всяких 75, оброку с них в год по 382 рубли.

Граф Петр Толстой сию копию подписал, а оригинальной указ к себе взял.

У подлинной резолюции подписано собственною ее императорского величества рукою тако: Екатерина. Июня в 17 1726 году в Санктпетербурге (**6**).

Оглавление

Веретенников Василий Иванович

История Тайной канцелярии Петровского времени

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Новопольцева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Издайте свою книгу у нас!

Издательство «Директ-Медиа» публикует учебники, монографии, литературу NON-FICTION, аудиокниги, новые издания и те, что с годами не утратили своей актуальности, коллективные научные сборники.

Наше издательство берет свои корни в книгоиздательских традициях и технологиях Германии. Мы – лидеры современного книгоиздательского процесса, охватывающего цифровые образовательные платформы для школ и вузов, издание электронных и печатных книг. Нашу продукцию отличает высокое полиграфическое качество и высокотехнологичный процесс продвижения книги.

Наши авторы – ведущие ученые и преподаватели страны. За 20 лет работы в России нами издано более 10 000 изданий учебной, академической и научно-популярной литературы.

Приобрести наши книги можно в интернет-магазине DIRECTMEDIA.RU и в ЭБС «Университетская библиотека онлайн» (BIBLIOCLUB.RU), в книжных и в интернет-магазинах страны.

Хотите приобрести книгу издательства «Директ-Медиа» или издать свое произведение?

Мы ждем Вас!

www.directmedia.ru

Email: manager@directmedia.ru

Tel.: 8-800-333-6845 (звонок бесплатный)

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

